

КРЫМСКИЙ КОННЫЙ
ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА
ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ
ПОЛК.

1784 1922

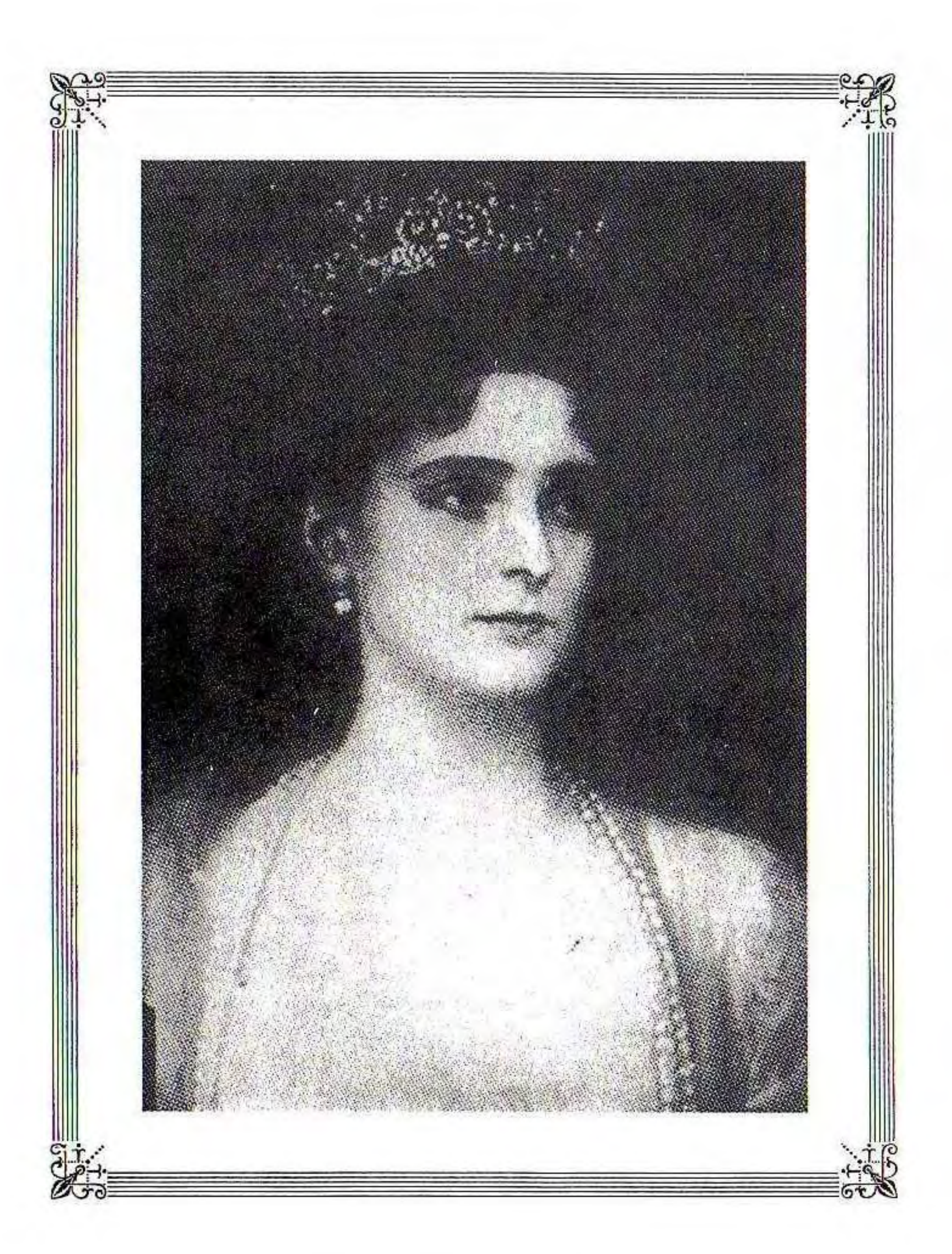
КРЫМСКИЙ КОННЫЙ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ ПОЛК.

Книга издана
Николаем Всеволодовичем Князем Кудашевым
и
Владимиром Азар.

За рубежом 1978 г.

КРЫМСКИЙ КОННЫЙ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ полк. 1784 — 1922 г. г.

Историческая памятка.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Эта памятка составлена на основании труда корнета С. М. Муфтий-Заде:

«Памятка Крымца Конного Ее Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны полка. 1913 г.»,

а также и на основании юбилейной памятки, составленной в 1934 г., полковником Г. А. Бако:

«1784 — CL — 1934.
Крымский Конный Ее Величества Государыни Императрицы
АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ полк
и полуторавековая служба Татар Крыма Державе Российской
Юбилейная справка.»

Обе памятки составлены на основании документальных данных, а юбилейная памятка (справка) помимо перечисленных в памятке источников, еще и на воспоминаниях некоторых г.г. офицеров.

В 1934 году, когда памятки корнета С. М. Муфтий-Заде нигде уже нельзя было найти, памятка полковника Г. А. Бако оказалась весьма ценной справкой о прошлом полка и в настоящее время еще не потерявшей своей ценности, но и ее тоже уже нигде не найти. С течением времени удалось собрать еще новые документальные данные, а также воспользоваться многими воспоминаниями г.г. офицеров, что вызвало в полковом объединении желание составить более подробную памятку, которая явилась бы дополнением к памятке полковн. Бако (Юбилейная справка, 1934 г. Париж), а также и более подробным описанием участия полка в 1-й Великой мировой войне и войне гражданской.

Новая памятка не является историей полка, но если когда либо появился бы историк, пожелавший заняться составлением полковой истории, то можно надеяться, что в новой памятке он найдет немало интересующих его сведений.

Сведения для помещения в памятке дали следующие т.г. офицеры:

Полк. А. Н. Эммануель
„ Г. А. Бако
(его памятка 1934 г.)
„ Д. Л. Сенявин
„ П. Н. Лесеневич
Ротм. В. Т. Юрицын
„ С. М. Муфтий - Заде
(его памятка 1913 г.)
„ В. А. Эммануель

Ротм. С. В. Дмитриев
„ П. П. Росницкий
Шт.-р. Е. В. Князь Кудашев 2-й
„ Э. Ф. Фон Фе
„ Г. Г. Дрига
„ И. М. Петрункевич
Корн. С. В. Марков (его книга «Покинутая Царская Семья»).

Все сведения на основании документов и личных воспоминаний г. г. офицеров собрали и в хронологическом порядке в настоящей памятке поместили

Ротмистр В. Т. Юрицын и
Ротмистр В. А. Эммануель при активной помощи вольноопределяющего Георгия Антоновича Люстих.

23-го дек. 1976 г.
Вайнлэнд, Н. Дж., С.Ш.А.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КРЫМСКИЙ КОННЫЙ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ полк.

ЧАСТЬ 1-я

Служба Крымских Татар Русским Императорам и Державе Российской в своих национальных войсковых частях. 1784 — 1890.

Крымский Конный Ее Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны полк тесно связан с Крымско - Татарским народом, поэтому старшинство полка по повелению Государя Императора Николая Александровича считается с того времени, когда Крымские Татары в своих боевых воинских частях впервые вступили в службу Российской Империи, т. е. с 1-го марта 1784 года (Прик. В. В. от 5 апреля 1911 года № 166).

В 1783 г. сразу же после добровольного присоединения Крыма к России среди Крымских Татар появилось стремление к возобновлению военной службы в своих родных войсковых частях. Особенно этот вопрос обсуждался среди татарских лидеров — мурз и беев (князей), которые решили послать делегацию к Светлейшему князю Потемкину - Таврическому с ходатайством о сформировании национального Крымско - Татарского войска. Главой делегации был выбран бывший предводитель войска у Шагин - Гирей - Хана князь Кантакузень, потомок молдавских князей. Делегация была приветливо и с почетом принята в ставке Светл. князя Потемкина, который обещал выхлопотать у Императрицы Екатерины Великой соизволение для формирования Татарских воинских частей.

Не сразу получено было это соизволение. Терпеливо пришлось ждать лихим наездникам и храбрым воинам; только приблизительно через год в 1784 году состоялся Высочайший указ Государыни Императрицы Светлейшему князю Потемкину - Таврическому, по которому повелено было образовать Крымско - Татарское войско.

С великим ликованием было встречено известие об этом указе. Уже

заранее были намечены все те начальники и воины, которые должны были вступить в формируемое войско. Поэтому формирование происходило весьма быстро, да оно было и несложным. В течение двух-трех дней со всех концов Крыма стекались на своих собственных конях всадники со своим вооружением, снаряжением и всем необходимым для боевой службы. Большинство лошадей было отличной Крымской горной породы, типа Арабской, резвых и выносливых. Первоначально было предположено сформировать пять конных дивизионов, названных «Бешлиями» по слову «беш», что на татарском языке означает пять. Однако на первое время обошлось лишь тремя дивизионами, в которые отбирались самые лучшие люди.

Большинство офицеров, а также и многие нижние чины, принадлежали к знатнейшим татарским родам. В составе дивизиона находилось 7 офицеров и 200 нижних чинов. Всадники татары вооружены были саблей, пикой и луком с колчаном, наполненным стрелами. Владели луком татары бесподобно, а т. к. в то время ружья были довольно примитивны, то лук со стрелами в руках татар не только был удовлетворительным дальнобойным оружием, но наводил и страх на противника. В 1787 году из трех дивизионов образовано было только два. Командиром одного из этих дивизионов был упомянутый уже князь Меметша Бей Кантакузень, майор и кавалер ордена Св. Владимира 3-й степени.

В этом же 1787 году на долю Крымцев выпала высокая честь сопровождать Государыню Императрицу Екатерину II в Ее торжественном следовании по Крыму. Государыня осталась очень довольной службой Крымских Татар и выразила свою Царскую благодарность командиру и всадникам дивизионов.

До 1790 года Крымцы несли сторожевую службу в Крыму, сопровождая почту, начальствующих лиц в их служебных поездках, а также охраняя разные государственные учреждения, склады казенного имущества и частные предприятия. Своей добросовестной работой заслужили общее удовлетворение и полное доверие.

В 1790 году было сформировано еще четыре дивизиона. Все шесть дивизионов под общей командой Меметша Бея князя Кантакузеня были двинуты к Польской границе, но в пути во время прохода через Черниговское наместничество был получен приказ о зачислении дивизионов в корпус генерала - аншефа Кречетникова и до 1792 года оставались в наместничестве, а затем вернулись в Крым, где были опять сведены в два дивизиона и снова началась старая напряженная служба до 1796 года, когда последовала кончина Государыни Императрицы Екатерины II, основательницы Крымских дивизионов, ценившей их службу и относившейся к ним с высоким благоволением.

Вступивший на престол Император Павел I, узнав, что дивизионы содержались за счет татарского населения Крыма, нашел необходимым освобо-

дить Татар от тяжелого бремени по содержанию дивизионов и поэтому повелел распустить конные дивизионы по домам, где каждый воин самостоятельно заботился бы о себе, но одновременно принимая во внимание то, что всадники расходились по домам на своих конях с полным вооружением и снаряжением, по воле нового Государя в нужный момент все они по первому зову должны были собраться и быть в кратчайший срок в полной боевой готовности. Таким образом служба их не прекращалась после роспуска по домам и считалась как бы на льготе. У всех была горячая надежда на то, что вскоре опять они смогут служить в своих строевых частях. Ждать этого долго не пришлось.

Начались войны с французами и Крымские Татары не хотели оставаться безучастными зрителями происходивших событий. В 1806 году через своего Муфтия и выбранных мурз Татары Крыма снова подают всеподданнейшее ходатайство Государю Императору Александру I о разрешении активно защищать отечество от врагов России и выразили готовность выставить нужное число полков на полном своем содержании. Милостиво было Государем Императором принято это ходатайство и по Высочайшему повелению было приступлено к формированию четырех конных полков. Основанием этого формирования послужили дивизионы — «Бешлии», в 1796 г. распущенные по домам и ожидавшие нового призыва. Если часть всадников этих дивизионов успела уже постареть, то большинство было еще вполне способно к владению конем и оружием, а кроме того к числу ожидавших вызова на службу все время присоединялись молодые джигиты, так что полки смогли быть сформированы без задержек. 12-го марта 1807 года было днем, когда формирование считалось уже законченным. Каждый полк был назван именем того уезда, заботами которого был снаряжен. Таким образом получились Симферопольский, Перекопский, Евпаторийский и Феодосийский конно-татарские полки. Командирами этих полков были назначены: Симферопольским — майор Кая Бей князь Балатуков; Перекопским — майор Ахмет Бей князь Хункалов; Евпаторийским — капитан Абдула Ага Мамайский и Феодосийским — поручик Али Мурза Ширинский. Офицерский состав всех полков состоял главным образом из мурз. Полки были сформированы по образцу казачьих. Форма одежды была также казачья и отличалась от казачьей лишь своими татарскими шапками. Вооружение было своеобразное и разнообразное. У всех были сабли; незначительная часть всадников была вооружена пикой; почти у всех были острые татарские ножи; еще у некоторых всадников сохранились луки со стрелами, но появились уже и пистолеты; у небольшого числа всадников были кулюки, официально называемые «кулюк - балта»; старинное татарское оружие, представлявшее собою род кирки с короткой рукояткой, у которой с одной стороны закругленая головка в роде молотка, а с другой стороны

заостренный конец. Это оружие бросалось иногда в догонку противника на тонком волосяном канатике.

Вследствие такого разнообразия в вооружении пришлось уже после сформирования полков выделять лучше вооруженных и более молодых в одни полки, а хуже вооруженных и более старых в другие.

Таким образом получилось, что два полка, Симферопольский и Перекопский, были по тому времени хорошо вооружены и представляли собой как бы полки 1-й очереди, Евпаторийский полк можно было рассматривать как полк 2-й очереди, а Феодосийский полк, как значительно хуже вооруженный и с более пожилым составом всадников, можно было считать полком 3-й очереди.

В средних числах июня 1807 года приказано было полкам выступить на театр военных действий, причем путевое довольствие людей и лошадей принималось за счет казны.

Полки шли походным порядком усиленными аллюрами. Все стремились поскорее дойти до соприкосновения с противником, но, дойдя до Кременчуга, был получен приказ полкам остановиться и, т. к. война кончилась, возвращаться обратно в Крым. Большое разочарование пережили Крымцы; уже второй раз приходилось возвращаться, не успев сразиться с врагом.

Вернувшись в Крым, всем чинам полков был дан отпуск. Кроме небольших кадров, остававшихся в тех городах, имя которых носили полки, все остальные чины были отпущены по своим домам, получив приказ немедленно по первому требованью явиться в свои полки.

Отпуск продолжался не очень долго. Уже весной следующего 1808 г. снова все полки находились уже в полном своем составе.

21-го мая Симферопольский конно - татарский полк выступил из города Симферополя и совершил поход до города Вильно, где вошел в состав казачьей бригады генерала Иловайского. Бригада была продвинута вперед к Прусской границе, которую заняла кордонами.

31-го мая из города Перекопа выступил Перекопский конно - татарский полк и был направлен для занятия Прусской границы в пределах Белостокской области.

Евпаторийский и Феодосийский конно - татарские полки выступили в поход с задачей охраны границ к западу от Киева и Житомира.

Симферопольский и Перекопский конно - татарские полки оставались на Прусской границе до открытия военных действий в 1812 году, когда они вошли в состав кавалерийского корпуса атамана Графа Платова. Под его командой участвовали в целом ряде сражений: 26-го июня при мест. Мире, где в блестящем кавалерийском деле вместе с казаками на голову разбили французскую и польскую конницу; также в удалых конных атаках в составе

конного корпуса генерала графа Платова Симферопольцы и Перекопцы отличились при Романове 1-го июля, при Могилеве 8-го июля, при Маревом Болоте 27-го июля, затем в большом сражении 4-го августа у Смоленска и далее при Поречье, Духовщине, Рузе, Можайске и, наконец, в генеральном кровопролитном сражении 26 августа при Бородине, где приняли участие в налете конницы в тыл французской армии.

При обозначавшемся начале отступления французов первыми врываются в оставляемую противником Москву Перекопский и Донской Иловайского 12-го полки и подвергают полному разгрому оставшихся еще в Москве французов.

После изгнания врага из Москвы Крымцы беспрерывно участвуют в преследовании противника. Симферопольский и Перекопский полки снова отличились в ряде лихих кавалерийских дел и особенно в сражениях при Малоярославце и Тарутине. Затем при дальнейшем преследовании противника все время продолжали наносить удары отходящим французским отрядам. У Гжатска, Дорогобужа и у Боровичского перевоза, где противник пытался оказывать сопротивление преследовавшей его русской коннице, Крымцы проявили неудержимую стремительность в полном разгроме французских отрядов. Последним лихим делом Крымских конно-татарских полков на Российской территории был налет на большую французскую колонну, переправлявшуюся через реку Неман у Юрбурга по дороге на Вильно.

За пределами России Крымцы продолжали свою доблестную боевую службу и своею отвагой и удалью поразили Герцога Александра Вюртембергского, под команду которого они поступили и прославились под стенами Данцига, а еще раньше при Тильзите, Рогнине и Бранденбурге. Особенно отличились при взятии крепости Данциг. Герцог доносил Главнокомандующему, что Татары явили чудеса храбрости и вполне заслужили звание лучшей конницы того времени. За дело при Шельмилле и Лангфуре командир Симферопольского полка полковник Князь Балатуков был награжден производством в генерал-майоры.

Евпаторийский конно-татарский полк с началом войны был назначен во 2-ю Западную армию и сперва нес кордонную службу вдоль реки Неман, а затем переведен был в Обсервационную армию генерала от кавалерии Тормасова и с частями авангарда принимал участие во многих боях. Особенно отличился при преследовании французов под Брест-Литовском; под Кобриным (15 сент.); при занятии города Белостока и разгроме войск французского генерала Ферьера; у м. Заблудов; при отступлении врага из Пружан; при селении Городечно (26 - 29 июля) и при нападении на цесарского генерал-цейхмейстера и разгроме его у деревни Низовичи. Начальник 18-й пехотной дивизии генерал-майор кн. Щербатов в рапорте своем на имя гене-

рала от кавалерии Тормасова указывает на то, что Евпаторийский конно - татарский полк оказал отличную храбрость и просит о награждении чинов полка.

Крымцы принимали участие и в действиях партизанских отрядов, что видно из рапорта генерал - лейтенанта Шепелева от 24-го сентября генерал-фельдмаршалу князю Кутузову о полученном им донесении от партизана Ахтырского гусарского полка подполковника Давыдова, что 15-го сентября с вверенным ему отрядом выступил из села Скоблев на большую дорогу между городом Вязьма и городом Дорогобуж, где, встретив большую партию неприятеля, следующую в армию, приказал Волынского уланского полка майору Храповицкому с гусарами, Донскими казаками и Татарами Симферопольского полка эту партию атаковать. Атака была решительная и успешная; более ста пятидесяти человек было положено на месте и приблизительно столько же взято в плен при двух офицерах (капитане и поручике). Об участии Евпаторийцев в партизанских действиях видно из донесения Сумского гусарского полка штаб - ротмистра Таубе князю Витгенштейну о том, что он выслал разъезд Евпаторийского полка под командой поручика Караша по дороге на Штольник для захвата обоза французов, что разъездом было отлично выполнено.

Генерал от кавалерии граф Платов отметил храбрость полковых мулл. В своем рапорте Государю Императору от 2-го июля 1813 года за № 1125 докладывает: «Полковые муллы в течение всей кампании исправляли свои обязанности и по вере их находились во многих с неприятелем сражениях и, внушая каждому долг присяги, сами также оказывали неоднократно примерную храбрость и по военному их обычаю всегда находились впереди. Ходатайствую о награждении их медалями на Георгиевской ленте». В 1813 году Евпаторийцы сражались в Германии. Участвовали в генеральных сражениях при м. Люцене и Кульме и в целом ряде других боев.

В 1814 году Симферопольский и Перекопский конно - татарские полки с казаками Атамана графа Платова в составе авангарда Русской армии 19-го марта через «Порт - Клиши» вступили в Париж и стали лагерем на «Елисейских полях».

Честно и свято выполняли всадники - Татары свой служебный долг и бесстрашно сражались за своего Царя и Родину. Все лишения и невзгоды боевой походной жизни безропотно и радостно переносились ими и всегда были готовы всадники к новым жертвам. Симферопольский и Перекопский полки, имевшие в 1811 году в строю полный комплект, понесли большие потери и уже под Данцигом потребовалось спешное пополнение. Пришлось послать раненого есаула Абдурамана Челеби Ильясова 1-го на Родину в свой родной Крым для привода пополнения. Своим сородичам в Крыму есаул Ильясов рассказал о доблести и славе родных полков, как геройски сражались они и как дорого

врагу стоила жизнь каждого воина Татарина. Молодежь с восторгом откликнулась на зов есаула Ильясова вступить в ряды полков и в течение нескольких дней собралось большое пополнение, которое есаул Ильясов успешно привел в полки, ряды которых пополнились новыми молодыми и восторженными бойцами.

Феодосийский конно - татарский полк в течение всей войны занимал линию берега реки Буг и в активных действиях против неприятеля не пришлось ему принять участия. В полку было слишком слабое вооружение, совершенно не для участия в решительных боевых действиях, но безукоризненным выполнением своей, хотя и скромной, но весьма необходимой и ответственной, задачи полк внес и свою долю в общее дело победы над врагом.

После окончания войны полки вернулись в Крым и до 1817 года оставались в полном своем боевом составе. Установилась нормальная мирная жизнь, поэтому по Высочайшему повелению, чтобы избавить татарское население Крыма от огромных затрат на содержание конных полков, полки эти были распущены по домам.

Согласно воле Государя Императора Александра I все офицеры были произведены в следующие чины, им сохранили мундиры полков и пожизненно оставили их в списках Русской армии; большинство офицеров удостоены были высшиим боевыми наградами, а многие всадники были награждены знаком отличия Военного Ордена. За Отечественную войну командир Симферопольского полка майор Кая Бей Кн. Балатуков был произведен в полковники, а затем в генерал - майоры и награжден был Орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, золотым оружием и Орденом Св. Георгия 4-й степени. Командир Перекопского полка майор Ахмет Бей князь Хункалов был произведен в полковники и награжден Орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом и золотым оружием. Все чины конно - татарских полков участники кампании 1812 — 1814 г.г. были награждены серебряной медалью на голубой Андреевской ленте; на медали стояла историческая надпись: «Не нам, не нам, а имени Твоему».

Многим не суждено было вернуться в свой родной Крым, оставшись на веки на полях сражений. Вернулись некоторые инвалидами и очень мало было таких, которые смогли остаться невредимыми. Вся кампания 1812 — 1814 г.г., вписавшая столь славные страницы в истории полков, показала также безграничную любовь и верность Крымско - Татарского народа своему Государю и Родине.

Хоть после трудов праведных, отдых в мирной домашней обстановке необходим и приятен, но слишком продолжительный отдых для природного воина Крымского Татарина становится ему уже в тягость. Это отлично понимал выдающийся боевой генерал Кая Бей князь Балатуков и вскоре же после

возвращения полков в Крым стал он хлопотать о сформировании хотя - бы небольшой воинской части из Крымских Татар в вознаграждение за их боевую службу во время Отечественной войны 1812 — 1814 г.г.

Государь Император Александр I сочувственно отозвался на это ходатайство и обещал дать распоряжение о сформировании гвардейского эскадрона. Однако для сформирования такой уже регулярной в строевом отношении части встретилось не мало затруднений. Гвардейский эскадрон был готов лишь в первый год царствования Императора Николая I. В 1826 году состоялся Высочайший приказ о сформировании Лейб - гвардии Крымско - Татарского эскадрона. Одновременно на имя генерала князя Балатукова была получена Высочайшая грамота о пожаловании ему Ордена Св. Анны 1-й степени.

Штат эскадрона состоял из одного полковника, девяти обер - офицеров, 24-х унтер - офицеров, четырех трубачей, 192-х рядовых. Две трети эскадрона постоянно находились на службе в С.-Петербурге, а одна треть на льготе в Крыму. Срок службы для эскадрона был уменьшен, вместо 25-ти лет — всего 15, из них девять лет на службе в С.-Петербурге, а шесть лет на льготе. Снаряжение эскадрона и его содержание производились за счет татарского населения Крыма, а жалованье за службу полагалось от казны. В то время унтер - офицеры получали 54 рубля, а рядовые 37 рублей серебром в год.

Форма одежды была установлена следующая: обыкновенная — синие куртка и шаровары, а для парадов надевалась алая куртка с четырьмя гозырями с каждой стороны груди. Гозыри были обшиты желтым гвардейским басоном; головной убор — старомурзацкая шапка, обшитая вдоль и поперек тем же желтым басоном, верхняя часть шапки алая, нижняя — черная. У офицеров вместо желтого басона был серебряный. Вооружение состояло из пики, сабли и пистолета.

20-го августа 1826 года Лейб - гвардии Крымско - Татарский эскадрон под командой полковника Адиль Бея князя Балатукова прибыл в Санкт-Петербург. Льготная часть эскадрона осталась в Крыму. Через два дня по прибытии был назначен эскадрону смотр Великим Князем Михаилом Павловичем. Смотр прошел отлично и Великий Князь остался доволен и пожелал эскадрону также блестяще представиться на смотру Государю Императору. Через два дня после Великокняжеского смотра состоялся и Царский смотр. Император Николай I подробно осмотрел всадников, лошадей и снаряжение; потом приказал командиру эскадрона произвести эскадронное учение. Смотр прошел вполне удачно и гвардейцы всадники Крымцы заслужили Государево «Спасибо».

Сперва эскадрон был размещен по обывательским квартирам, но вскоре, еще до конца года, была закончена постройка трехэтажного здания, в

которое переселились чины эскадрона. Казарма и конюшни находились на Обводном канале. В верхнем этаже казармы большая светлая комната была предназначена для выполнения религиозных служб; в ней находился михраб, т. е. возвышение, на которое мулла поднимается по лестнице для Богослужения в особо торжественные дни намаза. В той же комнате находилась красиво разукрашенная кафедра для проповеди.

В 1827 году началась война с Турцией. Эскадрон под командой ротмистра кн. Бей Биарсланова в составе Сводно-Казачьего полка выступил из С.-Петербурга и походным порядком направился к пределам Турции, переправился через реку Дунай и берегом Черного моря через крепость Исакчи прошел к крепости Кюстенжи - Мангалия и дальше к крепости Варна. Вместе со Сводным Казачьим полком эскадрон участвовал в упорном сражении по взятию этой крепости. За проявленные мужество, стремительность и храбрость Сводно-Казачьему полку и отдельно лейб-гвардии Крымско-Татарскому эскадрону были пожалованы серебряные трубы, а нижним чинам знаки отличия Военного Ордена. В течение всей войны эскадрон участвовал в боях и военных действиях, а по окончании войны 7-го октября 1829 года возвратился в С.-Петербург со своим новым командиром полковником князем Хункаловым, назначенным еще в 1828 году, когда эскадрон находился еще за Дунаем.

В течение около 24-х лет продолжалась мирная служба эскадрона совместно с частями Донского, Черноморского и Уральского казачьих войск

Появление Английской эскадры в Финском заливе и ее угроза столице потребовали от Российских Императорских войск особой бдительности для того, чтобы не допустить противника. По всему берегу залива находились конные сторожевые посты. В числе частей, охранявших берега Финского залива, находился и л.-гв. Крымско-Татарский эскадрон под командой полковника Батыр-Челеби Муфтий-Заде. Эскадрон наблюдал побережье в районе крепости Кронштадт. Льготная часть эскадрона под командой ротмистра Омера Бей князя Балатукова приняла участие в обороне Севастополя. 25-го сентября 1854 года, будучи в отряде генерала Рыжева, участвовала в сражении при Черной речке. В ночь на 25-е сентября наша конница переправилась через Черную речку и подымалась на Федюхины высоты. Шедший впереди «Лейхтембергских» (вероятно Ингерманландских?) гусар Гвардейский Крымско-Татарский эскадрон (Льготная часть) стремительно атаковал в конном строю неприятельский авангард, отбросил его и захватил в плен английский драгунский разъезд силою около взвода. За это дело Главнокомандующий Светлейший князь Меньшиков собственноручно надел знаки отличия Военного ордена на унтер-офицера Сейдамета Болова и рядовых Селима Абдумхарова и Маладжана Аметова. Об этой блестящей атаке Светл.

князь Меньшиков донес Государю Императору, на что последовал Высочайший ответ: «Рад, что Гвардейские Татары имели случай показать себя и Ты хорошо сделал, что наградил их».

В 1860 - 61 г.г. произошло печальное явление — массовое переселение Татар из пределов Крыма, главным образом в Турцию. Из за этого появились и затруднения в комплектовании и содержании л.-гв. Крымско - Татарского эскадрона.

Государь Император Александр II принял во внимание материальные затруднения татарского населения Крыма по содержанию гвардейского эскадрона, но не желая заслуженных и верных Ему Татар лишать права иметь свою боевую воинскую часть, повелеть соизволил вместо Лейб - гвардии Крымско - Татарского эскадрона образовать команду в составе трех офицеров и двадцати одного нижнего чина, причислить ее к Собственному Его Величества Конвою и присвоить этой команде имя: Команда лейб - гвардии Крымских Татар Собственного Его Императорского Величества Конвоя. Команда вошла в состав лейб - гвардии Кавказского эскадрона и пополнялась льготной частью, расположенной в Крыму. Одна треть команды находилась на службе, а две трети на льготе. Смена происходила каждые три года. Форма одежды сохранена та же, что и в эскадроне, только старомурзацкая шапка заменена была обыкновенной татарской народной шапочкой из черного смушка (каракуля). В составе лейб - гвардии Кавказского эскадрона находились также команды Горцев, Лезгин, Мусульман, Грузин и Армян; все команды несли службу наравне с казаками.

Во время войны с Турцией 1877 1878 г.г. Льготная часть команды Крымских Татар Собственного Его Императорского Величества Конвоя вместе со льготными казаками Кубанского и Терского казачьих войск находилась в Действующей армии при Главной Квартире Государя Императора Александра II.

Команда Крымских Татар приняла участие в совместных боях со льготными казачьими частями по взятию Горняго Дубняка, Ловчи и Плевны. Команда Крымских Татар своей лихостью и храбростью особенно отличилась в конной атаке у Ловчи 22-го августа 1877 года. За дело по взятии Ловчи Команда лейб - гв. Крымских Татар Собственного Его Императорского Величества Конвоя была награждена знаками отличия на шапках с надписью: «За Ловчу 22 августа 1877 года». Пятеро всадников команды были награждены знаком отличия Военного Ордена.

По окончании войны 1877 — 1878 г.г. снова продолжалась служба команды в рядах Собственного Его Императорского Величества Конвоя, а льготная часть по прежнему оставалась в Крыму. Пополнение команда лейб-гвардии Крымских Татар получала, как и раньше, из льготной части, но льгот-

ная часть пополнялась уже не непосредственно от татарского населения Крыма, а от сформированного в 1874 году Крымского Конного дивизиона.

16-го октября 1878 года был отменен семнадцатикопеечный сбор с каждого представителя Крымско - татарского народа на содержание команды лейб - гвардии Крымских Татар Собственного Его Императорского Величества Конвоя. Команда продолжала свою службу, но уже за счет Императорской казны.

Через 12 лет в 1890 году состоялся Высочайший указ, которым команда лейб - гвардии Крымских Татар исключалась из состава Собственного Его Величества Конвоя и переводилась в состав Крымского Конного дивизиона. Таким образом 64-х летняя служба Крымских Татар в Императорской гвардии прекратилась, но продолжалась дальше уже в рядах Крымского Конного дивизиона, в будущем Славного Крымского Конного Ее Величества Государыни Императрицы Александры Өеодоровны полка.

23-го октября 1976 года
Вайнлэнд, Н. Дж. С.Ш.А.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КРЫМСКИЙ КОННЫЙ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ полк. 1784 — 1922 г. г.

ЧАСТЬ 2-я.

Крымский дивизион; Крымский драгунский полк; Крымский Конный полк; Крымский Конный Ее Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны полк. 1874 — 1914 г.г.

После введения в России закона о всеобщей воинской повинности начались в большом числе формирования новых войсковых частей, в число которых вошел формируемый Крымский дивизион. На юге России, в частности в Крыму, давно уже ощущалась необходимость расквартирования какой либо кавалерийской части. Вследствие этого Государю Императору Александру II угодно было повелеть соизволить сформировать в Крыму отдельный конный дивизион.

В 1874 году был сформирован 1-й эскадрон, а в следующем 1875 году готов был и 2-й эскадрон. (Прик. В. В. № 178 и 198).

Крымский дивизион представлял собой совершенно регулярную кавалерийскую часть, сформированную по принципам всеобщей воинской повинности. Закон о всеобщей воинской повинности касался также и всего Крымско-Татарского народа, существовавшая же единственная Татарская воинская часть — Команда лейб-гвардии Крымских Татар Собственного Его Императорского Величества Конвоя, конечно, никак не могла принять хотя бы часть призывавшихся Татар в свои ряды, но Государь Император, желая наградить верных Ему Крымских Татар, оказал великую милость, повелев всех Крымских Татар, подлежавших призыву в войска, направлять в Крымский дивизион. Таким образом весь состав нижних чинов рядового звания в Крымском дивизионе заполнялся Крымскими Татарами, но содержание дивизона полностью установлено было за счет Императорской казны.

Команда лейб-гвардии Крымских Татар Собственного Его Император-

ского Величества Конвоя продолжала существовать и по прежнему пополнялась Льготной частью команды, находившейся в Крыму, но льготная часть пополняла свои ряды уже не непосредственно от Крымско - Татарского населения, а из Крымского дивизиона, что устанавливало непосредственную связь между всеми предыдущими Татарскими войсковыми частями и Крымским дивизионом.

В 1878 году был отменен сбор с Татарского населения Крыма на содержание команды Крымских Татар Императорского Конвоя, а в 1890 г. Команда лейб - гв. Крымских Татар Собственного Его Императорского Величества Конвоя вся полностью вошла в состав Крымского дивизиона и этим окончательно слились предыдущие поколения с новыми и служба Крымских Татар, начатая в 1784 году в «Бешлиях», продолжилась в Крымском дивизионе.

Для первого эскадрона, считавшегося по началу отдельным, установлен был штат личного состава: 2 штаб-офицера, 10 обер-офицеров, 38 унтер - офицеров, 6 трубачей и 175 всадников, т. е. штат достаточный для двух нормальных эскадронов, вероятно в предвидении формирования в ближайшем времени второго эскадрона. Все г.г. офицеры, унтер - офицеры и трубачи были из состава кавалерийских полков. Стоянка первого эскадрона назначена была в городе Бахчисарае.

Первым командиром дивизона назначен был полковник Владимир Александрович Полторацкий, Кавказский герой и кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени и золотого оружия. Окончив Пажеский Его Импер. Вел. корпус, имея возможность выйти в любой гвардейский полк, молодой тогда офицер В. А. Полторацкий выбрал скромный, но широко известный своей боевой славой Куринский пехотный полк, в котором он сразу же проявил себя отличным боевым офицером. Несмотря на то, что всю службу до штаб-офицерского чина он провел в пехоте, считался полковник Полторацкий известным знатоком кавалерийского дела и отличным конным спортсменом. Пробыв краткое время подполковником в отставке, он снова с Высочайшего соизволения вернулся в строй, был зачислен по кавалерии, произведен в чин полковника и назначен командиром Крымского дивизиона, формирование которого было еще лишь в проекте. Энергично взявшись за формирование, полковник Полторацкий в кратчайший срок успел создать лихую кавалерийскую часть. На смотру начальника штаба 7-го арм. корпуса ген. Рихтера первый сформированный эскадрон показал себя отлично. Выправка, дружные ответы на приветствия начальников, словесность и лихо проведенное эскадронное учение вызвали полное удовлетворение генерала Рихтера. Немедленно после этого осмотра приступлено было к формированию второго эскадрона. 1-й эскадрон окончательно был сформирован в ноябре 1874 г., а 2-й эскадрон был готов уже в июле 1875 года. 2-й эскадрон на смотру

также показал себя отлично. Официально дивизион считался сформированным 22-го июля 1875 г. и назван был: «Крымский дивизион». (Прик В. В. № 198). При дивизионе был сформирован хор трубачей, в составе которого были и Татары. В обоих эскадронах образовались хоры песельников. Пели популярные русские песни военного содержания и народные татарские. Особенно любили песню, сочиненную адъютантом поручиком Вертелем с заунывным тягучим напевом, близким душам всадников, напоминавшим им отчий дом в родных деревнях.

Наступила война 1877 — 1878 г.г. Дивизиону не пришлось принять участие в ожесточенных боях за Дунаем; поручена была Крымцам охрана побережья Черного моря. Хотя это была ответственная задача и напряженная работа, но не отвечавшая стремлениям всех чинов дивизиона, мечтавших о сражениях и боевой славе.

Штаб дивизиона находился в Севастополе, а охрана морского берега велась по обе стороны от Севастополя по направлению к северо-западу и к северо-востоку. По окончании войны 1877 — 1878 г.г. дивизион был снят с охраны побережья и расквартирован в Симферополе, где возобновилась служба мирного времени. Успешно шли занятия. Некоторое затруднение встречалось лишь в обучении словесности, т. к. большинство новобранцев поступало в дивизион неграмотными, а некоторые совсем не знали русского языка. Строевые же занятия быстро давали отличные результаты, особенно в обучении верховой езде; за небольшим исключением новобранцы умели ездить и только нужно было приучить их к однообразной регулярной посадке и к регулярному управлению конем.

В 1789 г. пользовавшийся большой популярностью в дивизионе полковник Полторацкий получил высшее назначение и новым командиром дивизиона назначен был полковник Волковский; при его двухлетнем командовании жизнь в дивизионе прошла вполне благополучно, спокойно по установленному порядку. В 1881 году полковника Волковского сменил полковник граф Милютин.

При комплектовании дивизиона новобранцами всегда получался некоторый сверхкомплект. Это дало возможность создать при дивизионе нештатную команду. Командир дивизиона полковник граф Милютин стал хлопотать о зачислении этой команды в штат дивизиона. Следствием его хлопот было сформирование в 1882 году апреля 17-го «Отдельной Крымской стрелковой роты». (Пр. В. В. № 116). Рота считалась отдельной, но была подчинена командиру дивизиона и постоянно находилась при дивизионе. Стрелки этой роты выделялись по стрельбе среди других частей Одесского Военного Округа. На всех смотровых стрельбах Крымская стрелковая рота всегда занимала первое место по успеху в стрельбе. Инспектор по стрелковой части округа

ген. Нотбек благодарил стрелков роты за достигнутые успехи и сравнивал их с прославленными Альпийскими стрелками.

С 1886 года во время Высочайших приездов в Крым один из эскадронов по очереди командировался в Государево имение Ливадию для несения почетной службы охраны Царской семьи.

В этом же 1886 году вместо получившего новое назначение полковника графа Милютина назначен был командиром Крымского дивизиона герой Туркестана полковник фон Транзеге. Хотя он был пехотным офицером, но будучи Туркестанским героем и кавалером Св. Георгия 4-й степени, а также имея достаточно высокую протекцию в столице, смог выхлопотать себе прекрасное назначение, на которое кандидатов было не мало. Командовал дивизионом полковник фон Транзеге семь лет. Если он не был в полной мере компетентным в кавалерийском деле, то стрелковую роту он подготовил превосходно. Был даже слух о разворачивании в отдельный батальон Крымской стрелковой роты, но вместо разворачиванья по неизвестным причинам 24-го декабря 1893 года рота была расформирована, пробыв при дивизионе более десяти лет. (Пр. В. В. № 298).

Большой и чисто военный опыт подсказывал полковнику фон Транзеге как поддерживать строевую подготовку и дисциплину в конных эскадронах и после его назначения на должность командира лейб-гвардии Кирасирского Ее Вел. Гос. Императрицы Марии Феодоровны полка Крымский дивизион оставался в том же превосходном состоянии, в каком был и до полковника фон Транзеге.

Во время командования дивизионом полковника фон Транзеге эскадроны дивизиона неоднократно находились на службе охраны Царской семьи в Ливадии. Государь Император Александр III и Государыня Императрица Мария Феодоровна были очень довольны отчетливой службой всадников — Крымских Татар и не раз благодарили за ревностную молодецкую службу всадников, а командиру выражали свое полное удовлетворение. Государыня Императрица особенно благоволила полковнику фон Транзеге и, когда освободилась должность командира л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка и Государыню спросили кого-бы Ее Величество желала видеть новым командиром Ее полка, то не задумываясь, указала на полковника фон Транзеге. Время отъезда полковника фон Транзеге на новую должность по службе совпало со временем расформирования Крымской стрелковой роты и следующему командиру дивизиона полковнику Баумгартену пришлось принять дивизион в составе только лишь двух конных эскадронов.

В октябре 1894 года на долю Крымцев выпало великое счастье встретить на станции Симферополь прибывшую Высоконареченную Невесту Государя Наследника Цесаревича Николая Александровича Принцессу Гессенскую

Алису. 8-го октября на границе России Принцесса Алиса была встречена Ее сестрой Вел. Княгиней Елизаветой Феодоровной, откуда вместе проследовали в Симферополь, где у вокзала ожидал Принцессу Алису выстроившийся в конном строю с трубачами во главе со своим командиром Крымский дивизион. Это была первая Русская воинская часть, с которой познакомилась будущая Российская Императрица Александра Феодоровна. 10-го октября в открытом придворном экипаже в сопровождении всех офицеров дивизиона Принцесса Алиса отбыла в Алушту, где была встречена Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем. После завтрака и небольшого отдыха Государь Наследник Цесаревич со своей Высоконареченной Невестой, среди восторженных приветствий местного населения, выехали в Ливадию. Весь путь от Симферополя до Ливадии был усыпан цветами. Г.г. офицеры Крымского дивизиона сопровождали Их Императорские Высочества до самой Ливадии, совершив весь путь верхом на своих конях без какой либо замены на промежуточных остановках.

Вскоре после радостного события приезда будущей Российской Государыни Императрицы вся Россия пережила глубокую печаль. 20-го октября 1894 года после тяжелой болезни в сорокавосьмилетнем возрасте скончался Государь Император Александр III. Крымцы приняли участие в печальных событиях отдания почестей Государю Великому Миротворцу при перенесении гроба из Ливадии в Ялту и на крейсер «Память Меркурия», доставивший гроб в Севастополь, где Государев гроб был перенесен в поезд, приготовленный для увоза гроба в С.-Петербург.

В дальнейшем в дивизионе продолжалась служба мирного времени, основанная на поддержании высоты воинского духа и блестящей строевой подготовке.

6-го мая 1897 года в день рождения Государя Императора Николая II Александровича, во время командования дивизионом полковника Пущина, Всемилостивейше пожалован дивизиону штандарт, что вызвало восторженную радость не только в дивизионе, но и в городах и селах, в которых проживали семьи Крымцев. Однако только 17-го июня 1900 года штандарт был вручен командовавшему в то время дивизионом полковнику Чарнота-де-Бояры-Боярскому. Прибытие штандарта было торжественно отпраздновано, а пребывание этой войсковой Святыни в дивизионе еще выше подняло дух и дисциплину. Согласно памятке, изданной в 1934 г. полковником Бако, Высочайшая грамата о пожаловании штандарта от 15-го мая 1900 года передана была полку лишь 16-го июня 1906 года, когда Крымский дивизион был уже развернут в Крымский Драгунский полк.

После печального события 1894 года Царская семья несколько лет подряд не проводила свой летний отдых в Ливадии и только после четырех-

летнего перерыва в 1898 году во время командования дивизионом полковника Карташева Крымцы вновь смогли стать на охрану прибывшей в Ливадию Царской семьи. В этом году очередь была 2-го эскадрона ротмистра Лихачева. Два раза 8-го и 17-го октября 2-й эскадрон конвоировал Государя Императора и Государыню Императрицу Александру Өеодоровну в поездке Их Величеств в экипаже в г. Севастополь и обратно. Государь Император наблюдал за сопровождавшими экипаж г. г. офицерами и нижними чинами эскадрона и изволил выразить удовольствие от вида бравых всадников на столь хорошо тренированных легких конях. Особенно понравилась Его Величеству лошадь ротмистра Лихачева, скакавшего рядом с Царским экипажем. На вопрос Государя какого завода его лошадь, ротм. Лихачев не без тайной радостной гордости ответил: «Собственного завода, Ваше Величество». В дивизионе, а потом в полку, было не мало очень хороших лошадей «завода Лихачева», находившегося в Северной Таврии. Такой пробег эскадрона в Севастополь (около 90 верст) и обратно, хотя и после нескольких часов отдыха в Сесастополе, мог быть совершен лишь войсковой частью, воспитанной в поддержании высокой морали, дисциплины и отличной строевой подготовки.

Примером безукоризненного выполнения своего долга и дисциплины может служить следующий характерный случай. В июне 1902 года в Симферополе было сильное наводнение. Маленькая горная речка Салгир после сильных дождей превратилась в огромной силы бурлящий поток, размывший стену казарменного двора. Вода хлынула во внутрь двора, где в это время стоял на часах у штандарта и денежного ящика всадник Сеит Вели Асан. Несмотря на угрожавшую ему опасность, он не покинул своего поста, лишь схватившись одной рукой за колесо денежного ящика, оставался на своем посту, хотя вода все время подымалась и достигла уже его шеи. Только с приходом разводящего был он сменен другим часовым, когда вода уже порядочно спала. В этот же день десять нижних чинов дивизиона оказали подвиги спасения под развалинами и утопавших местных жителей. Командир дивизиона полковник граф Келлер за молодецкое поведение всадникам, спасавшим погибавших горожан, выдал награду по 5 рублей каждому, а всадника Сеит Вели Асана представил к награждению за правильное исполнение долга присяги. Командующим войсками Одесского воен. окр. всаднику Сеит Вели Асану была выдана денежная награда в размере 25 рублей и приказ с описанием его подвига приказано было прочесть во всех ротах, эскадронах и батареях. Но этим не ограничились награды доблестному всаднику Сеит Вели Асану. 13-го августа того же года Высочайше пожалована всаднику Сеит Вели Асану серебряная медаль с надписью «За храбрость» для ношения на груди на Георгиевской ленте. Сеит Вели Асан удостоился счастья участвовать два раза на Георгиевском празднике в Высочайшем присутствии и обедал вместе

с Георгиевскими кавалерами в Ливадии в 1902 г. и в С.-Петербурге в 1903 г. Остальные десять нижних чинов, спасавших погибавших, были Всемилостивейше пожалованы серебряными медалями за «спасение погибающих» для ношения на груди на Владимирской ленте. Вахмистр Никита Грязнов получил медаль 1-й степени; ст. ун. оф. Омер Абдулганий — 2-й степени, а остальные: мл. унт. оф. Абдул Лятиф Курт Асан, мл. унт. оф. Билял Курт Омер и всадники Осман Сеит Омер, Болад Мурат, Вели Мулла Акселям, вольноопр. Андрей Кокораки, нестроевой команды Евсей Забора и Карл Кауман получили медали 3-й степени.

1905-й год принес тяжелое испытание всей России. События 1905 - 6 годов дивизиону пришлось пережить в постоянной напряженной и опасной работе по охране общественного порядка и в борьбе с бунтовавшими элементами. Особенно было тяжело в Севастополе, где взбунтовалась часть матросов и рабочих портовых заводов и мастерских. Везде во всех случаях Крымцы проявили себя беззаветно верными интересам Родины, никакие попытки бунтарей склонить всадников на свою сторону не имели успеха. Служба неслась не за страх, а за совесть, доверие всадников к своим офицерам было полное. Эскадроны и отдельные взводы Крымцев вызывались в разные места Крыма, где только вспыхивали беспорядки, но и не только приходилось работать в Крыму, но и в пределах Северной Таврии и даже Екатеринославской губернии. Везде Крымцы были грозой для врагов Отечества и не даром революционные элементы, загнанные в подполье, сохранили непримиримую вражду к Крымцам, не забытую и в дни отвратительной революции 1917 года. Крымцы беззаветно исполняли свой долг не только в составе своих взводов и эскадронов, но и в отдельных случаях вне строя. Бывая вне казармы, отдельные всадники поступали, как должно было поступать Императорскому солдату по присяге и своей совести. В своей «Памятке Крымца» корнет Муфтий-Заде приводит целый ряд примеров исполнения священных обязанностей долга присяги чинами дивизиона, но это были лишь примеры, а было и других случаев очень много.

Государю Императору благоугодно было высоко оценить верную службу Крымцев, а также и лояльность Крымско - Татарского народа, представители которого составляли 80% полного комплекта Крымского дивизиона, и Высочайшим приказом от 21-го февраля 1906 года Крымский дивизион развернут был в шестиэскадронный полк, получивший название: Крымский Драгунский полк.

В это время командиром дивизиона был полковник Владимир Илларьевич Матвеев и на его долю выпала ответственная и напряженная работа по разворачиванию дивизиона в полк.

Крымским дивизионом командовали:

1. Полковник Полторацкий (1874 — 1879).
2. » Волковский (1879 — 1881).
3. » Граф Милютин (1881 — 1886).
4. » Фон Тразеге (1886 — 1893).
5. » Баумгартен (1893 — 1896).
6. » Пущин (1896 — 1898).
7. » Карташев (1898 — 1900).
8. » Чарнота-де-Бояры-Боярский (1900 — 1902).
9. » Граф Келлер (1902 — 1904).
10. » Матвеев (командир дивизиона и полка с 1904 — 1908).

Ко времени начала разворачивания дивизиона в полк в рядах дивизиона находились следующие г.г. офицеры, врачи и классные чиновники:

Командир дивизиона — Полковн. Матвеев Владимир Илларьевич.
Заведующий хозяйством — Ротм. Кокораки Орест Андреевич.
Адъютант — Шт. - ротмистр Завадский Вадим Осипович.
Казначей — Поручик Топалов Яков Михайлович.
Зав. нестроевой к-дой — Шт. - ротм. Московенко Корнелий Степанович
Нач. учебной команды — Шт. - ротм. Ставраки, Николай Михайлович.
Ком-р 1-го эскадрона — Ротмистр Волошкевич Петр Пантелеймонович.

Младшие офицеры эскадрона: Шт. - ротм. Базов Михаил Петрович; шт. - ротм. Алтунжи Эммануил Петрович; пор. Осман Бей - Кн. Биарсланов; корн. Аксан Конрад Арнольдович; поруч. Шлиттер Петр Владим. и прап. Муфтий - Заде Селим Мурза.

Командир 2-го эскадрона — Ротмистр Николаев Степан Леонидович.

Младшие офицеры э-на: Шт. - ротм. Гиренков Евгений Георгиевич; корнеты Греков Константин Николаевич; Нарвойш Иван Казимирович; Мартыно Эммануил Феодосьевич; Мартынов Михаил Петрович и Адамович Борис Михайлович.

Прикомандированные к дивизиону: Л. - гв. Драгунского полка шт.-ротм. Желтухин Александр Васильевич; 7-го Запасного Кавалерийского полка поруч. Бако Григорий Александрович и 26-го Драгун. Бугского полка корнет Баженов Константин Павлович.

Мед. Врач Др. Баталов Александр Ал-дрович; Ветер. Врач Др. Кочухов; Делопр. Трусковский Александр Васильевич; Оружейный Мастер Евсеев Федор Капитонович и Полковой капельмейстер, Военный чиновник Малиев.

Так как 80%% состава Крымского дивизиона, а затем полка, представ-

ляли собой представителей магометанского вероисповедания, то и заботы о духовных нуждах верующих были возложены на известного, всеми уважаемого и высокообразованного муллу Сеит Смаила Эфенди Шааб Челеби, при котором состоял муэдзин Сеит Асан Эфенди.

На пополнение офицерского состава прибыли переведенные в полк Главным штабом, предварительно спрошенные о согласии, г.г. офицеры:

1.	Ротмистр	Фон Штерн Эрвин Карлович;
2.	»	Эммануель Александр Николаевич;
3.	»	Каллинг Константин Давыдович;
4.	Шт. - ротм.	Фон Кюгельген Николай Павлович;
5.	»	Берников Владимир Александрович;
6.	»	Ильин Владимир Дмитриевич;
7.	»	Петропольский Митрофан Михайлович;
8.	»	Сагайдак Сергей Павлович;
9.	Сотник	Зотов Евгений Алексеевич;
10.	»	Булгаков Омер Мурза;
11.	Поручик	Рыбасов Александр Павлович.

По окончании Русско - Японской войны вернулись в полк добровольно ушедшие на войну шт. - ротм. Дроздовский Юрий Иванович и поручик Григорьев Владимир Николаевич. Также по окончании войны переведен был непосредственно с театра военных действий подполковник Алиханов, занявший штаб - офиц. должность. Из Елисаветградского кавал. училища в 1906 г. выпущены были в полк корнеты Тарасевич Игнатий Николаевич и Полторжицкий Николай Адамович.

Разворачиванье дивизиона в полк шло весьма успешно. Помимо новобранцев, прибыли в полк все нижние чины — Крымские татары, находившиеся на службе в других войсковых частях, на основании приказа Главного штаба, переведенные в Крымский Драгунский полк. Недостаток унтер - офицеров, трубачей и некоторых специалистов мастеровых пополнился из состава других кавалерийских полков. С 1895 года на унтер - офицерские должности разрешено было ставить и Крымских Татар. В дивизионе было уже не мало отличных унт. - офицеров Татар, но для новых эскадронов таковых не было. Ежегодно среди новобранцев, если и было порядочное число неграмотных, то было и не мало грамотных, среди которых встречались и хорошо грамотные; эти последние, пройдя учебную команду, становились превосходными унтер - офицерами, не уступавшими по своей подготовке действительно отличным унтер - офицерам, прибывшим из других кавалерийских полков. Каждый полк старался поддержать доброе свое имя и не было в полках тенден-

ции избавиться от нежелательного элемента, а присылалось лишь все самое лучшее. Учебная команда дивизиона была рассчитана лишь на два эскадрона, а для шестиэскадронного полка потребовалось от команды значительное увеличение способности обучить кандидатов в унтер - офицеры для шести эскадронов.

Для пополнения конского состава была образована ремонтная комиссия, во главе которой командиром полка назначен был ротмистр Николаев. Лошади приобретались главным образом на Северном Кавказе и в Северной Таврии. На Кавказе приобретено было много легких, крепких «Кабардинцев», а из Северной Таврии и соседних уездов Екатеринославской губернии полк пополнился отличными Южно-русскими полукровками; большею частью лошади были гнедые. В полку официальн. мастью считалась гнедая, но осуществить на деле весь полк строго лишь гнедой масти было для одной ремонтной комиссии совершенно невозможно; все же, приобретая лошадей, ремонтная комиссия отдавала предпочтение не масти, а статьям лошади.

Всадники Крымские Татары унаследовали от своих предков лихость старых наездников и это обстоятельство способствовало в кратчайший период времени создать вполне съезженные и обученные эскадроны. Первым готовым эскадроном, еще в начале года, был 3-й, переименованный затем в 6-й, а к осени 1906 года были готовы уже все эскадроны.

Первоначально на должности штаб - офицеров и командиров эскадронов были назначены:

Старш. шт. - офицером и помощником к-ра полка по строевой части прибывший в полк после Русско-Японской войны подполк Алиханов, кавалер Георгиевского оружия; помощником к-ра полка по хоз. части ротм. фон Штерн, с произв. в подполк. Командиры эскадронов: 1-го ротм. Волошкевич; 2-го ротм. Николаев; 3-го ротм. Эммануель; 4-го ротм. Кокораки; 5-го шт. - р. Ставраки с произ. в ротм. и 6-го ротм. Каллинг. Начальником учебной команды был назначен штаб - ротм. Дроздовский. Все младшие офицеры были равномерно распределены по эскадронам. Несмотря на прибытие г.г. офицеров из других кавалерийских полков, все же полк оставался в некомплекте своего офицерского состава, но уже с 1906 года состав младших офицеров стал пополняться выпускаемыми из кавалерийских училищ молодыми корнетами. В скором времени некомплект не только, что был заполнен, но получился и сверхкомплект. Желающих выйти в полк всегда было много. Кроме того в полку постоянно находилось несколько офицеров, прикомандированных «по климатическим условиям».

Чтобы не получилось пятен на общем фоне фронта полка из за разных мастей эскадронов, некоторые эскадроны получили другие №№, с рас-

четом, чтобы различие мастей с правого фланга к левому переходило постепенно без резких изменений. 1-й эскадрон (вороной) остался на своем месте; 2-й эскадрон (гнедой) получил № 4-й; 3-й эскадрон (рыжий) стал 6-м; 4-й (темно - гнедой) переименован был во 2-й; 5-й (большей частью гнедой с примесью других мастей) остался пятым, а 6-й (гнедой) стал 3-м эскадроном. Трубачевский взвод сидел на серых конях. Несколько серых лошадей, не попавших в трубачевский взвод, составили небольшое светлое пятно в 5-м эскадроне. Окончательная нумерация эскадронов полка с их командирами была следующая:

1-й эскадрон;	ком-р	э-на	ротм.	Волошкевич.	Старейший	по	формиров.	эск.
2-й	»	»	»	»	Кокораки.	Четвертый	»	»	»
3-й	»	»	»	»	Каллинг.	Шестой	»	»	»
4-й	»	»	»	»	Николаев.	Второй	»	»	»
5-й	»	»	»	»	Ставраки.	Пятый	»	»	»
6-й	»	»	»	»	Эммануель.	Третий	»	»	»

10-го апреля 1907 года 4-й эскадрон был командирован в имение «Чаир» для охраны двора Великого Князя Николая Николаевича. Образцовая служба Крымцев удостоилась весьма лестного отзыва Великого Князя, который отправил командующему войсками Одесского военного округа следующую телеграмму:

> «Считаю своим долгом сообщить Вам, что служба Крымского Драгунского полка за все время пребывания моего в «Чаире», достойна особой похвалы.
>
> Генерал - Адъютант НИКОЛАЙ.»

31-го декабря 1907 года Крымский Драгунский полк переименован в Крымский Конный полк (Высочайший приказ от 31 декабря 1907 г.), но в полку все осталось по старому без перемен, только изменилось название. Приказ о переименовании полка сразу решил смущавший офицеров вопрос о том, как это в драгунском полку приняты казачьи седла. Много споров было на эту тему. Часть г.г. офицеров считала необходимым просить командира полка ходатайствовать о замене казачьих седел регулярными кавалерийскими, а другая часть защищала казачьи седла. как исторические и как седла, к которым привыкли наши куйдыши Татары. К сторонникам казачьего седла принадлежали и все, считавшиеся в полку лучшими ездоками и спортсменами, утверждавшие, что хорошие ездоки на любом седле будут себя чувствовать вполне уверенно и свободно могут ездить по системе, принятой в

регулярной коннице. К общему удовлетворению оказалось, что само Высокое начальство подумало разрешить вопрос о седлах и Крымцам оставлены были исторические седла, на которых их предки скакали по полям сражений, а название «Драгунский» заменено было названием «Конный», как более подходящее для казачьего седла.

Крымский Конный Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полк входил в состав 7-го армейского корпуса и непосредственно был подчинен начальнику штаба корпуса, пользовавшегося правами командира отдельной кавалерийокой бригады. Другим отдельным конным полком в составе 7-го армейского корпуса был 7-й Донской казачий Атамана Денисова полк, также непосредственно подчиненный начальнику штаба корпуса. Имея общего начальника с правами командира отдельной бригады, полки в бригаду соединены не были и ни на маневрах ни во время лагерных сборов никогда не встречались, а по мобилизации оба полка убыли из состава 7-го армейского корпуса.

В начале 1908 года произошло в полку печальное событие. Подполковник Алиханов, выдающийся наездник и спортсмен, во время его поездки верхом, вместе с конем упал на каменную мостовую, головой ударился о камень и на месте был убит. Это большое несчастье произвело в полку весьма тяжелое впечатление: доблестный офицер, не так давно еще находившийся в течение всей войны на передовых линиях и пощаженный вражеской пулей, теперь погиб от такой горестной случайности. Через короткий промежуток времени после смерти подполковника Алиханова снова произошло опечалившее всех в полку событие; скоропостижно скончался всеми уважаемый старший медицинский врач коллежский советник доктор Баталов.

Эти два печальных события сразу вызвали в полку некоторые перемены. На должность старш. штаб. - офицера и помощника командира полка по строевой части назначен был подполковник фон Штерн. Помощником по хозяйственной части ротмистр Николаев с производством в подполковники и младшим штаб - офицером назначен был ротмистр Эммануель, также с производством в подполковники.

На освободившиеся должности командиров 4-го и 6-го эскадронов вступили: шт.-ротм. фон Кюгельген — 4-го и шт.-ротм. Берников — 6-го.

На место скончавшегося д-ра Баталова прибыл назначенный в полк коллежский советник д-р Скорюхов, а должность младшего медицинского врача занимал со времени разворачиванья дивизиона в полк надворный советник д-р Калачев.

Адъютант полка шт. - ротм. Завадский по своему собственному про-

шению был переведен в Главный штаб, а на его место полковым адъютантом назначен был шт. - ротмистр Петропольский.

В этом же году после двухлетней напряженной и ответственной работы по разворачиванию полка, видя блестящие результаты своей работы, командир полка полковник Матвеев решил, что может уже уйти на покой и передать полк другому более молодому командиру. Рапорт об отставке был принят и полковник Матвеев был уволен в отставку, но без сохранения полков. мундира. Тепло и с любовью провожали старого командира, который хотя и уезжал в С.-Петербург, но обещал часто приезжать и навещать своих полковых друзей.

11-го сентября 1908 года новым командиром полка был назначен лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка флигель - адъютант полковник Княжевич Николай Антонинович.

Новый командир сразу стал знакомиться со всеми сторонами полковой жизни. Получив прекрасное наследство от своего предшественника, полковник Княжевич со свойственной ему энергией стал проводить разные дополнения к уже созданному и старался довести в полку все до высшего предела благолепия. Будучи потомственным дворянином и жителем Крыма, где у него на Южном берегу было благоустроенное имение, полковнику Княжевичу были известны все нужды населения; он понимал, что для полка, состав которого комплектовался местными уроженцами Татарами, необходима была связь с мусульманским населением, которая должна послужить залогом любви к полку и вызвать стремление молодежи служить в полку, а также, чтобы полковые радости были бы и радостями местного населения. Этому сближению местного населения с полком полковник Княжевич придавал большое значение и в первую очередь он решил поднять вопрос о создании полковой мечети.

С 1909 года после довольно долгого перерыва ИХ ВЕЛИЧЕСТВА с семьей снова стали проводить свой отдых в имении Государя Ливадия. В этом году Царский приезд был особенно торжественно встречен горожанами Ялты, показавшими большую любовь и преданность своему Государю и Царской семье. Еще до подхода к Ялте Императорской яхты «Штандарт» собралась огромная толпа у Ялтинского мола и на Набережной; в руках у встречавших было много цветов. Как только «Штандарт» стал у мола, Государь и Государыня с Наследником Цесаревичем и Великими Княжнами вышли на мол. Государь Император поздоровался с почетным караулом и после молодецкого ответа раздалось громкое непрерывное «ура!». Пропустив затем почетный караул — роту Виленского полка церемониальным маршем, Государь и Государыня с Наследником сели в экипаж, во второй экипаж сели Великие Княж-

ны и Царские экипажи тронулись в путь в Ливадию, а за ними и экипажи свиты. Впереди скакала на прекрасных лошадях группа Татар в своих национальных куртках, расшитых золотом, и расчищала дорогу. Толпа народа шла вплотную с медленно двигавшимися Царскими экипажами и путь следования засыпался цветами. Пение народного гимна огромной толпой сливалось с перезвоном церковных колоколов. Нигде не было видно ни одного городового или каких либо других чинов полиции. По прибытии царского кортежа в Ливадию над Государевым дворцом взвился Императорский штандарт. Войска стояли шпалерами по всему пути следования Царской семьи.

Два эскадрона Крымцев уже заранее были командированы в Ливадию для несения службы охраны Их Величеств.

Через несколько дней Их Величества, узнав из доклада командира полка о проекте создания полковой мечети, очень заинтересовались этим вопросом. Государыня Императрица Александра Өеодоровна сразу же пожертвовала из личных своих средств 10.000 рублей, а Государю Императору благоугодно было сделать ценный подарок в виде нескольких дорогих ковров. Получено было также Высочайшее соизволение о позаимствовании сумм из Вакуфного капитала. Мысль о создании полковой мечети стала превращаться в действительность. День закладки мечети прошел чрезвычайно торжественно. Съехались все именитые мусульмане Крыма, как духовного, так и светского звания. В этот же день произошла также закладка здания нового полкового офицерского собрания, на постройку которого были отпущены суммы из личных средств Гсударя и таким образом собрание явилось личным подарком Его Императорского Величества г.г. офицерам полка. Место постройки мечети и полкового офицерского собрания находилось около старых казарм дивизиона. В скором времени началась постройка новых казарм еще на четыре эскадрона, являвшихся продолжением старых. Старые казармы находились в «малом полковом дворе» и в них стали помещаться все полковые команды: трубачи, нестроевая команда, учебная команда, команда связи и штабные. Новые казармы со своими конюшнями образовали «большой полковой двор». В Бахчисарае приступлено было к постройке прекрасных казарм и офицерских квартир для одного эскадрона; такие же казармы для одного эскадрона были построены в Севастополе. Таким образом зимние стоянки подразделений полка были распределены в следующем порядке: штаб полка, все команды и четыре эскадрона в Симферополе, один эскадрон в Бахчисарае и один в Севастополе. Для постройки казарм была образована специальная комиссия под председательством подполковника Эммануель; в комиссии участвовали несколько офицеров полка и инженеры военные и гражданские. Все казармы были построены по последнему слову техники, просторные, с большими, дающими много света, окнами; тут же были построены и превосходные конюш-

ни. В имении Ореанда у Ливадии были также выстроены казармы и конюшни для двух эскадронов, приходящих во время Царских приездов для несения службы охраны Их Величеств. При этих казармах были построены также помещения для офицеров и маленькое офицерское собрание. Кроме всех штатных эскадронов и команд полка с 1905 года в имении «Массандра» около Ялты находился нештатный взвод в полном распоряжении начальника гарнизона г. Ялты, в будущем градоначальника, ген. - майора Думбадзе. С разрешения командующего войсками Одесского военного округа этот взвод был составлен из нижних чинов всех эскадронов полка. Командиром взвода был поручик Э. Ф. Мартыно. Взвод помещался в помещениях имения Массандра. В 1914 году с уходом полка на фронт военных действий взвод был упразднен и чины взвода вернулись в свои эскадроны.

Государь Император изволил все время интересоваться ходом работ по созданию всей материальной части, так много содействующей духу и блестящей строевой подготовке полка. Отдавая должное заботам нового командира, Его Величество не забыл и старого командира, на которого легла вся тяжесть развертывания дивизиона в полк. Его Величеству благоугодно было оказать Высочайшую милость бывшему командиру полка полковнику Матвееву и 13-го декабря 1908 г. состоялся Высочайший приказ о производстве отставного полковника Матвеева в генерал - майоры с оставлением в отставке и с сохранением ему мундира Крымского Конного полка.

Крымцы несли охрану не только в имении Их Величеств, но и в находящихся на Южном берегу Крыма имениях Великих Князей. Так в 1908 году в то время, когда 1-й и 4-й эскадроны были в Ореанде, 5-й эскадрон был вызван для охраны Великих Князей Николая Николаевича и Георгия Михайловича в имениях «Чаир» и «Харакс».

Работы по постройке полковой мечети, офицерского собрания и казарм продвигались быстро и успешно. Открытие мечети приурочено было ко дню 10-го октября 1909 года в память того дня, когда 15 лет назад 10-го октября 1894 года Крымский дивизион имел счастье на станции Симферополь быть первой войсковой частью Российской Императорской армии, встретившей Ее Величество Государыню Императрицу Александру Феодоровну, тогда еще Августейшую Невесту Государя, при Ее приезде в Россию и когда офицеры дивизиона удостоились чести во главе со своим командиром полковником Баумгартеном сопровождать верхом коляску Государыни до Ливадии.

В день 10-го октября 1909 года была получена телеграмма Государя Императора, которая была прочитана перед фронтом полка во время торжественного открытия полковой мечети. Содержание телеграммы было следующее:

«Сего десятого октября в ознаменование пятнадцатилетней годовщины прибытия в Симферополь и встречи Государыни Императрицы чинами Крымского дивизиона, сопутствовавшими Ее Величество в Ливадию, Я, ценя верную и преданную службу Крымцев, назначаю Ее Величество Государыню Императрицу Александровну Феодоровну Шефом Крымского Конного полка.

НИКОЛАЙ.»

Одновременно получена была телеграмма и от Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны, также прочитанная перед фронтом полка. Телеграмма Ее Величества имела следующее содержание:

«Сердечно обрадованная Милостивым назначением Меня Шефом Крымского Конного полка, приветствую Мой полк по случаю открытия полковой мечети в Симферополе в памятный для Меня день первой Моей встречи с полком 15 лет тому назад. От всей души желаю Моему полку счастья и процветания на радость Государю и Мне.

10 октября 1909 г. АЛЕКСАНДРА.»

Обе телеграммы были лично прочитаны командиром полка флигель-адъютантом полковником Княжевичем, провозгласившим здравицу Их Величествам.

Громкое, долго несмолкаемое «Ура» было подхвачено не только чинами полка, но и всеми присутствовавшими на празднестве. Общая радость была безгранична.

В знак глубокой благодарности и безграничной любви к Престолу и Родине первая мусульманская молитва, раздавшаяся в стенах ново-освещенной мечети, была молитва за Царя, Августейшего Шефа и всего Царствующего Дома. Мечеть была названа «Джемиет Валиде», что значит «Мать Народа», имя, данное Крымскими Татарами Державному Шефу своего родного полка.

В первые же дни после открытия полковой мечети у г.г. офицеров во главе с командиром полка зародилась мысль разбить сад на принадлежавшем полку участке между офицерским собранием и мечетью. Полковник Княжевич исходатайствовал разрешение этот сад назвать «Царской рощей» и получив Высочайшее соизволение, посадил два дерева: одно Государя Императора, другое Августейшего Шефа; каждый офицер полка посадил по одному своему дереву. Разрастаясь с каждым годом, «Царская роща» стала служить украшением части города возле расположения полка.

Не прошло и месяца, после назначения Ее Величества Шефом полка, как новая милость Государя вызвала великую радость в полку; Его Величество изволил зачислить себя в списки полка с 5-го ноября 1909 года. Одновременно офицерам полка был пожалован алый мундир для ношения вне строя в особо парадных случаях. Этот новый мундир отличался от старого лишь цветом. Старый черный мундир считался строевой парадной формой, алый мундир праздничной формой вне строя. Заменены были серебряные перевязь и портупея для шашки другими, образца лейб.-гв. Крымско-Татарского эскадрона, тоже серебряные, но с алыми просветами: четырьмя на перевязи и двумя на портупее. 17-го декабря 1909 года все офицеры полка в новопожалованных мундирах удостоились представиться Их Величествам на яхте «Штандарт», стоявшей у Севастопольской пристани. Государь Император выразил желание, чтобы во время следования поезда Их Величеств из Севастополя в С.-Петербург, полк был бы выстроен в конном строю вдоль полотна железной дороги около Симферополя. На большом полковом плацу, примыкавшем к жел. дороге южнее Симферопольского вокзала, в назначенное время полк в полном своем составе в конном строю выстроился в ожидании Царского поезда. Медленно двигался Императорский поезд вдоль строя Крымцев. У окон вагона стояли Их Величества Государь Император и Государыня Императрица Александра Өеодоровна. Полку посчастливилось в полном своем составе увидеть своего Шефа и Державного Однополчанина, которых Крымцы приветствовали громкими несмолкаемыми «Ура!».

Новый 1910 год г.г. офицеры торжественно встречали уже в новом полковом собрании.

У каждого офицера в полку со дня его прибытия в полк был свой серебряный именной прибор, который оставался в полку на вечные времена. Государь и Государыня выразили желание также иметь свои приборы и к новому 1910 году пожаловали в полковое собрание свои именные приборы и несколько роскошных драгоценных ковров.

Весной 1910 года, в ответ на телеграмму командира полка Его Величеству о посадке деревьев имени Государя и Государыни, полк удостоился получению Высочайшей телеграммы следующего содержания:

«Желаю Моему дереву быть вековым свидетелем постоянно верной и доблестной службы Крымцев ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА.

17 марта 1910 года. НИКОЛАЙ.»

В дальнейшие годы во время пребывания Царской семьи в Ливадии, каждый раз продолжались командировки двух эскадронов для службы охраны Их Величеств. Каждый раз приходили в Ливадию эскадрон Ее Величест-

ва и один очередной эскадрон; так в 1911 году очередной был 6-й эскадрон, в 1912-м — 5-й, в 1913-м — 3-й и в 1914 году — 2-й эскадрон.

21-го ноября 1911 г. Государь Император посетил дивизион, стоявший в Ореанде, осматривал помещения нижних чинов, а также и офицерские комнаты. 13-го декабря вновь состоялся приезд Его Величества с Августейшим Шефом полка Государыней Императрицей. Их Величества обходили расположение дивизиона, осматривали помещения, пробовали пищу и удостоили всех офицеров милостивыми расспросами. Перед отъездом Государь и Государыня выразили желание сняться в кругу офицеров полка. На пути ко дворцу командир и офицеры полка верхом провожали Державных Гостей до Ливадии. Государь был в форме полка.

Во всех парадах, бывавших в Ливадии, Крымцы принимали постоянное участие. Но не только несением службы охраны и участием в парадах были заняты Крымцы; но и ежедневными строевыми занятиями. По пятницам и воскресениям занятия не производились; пятница была мусульманским выходным днем, а воскресенье — православным. Праздники православные и мусульманские в полку строго соблюдались, но в будние дни занятия велись с удвоенной энергией. Период полковых учений постоянно происходил при общем сборе полка в Симферополе. Полк участвовал и в лагерных сборах 7-го корпуса большею частью в районе Севастополя, но иногда в Екатеринославской губернии в районе расположения частей 7-го арм. корпуса.

В 1912 году в Ливадии после парада по случаю полкового праздника 23-го апреля Государь Император лично поздравил командира полка флигель-адъютанта полковника Княжевича с производством в генерал-майоры с зачислением в Свиту Его Величества и с оставлением в должности командира полка. В этот же день Их Величества доставили полку великую радость принятием полкового нагрудного знака.

Высочайше утвержденный полковой знак представляет собой лаврово-дубовый венок из оксидированного серебра, в середине которого находится двуглавый золотой, тоже оксидированный, орел (герб Таврической губернии), на груди орла Андреевская звезда (в память 64-летней службы в гвардии), под орлом золотые звезда и полумесяц. Венок снизу стянут бантом алого цвета, на котором изображены вензеля Шефа полка, Императрицы Екатерины Великой и Государя Императора Николая II, а также год старшинства полка.

25-го апреля 1912-го года Его Величество изволил посетить расположение полка в Симферополе и полк имел счастье принять у себя своего Государя Императора — Державного Однополчанина. В офицерском собрании состоялся завтрак в Высочайшем присутствии. По желанию Государя никого из посторонних гостей не было. Только Его Величество и г.г. офице-

ры полка. Чувствовалось, что Государь был доволен той уютной без какого-либо специального этикета обстановкой, создавшейся за завтраком. Поднимая бокал за здоровье полка, Государь Император передал привет от Августейшего Шефа и выразил уверенность в том, что доблестная служба Крымцев и впредь будет такой-же, какой была до сих пор на пользу Престолу и Родине. После завтрака, прощаясь с командиром полка, Его Величество изволил сказать ген. Княжевичу: «Я ожидал от полка многого, но то, что Я увидел сегодня, превзошло Мои ожидания». Затем Государь на автомобиле отбыл в Ливадию через Бахчисарай, где изволил остановиться для осмотра расположения стоявшего в то время там 3-го эскадрона, а также и вновь отремонтированной мечети, к которой был пристроен великолепный минарет на добровольные пожертвования мусульман Крыма. В этот же день была получена телеграмма от Ее Величества Шефа: «Искренне сожалею, что не могла посетить расположение Моего полка вместе с Его Величеством. Посылаю всем вам сердечный привет. Шеф».

В августе 1912 года на Бородинском поле сражения по случаю столетнего юбилея состоялись большие торжества. От всех войсковых частей, участвовавших в Бородинском сражении, были командированы на Бородинское поле свои представители. Крымцы были представлены взводом под командой штаб-ротмистра Дроздовского. В день столетия Бородинского сражения 26-го августа взвод Крымцев принял участие в грандиозном параде на исторических полях, орошенных кровью предков; проходя по этим полям, участники парада могли перенестись мыслями в далекое прошлое и представить себе те славные боевые дела, выпавшие на долю дедов и прадедов. В воспоминание о славных делах 1812 года всем чинам полка была пожалована светло-бронзовая медаль для ношения на груди на Владимирской ленте. На медали был изображен в профиль лик Императора Александра I, а на обратной стороне медали надпись: «Год сей минул, но не пройдут содеянные в нем подвиги».

9-го октября 1912 года Крымцам пришлось расстаться со своим командиром, пользовавшимся общими уважением и любовью. Высочайшим приказом от 9-го октября Свиты Его Величества генерал-майор Княжевич назначен был командиром 2-й бригады 8-й кавалерийской дивизии. Высочайшим приказом того же 9-го октября командиром Крымского Конного Ее Величества полка назначен лейб-гв. Уланского Ее Величества полка полковник Дробязгин Сергей Аркадьевич.

12-го марта 1913 года Государю Императору благоугодно было зачислить Свиты Его Величества ген.-майора Княжевича в списки Крымского Конного Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка с оставлением ему полкового мундира.

В 1913 году Царская семья посетила свою любимую резиденцию Ливадию во второй половине лета. Как и в предыдущие годы, два эскадрона ко времени прибытия Их Величеств были командированы в Ливадию, но и весной Крымцы также несли службу на Южном берегу Крыма. 1-го апреля 4-й эскадрон был вызван для несения службы в имении Великого Князя Николая Николаевича «Чаире». Полковой праздник был отпразднован в расположении полка в Симферополе, но командир полка и несколько офицеров полка, находившихся в это время в С.-Петербурге, имели радость от имени всего полка поднести Ее Величеству Августейшему Шефу поздравления с днем тезоименитства Государыни и с днем полкового праздника. Государыня Императрица радушно приняла полковую депутацию в Царскосельском дворце и подарила полку свой портрет с собственноручной подписью на русском и татарском языках.

Вскоре по прибытии в Ливадию Государь Император 12-го августа 1913 года произвел смотр войскам Севастопольского гарнизона. В это время в Севастополе находился 5-й эскадрон, который принял участие в параде и, проходя церемониальным маршем перед Его Величеством, удостоился заслужить Царское «Спасибо»!

В 1913 году по всей России торжественно было отпраздновано Трехстолетие Дома Романовых. Наравне с другими войсковыми частями, также в Крымском Конном Ее Величества полку всем чинам полка были пожалованы светло-бронзовые юбилейные медали на трехцветной бело - оранжево - черной ленте с изображением Царя Михаила Феодоровича и Государя Императора Николая II Александровича.

В этот свой приезд Их Величества изволили проявить особенно милостивое отношение к чинам полка; чувствовалось, что Государь и Государыня избегают проявлений чрезмерной официальности. Участились Царские приезды из Ливадии в Ореанду, где Их Величества изволили интересоваться как служебными обязанностями Крымцев, так и их домашним бытом. Узнав о том, что в семье поручика Юрицына произошло радостное событие — рождение сына; Ее Величество выразила желание быть Крестной новорожденного младенца, что вызвало общую радость, не только в семье Юрицыных, но и во всем полку.

Очень торжественно были проведены крестины и Государыня Императрица во время всей службы таинства крещения держала младенца Васю на своих руках.

Незаметно пролетело счастливо проведенное время в Царской резиденции Ливадии; снова настал час отбытия Царской семьи в столицу. Для полка, как обычно, настали ежедневные будни. Новый командир полковник Дробязгин особое внимание уделял строевым занятиям, но полному успеху

требованиям командира полка без сомнения содействовала ревностная работа г.г. офицеров и унтер-офицеров, съумевших за короткий срок в положенные часы занятий подготовить всадников к успешному выполнению всех боевых задач. Но не только в строевом отношении были отличные результаты; при увольнении в запас, не знавшие при поступлении на военную службу русского языка, говорили достаточно бойко по-русски, а знавшие русский язык хоть немного, приобретали элементарные понятия в грамотности, некоторые даже в грамотности преуспевали. Происходили соревнования между эскадронами в различных отраслях строевой подготовки. Любимым занятием была рубка. Каждый год оказавшийся лучшим по рубке эскадрон получал переходящий приз; если эскадрон успевал быть первым три года подряд, то приз переходил уже в собственность эскадрона. В 1913 году 6-й эскадрон третий раз подряд был победителем в рубке и переходящий приз был присужден 6-му эскадрону на постоянное время: красивая, вся в серебре шашка, которую должен был носить командир эскадрона. До 1912 г. Крымцы, как и вся регулярная Российская конница, пик не имели, только казачьи полки, за исключением Кавказских, с давних пор были уже вооружены пиками, которыми превосходно владели. В 1912 году также и вся регулярная кавалерия получила пики и введен был казачий строй «лавой». Изданы были также новые усовершенствованные строевой и полевой уставы. Первое время приходилось учиться, но ученье шло успешно и в скором времени наши всадники научились отлично владеть пикой, а также в полку прекрасно освоились и с новыми уставами.

В 1911 году была введена в полку конно-пулеметная команда, но уже в 1912 году команда была упразднена на том основании, что в кавалерийских дивизиях были лишь дивизионные конно-пулеметные команды, а в полках пулеметов не было. Конно-пулеметная команда состояла из восьми ружей-пулеметов «Мадсен» и командиром ее был шт.-ротм. Зотов, который после сдачи ружей-пулеметов был назначен командиром вновь сформированной команды связи.

После происшедших некоторых перемен в полку в связи со смертью подполк. Алиханова и доктора Баталова произошло и много других перемен.

В 1908 году командир 3-го эскадрона ротм. Каллинг был произведен в подполковники, а в начале 1909 года получил назначение командиром 2-го Полевого жандармского эскадрона в Варшаве. На его место командиром 3-го эскадрона был назначен шт.-ротм. Московенко с производством в чин ротмистра.

В 1908 году на место получившего новое назначение ветеринарного врача д-ра Кочухова назначен был в полк Старшим ветер. врачом надворный советник доктор Орлов Алексей Арсеньевич.

В 1910 году два командира эскадронов получили новое назначение:

К-р 4-го эскадрона ротмистр Фон Кюгельген — в управление Вел. Кн. Георгия Михайловича, личн. адъютантом Великого Князя.

К-р 6-го эскадрона ротмистр Берников — в Елисаветградское кавалерийское училище сменным офицером.

Командиром 4-го эскадрона был назначен штаб-ротмистр Ильин, а командиром 6-го эскадрона назначен был штаб-ротм. Петропольский; оба с производством в ротмистры. Полковым адъютантом стал шт.-ротмистр Мартынов.

6-го декабря 1910 года подполковник Николаев был произведен в полковники с оставлением в должности старшего штаб-офицера и заведующего хозяйством.

В 1911 году командир 2-го эскадрона ротмистр Кокораки подал рапорт об уходе в отставку и по увольнении его с производством в подполковники командиром 2-го эскадрона был назначен шт.-ротм. Базов с производством в чин ротмистра.

Ушел также в отставку долголетний с 1877 года делопроизводитель по хозяйственной части титулярный советник Станислав Александрович Трусковский. Новым делопроизводителем по хоз. части стал прибывший в полк военный чиновник Ерыкин Семен Владимирович.

В 1912 году произошли также некоторые перемены: произведен в подполковники командир эскадрона Ее Величества ротмистр Волошкевич с назначением на должность младшего штаб-офицера, а командиром эскадрона Ее Величества назначен был штаб-ротм Алтунжи с производством в ротмистры.

Подполковник Фон Штерн ушел в отставку.

Полковник Николаев Высочайшим приказом назначен был командиром 4-го уланского Харьковского полка; на его должность заведующего хозяйством назначен был подполковник Эммануель.

Командир 5-го эскадрона ротмистр Ставраки был произведен в чин подполковника с занятием должности младшего штаб-офицера; командиром 5-го эскадрона стал шт.-ротм Дроздовский с производством в ротмистры.

В 1913 году после недолгого командования эскадроном ушел в отставку ротмистр Базов, а командиром 2-го эскадрона назначен был шт.-ротм. Осман Бей кн. Биарсланов с производством в чин ротмистра.

В 1913 году подполковник Эммануэль произведен в чин полковника с назначением старшим штаб-офицером и с оставлением в должности заве-

дующего хозяйством; старшинство в чине полковника защитано было с 1912 г.

В начале 1914 года подполковник Волошкевич ушел в отставку, а на занимавшуюся им должность младшего штаб-офицера назначен был командир 3-го эскадрона ротмистр Московенко с производством в чин подполковника. Командиром 3-го эскадрона был назначен шт.-ротм. Омер Мурза Булгаков с производством в чин ротмистра. Таким образом, к началу 1914 г. весь командный состав эскадронов переменился и «помолодел». На должности младших офицеров назначались выходившие в полк из кавалерийских училищ корнеты или переведенные из других полков г.г. офицеры, в том числе и те молодые корнеты, которые за отсутствием достаточного числа вакансий в полк, вынуждены были брать вакансии в другие полки и затем хлопотать о переводе.

Одно время в 1912 году было довольно тревожно, ходили разные слухи и толки о возможности войны; даже окончившие свой срок службы уходившие в запас нижние чины были в течение некоторого времени задержаны в своих полках. В 1913 году и в первой половине 1914 года никаких тревожных слухов не было. Казалось, что все благополучно и что так и останется на долгие годы. На Южном берегу Крыма стояла весна в полной своей красоте.

В этом году Царская семья рано изволила приехать в свое любимое имение Ливадию и Тезоименитство Шефа полка и полковой праздник были торжественно отпразднованы в присутствии Их Величеств. На другой день состоялся «Конный праздник», к которому в этом году особенно тщательно подготовились. На «Конном празднике» присутствовали Их Величества, Наследник Цесаревич, Великие Княжны; прибыл также Великий Князь Николай Николаевич, приехал и министр Двора Гр. Фредерикс и много представителей военных и гражданских властей; были и многочисленные представители местного населения.

На празднике был выдвинут целый ряд выступлений как отдельных г.г. офицеров и нижних чинов, так и групповых действий, показывавших свое искусство во владении конем и оружием. Был организован десятиверстный пробег; унтер-офицерская карусель; показаны были рубка, уколы пикой, преодоление препятствий и много разных других номеров, но самое большое впечатление произвела джигитовка, вызвавшая настоящую овацию со стороны зрителей.

Государыня Императрица и Великие Княжны лично раздавали призы победителям в состязаниях. Государь Император был в форме полка, видно было, что Его Величество вполне доволен всем виденным на празднике, а

Великий Князь Николай Николаевич обратил на себя всеобщее внимание своими громко сказанными словами, обращенными к командиру полка: «Многое я видел и удивить меня трудно, но то, что я увидел сегодня превзошло все мои лучшие ожиданья».

Успех был полный. Государь и Государыня благодарили полковника Дробязгина за блестящий праздник. В полку царили радостно — веселое состояние духа и готовность дальнейшей ревностной службы на благо Царю и Родине.

Как-то, еще до своего отъезда в С.-Петербург, Их Величества запросто посетили расположение дивизиона в Ореанде и изволили принять приглашение г.г. офицеров на чашку чая. В офицерском собрании после чая Государыня обходила и осматривала висевшие по стенам большой комнаты картины и фотографии; подойдя к картине, изображавшей всадника л. - гв. Крымско - Татарского эскадрона в парадной форме, Ее Величество с улыбкой на лице обратилась к сопровождавшему Государыню командиру полка и спросила: «А как Вам нравится эта форма, не правда ли красивая?» Вопрос был настолько неожиданный, что командир полка не нашелся сразу что ответить, смущенно сказал, что и у нас тоже форма вполне красивая. В полку решили, что вероятно Государем Императором решено дать более парадную форму и нашим всадникам в том же роде, как были получены для г.г. офицеров алые мундиры. Появилась надежда, что в скором времени, может быть, к Шефскому празднику 10 октября Его Величество пожалует и нижним чинам алые мундиры, как парадную форму, оставив старые мундиры как строевую служебную форму одежды. Скромные черные мундиры, обшитые алым басоном, были хороши во всех случаях полковой жизни, но как парадные, в особенности при сравнении с блестящими формами драгун, улан и гусар, были слишком мрачные. Алый мундир, обшитый белым с алым просветом басоном при солдатских эполетах и парадном головном уборе, введенном еще в 1907 году, можно было считать полковой мечтой.

После отъезда Царской Семьи в С.-Петербург продолжалось еще спокойное мирное время и никто не мог подумать, что Их Величества уже никогда больше не вернутся в свое чудесное именье Ливадию.

В полку продолжалась жизнь по установленному порядку. Упомянув перед этим о переменах, происшедших в полку после 1906 года в полковом командном составе, следует указать и тех г.г. офицеров, которые были переведены из других полков на должности младших офицеров, а также выпущенных из кавалерийских училищ молодых корнетов.

Переведены из других полков:

В 1907 г. пор. Юхимович Александр Федорович (20-й драгунский Ольвиопольский полк).

1907 г. корн. Думбадзе Александр Иванович (15-й др. Переяславский п.)

1908 г. пор. Верба Никол. Митр. (Николавск. кавал. училища 1902 г. Из 12 уланского Белгородского полка).

1909 г. пор. Тихановский Владимир Александрович. (Паж. к. 1902 г.) (3-й Запасной кавалерийский полк).

1910 г. пор. Барон Кусов Георгий Владимирович. (Пажеск. корп. 1907 г.) лейб-гвардии из Уланского Ее Величества полка.

1909 г. поручик Эмерик (из запаса).

Из кавалерийских училищ или по офицерскому экзамену:

Корнет Фон Гримм Сергей Иванович (офиц. экзам. при Ник. кав. уч. 1907 г.)
» Граф Николай Николаевич. (Паж. корп. 1907 г.)
» Аметистов Тихон Александрович. (Елисав. кав. уч. 1908 г.)
» Лесеневич Петр Николаевич. (Никол. к. уч. 1908 г.)
» Сенявин Дмитрий Львович. (Елис. к. уч. 1908 г.) с переводом из 10 ул. Одесского полка.
» Колтовской Митроф. Митроф. (офиц. экзамен 1908 г.)
» Двойченко Владимир Аврамьев. (Елис. кав. уч. 1909 г.)
» Ван-Воорендейк Виктор Яковл. (Елис. кав. уч. 1909 г.)
» Юрицын Василий Тимоф. (Елис. кав. уч. 1909 г.). с переводом из 15 уланского Татарского полка.
» Кн. Балатуков Владимир Али Бей (Никол. кав. уч. 1909 г.)
» Симченко Сергей Михайлович. (Никол. кав. уч. 1910 г.)
» Глазер Людовик Карлович (Тверское кав. уч. 1910 г.)
» Ганскау Владимир Владимирович. (Пажеск. корп. 1911 г.)
» Муфтий-Заде Мемет Мурза. (Никол. кавалерийское училище 1911 г.)
» Алянчиков Борис Павлович. (Елис. кав. уч. 1911 г.)
» Петерс Николай Иванович. (Елисав. кавал. училище 1911 г.) с переводом из 12 драгунского Ст. п.
» Каблуков Константин Александрович. (Никол. кав. училище 1912 г.) с переводом из 8 гусарского Луб. п.
» Отмарштейн Борис Васильевич. (Паж. корп. 1912 г.)
» Семичев Дмитрий Глебович. (Пажеск. корп. 1913 г.)
» Руссет Евгений Евгеньевич. (Никол. кав. училище 1913 г.)
» Лихвенцов Александр Иванов. (Никол. кав. уч. 1913 г.)

Корнет Барон фон Медем Владимир Александр. (Твер. кав. уч. 1913 г.)
» Росницкий Павел Платонович. (офиц. экз. при Никол. кав. уч. 1913 г.)

Примечание: Поручик Юхимович и корнет Думбадзе окончили Елисаветгр. кавалерийское училище: первый в 1900 г., а второй в 1905 году. 20-й драг. Ольвиопольский полк в 1907 году был переименован в 7-й уланский Ольвиопольский.

Г.г. офицеры, занимавшие должности младших офицеров, убывшие по разным причинам из полка в период времени

между 1906 и 1914 г.г.

1908 г. Поруч. Б. М. Адамович	Переведен в Дворцов. жандармерию.
1909 г. » Н. А. Полторжицкий	Ушел в запас.
1911 г. Шт. р. В. Н. Григорьев	» »
1912 г. Поруч. Н. Н. Граф	» »
1912 г. » М. М. Колтовской	Перешел в авиацию.
1913 г. Шт.-р. С. Н. Сагайдак	Скончался от последств. ранений в 1904
1913 г. Корн. М. М. Муфтий - Заде	Скоропостижно скончался.
1913 г. Поруч. Эмерик	Ушел в запас.
1913 г. Корн. Б. П. Алянчиков	Перев. в 12-й драг. Стародубовск. п.
1914 г. Шт.-р. К. А. Аксан	Перешел в автомобильные войска.

В 1914 году находились в прикомандировании к полку:

Поручик	Тальгрен	1-го Запасного кавалерийского полка.
»	Панченко	15-го уланского Татарского полка.
»	Кн. Капланов	17-го драг. Нижегородского Его Величества полка.
Корнет	Доманевский	20-го драгунского Финляндского полка.

15-го июня ст. ст. 1914 года неожиданно грянули выстрелы сербского националиста Принципа, которыми в гор. Сараево были убиты Наследник Австро - Венгерского Престола Эрц-герцог Франц-Фердинанд и Его супруга.

Не было никаких сомнений в исключительно серьезных последствиях этого события. Опасность войны снова стала реальным фактом. Хотя до мобилизации еще было далеко, но уже сразу в полку стали приниматься всевозможные предупредительные меры, а о красивой парадной форме никто уже не думал.

19-го июля ст. ст. Германия объявила войну России, а 22-го июля объявила войну и Австро - Венгрия.

Несмотря на то, что приезды Царской семьи в Крым прекратились, а полк ушел на театр военных действий, заботы Августейшего Шефа о Ее Крымцах не прекращались в течение всей войны 1914—1917 г.г. Все раненые г.г. офицеры и нижние чины эвакуировались в Царское Село, где офицеры помещались в Собственном Ее Величества лазарете, а нижние чины в лазарете Большого Царскосельского дворца; всем чинам полка оказывались полное внимание и заботы. Не оставляла Ее Величество без своего внимания и остававшихся на фронте, периодически посылая в полк через своих уполномоченных разные подарки в виде теплых вещей и других полезных предметов на фронте.

Начиная со дня объявления всеобщей мобилизации для полка началась новая историческая эра:

Участие в Величайшей, еще никогда до сего времени не бывалой,
Мировой войне 1914—1917 г.г.

23 декабря 1976 г.
Вайнлэнд Н. Дж., С.Ш.А.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЧАСТЬ 3-я.

КРЫМСКИЙ КОННЫЙ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ полк в 1-й Великой Мировойне войне 1914 — 1917 г.г.

Объявление Германией войны России вызвало, как известно, большой патриотический подъем во всех слоях населения огромного Государства Российского.

Особенно остро этот подъем ощущался в войсковых частях, стремившихся поскорее сразиться с врагом, тем более, что в то время считалось, что война продлится недолго и что из-за какой-либо задержки можно было бы и опоздать на войну.

По мобилизационному плану, как сразу выяснилось при вскрытии полкового мобилизационного конверта, эскадрону Ее Величества предписывалось немедленно выступить в г. Ялту, что произвело в полку большое разочарование. Командир полка полковник Дробязгин отправил телеграмму Верховному Главнокомандующему Великому Князю Николаю Николаевичу с ходатайством об отправке полка на фронт действующей армии, а не оставлении полка в Крыму для охраны побережья. В тот же день была получена ответная телеграмма, в которой Великий Князь выразил удовольствие, узнав о желании полка поскорее сразиться с врагом, но надо исполнять то, что приказывают, что никого не забудут и что все успеют принять участие в войне.

По мобилизационному плану подполковник Московенко Корнелий Степанович должен был отправиться для принятия армейского транспорта. Поручик Юрицын Василий Тимофеевич назначался личным адъютантом командира 7-го армейского корпуса генерала от Инфантерии Экк. Поручик Двойченко Владимир Аврамьевич прикомандировывался к штабу 7-го армейского корпуса.

В 8-м Запасном кавалерийском полку приступлено было к формированию запасного эскадрона для Крымского Конного Ее Величества полка, куда были отправлены под командой полкового наездника подпрап. Мосолова все сверхштатные нижние чины и заводные лошади, а также и некоторые специалисты мастеровые.

4-го августа 1914 года Крымский Конный Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полк под командой командира полка полковника Дробязгина выступил по железной дороге в поход пятью эшелонами.

Офицерский состав полка был следующий:

Командир полка полковник Дробязгин Сергей Аркадьевич.

Старший штаб - офицер полковник Эммануель Александр Николаевич.

Второй шт. - офицер подполковник Ставраки Николай Михайлович.

Полковой адъютант шт. - ротм. Мартынов Михаил Петрович.

Помощник адъютанта шт.-ротмистр Аметистов Тихон Александрович, только что вернувшийся в полк по окончании Николаевской Военной Академии.

Эскадрон Ее Вел.: Командир эскадрона ротмистр Алтунжи Эммануил Петрович. Г.г. офицеры эскадрона: шт. - ротмистр Бако Григорий Александрович; шт. - ротмистр Фон Гримм Сергей Иванович; поручик Сенявин Дмитрий Львович; поручик Кн. Балатуков Владимир Али - Бей.

2-й эскадрон: — Командир эскадрона ротмистр Осман Бей - Кн. Биарсланов. Г.г. офицеры эскадрона: шт. - ротмистр Греков Константин Николаевич; поруч. Ганскау Владимир Владимирович; корнет Руссет Евгений Евгеньевич; корнет Росницкий Павел Платонович.

3-й эскадрон: — Командир эскадрона ротмистр Булгаков Омер Мурза. Г.г. офицеры эскадрона: шт. - ротмистр Тихановский Владимир Александрович; поручик Лесеневич Петр Николаевич; корнет Каблуков Константин Александрович; корнет Муфтий-Заде Селим Мурза.

4-й эскадрон: — Командир эскадрона ротмистр Ильин Владимир Дмитриевич. Г.г. офицеры эскадрона: шт. - ротмистр Мартыно Эммануил Феодосьевич; шт. - ротм. Барон Кусов Георгий Владимирович; поручик Петерс Николай Иванович; корнет Лихвенцов Александр Иванович.

5-й эскадрон — Командир эскадрона ротм. Дроздовский Юрий Иванович. Г.г. офицеры эскадрона: шт. - ротм. Баженов Константин Павлович: шт. - ротмистр Думбадзе Александр Иванович; поручик Симченко Сергей Михайлович; корнет Барон ф. Медем Владимир Александрович.

6-й эскадрон: — Командир эскадрона ротмистр Петропольский Митрофан Михайлович. Г.г. офицеры эскадрона шт. - ротм. Тарасевич Игнатий Николаевич; поручик Ван Воорендейк Виктор Яковлевич; корнет Отмарштейн Борис Васильевич; прапорщик Бибиков Владимир Владимирович.

Команда связи: Начальник к-ды шт. - ротм. Зотов Евгений Алексеевич. Помощн. нач. к-ды поручик Глазер Людовик Карлович.

Начальник обоза 2-го разряда: шт. - ротм. Нарвойш Иван Казимирович.

Полковой казначей: шт. - ротмистр Рыбасов Александр Павлович.

Старший медиц. врач: надворн. советник Др. Калачев Николай Иванович.

Оружейный мастер: военный чиновник, Евсеев Федор Капитонович.

Делопроизв. по хоз. части: военный чиновник, Ерыкин Семен Владимирович.

Полковой мулла: Сеит Смаил Эфенди Шааб Челеби.

Полковой муэдзин: Сеит Асан Эфенди.

Тяжело больные г.г. офицеры: шт. - ротмистры Гиренков Евгений Георгиевич, Шлиттер Петр Владимирович, Топалов Яков Михайлович и Юхимович Александр Федорович и корнет Семичев Дмитрий Глебович не могли выступить вместе с полком и остались на излечении в лечебных заведениях или у себя дома.

Штабс - ротмистр Верба Николай Митрофанович остался в дальней командировке в Персидской казачьей бригаде.

Все бывшие в прикомандировании к полку г.г. офицеры должны были сразу же вернуться в свои полки.

Занимавшие должности: старшего медицинского врача коллеж. сов. Д-р Скорюхов и старший ветеринарный врач коллеж. сов. Д-р Орлов по мобилизации получили новые назначения и убыли из полка, а на место старшего медицинского врача вступил до этого с 1904 года бывший младшим медицинским врачом надворный советник Д-р Калачев, а вновь назначенный старшим ветеринарным врачом надворный советник Д-р Селезнев Анемподист Александрович присоединился к полку, когда полк находился уже в походе.

Эшелоны были направлены по направлению к Румынской границе. 6-го августа полк выгрузился на ст. Рыбница на Днестре в Херсонской губернии на границе Бессарабии, где простоял до 21-го августа и затем походным порядком перешел в г. Бельцы, куда прибыл на другой день и удобно разместился в казармах 8-го уланского Вознесенского полка. Позиция Румынии в отношении ее возможного участия в войне еще не была выяснена, потому и в Бельцах задержан был полк до 7-го сентября. Все это время в полку велись занятия, имевшие исключительно тактическое значение. 7-го сентября началась погрузка в эшелоны и полк был направлен в северо-западном направлении; 9-го сентября произошла выгрузка на ст. Гродно, откуда полк сразу выступил походным порядком в район Августовских лесов. 10-го сентября полк прибыл в деревню Ковняны, где вошел в состав Сводной кавалерийской дивизии. Начальником этой дивизии был Свиты Его Величества ген.-майор Скоропадский, будущий ясновельможный пан гетман Украинской державы, а и. д. начальника штаба был ротмистр Барон Врангель, будущий Главнокомандующий Русской армии в Крыму. Состав дивизии был: Кавалергардский Ее Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полк, Л.-гв. Конный полк, 1-я Его Величества батарея л.-гв. Конной артиллерии, только-что прибывший Крымский Конный Ее Величества Государыни Императрицы Александровны Феодоровны полк и числившийся в дивизии, но не прибывший еще 7-й Сибирский (3-ей очереди) казачий полк. Странным казалось такое соединение. 1-ю Гвардейскую кавалерийскую дивизию раздробили на части и составили новую случайную дивизию, имевшую (не считая 7-го Сибирского каз. полка) всего лишь 14 эскадронов и одну конную батарею вместо нормальных 24-х эскадронов и двух конных батарей.

После утомительного похода по болотистой местности под почти не прекращающимся дождем и после самого краткого отдыха, полк сразу втянулся в боевую обстановку.

10-го сентября из деревни Ковняны были высланы первые боевые разъезды: поручика Сенявина от эск. Ее Величества, поручика Ганскау от 2-го эск. и штабс-рот. Барона Кусова от 4-го эскадрона. Все разъезды выполнили свои задания, а в разъезде поручика Ганскау произошло и первое боевое столкновение с противником. Поручик Ганскау со своим разъездом атаковал неприятельский разъезд и обратил его в бегство. В разъезде 2-го эскадрона была и первая кровавая жертва полка; в дозоре убит был всадник; имя его к сожалению не сохранилось в памяти.

12-го сентября полк перешел в д. Микашевка, где занял сторожевое охранение до 14-го сентября. 15-го сентября после незначительной пере-

стрелки полком была занята деревня Стрелковщизна, а 16-го д. Глембокий Брод. К вечеру 16-го сентября противник был выбит из дер. Погоржельце.

17-го сентября произошел тяжелый бой у м. Александровск Сувалкской губернии, между г. Сувалки и м. Сейны. Штаб дивизии, выполняя задание командира 22-го армейского корпуса ген. Барона ф. ден Бринкен, решил атаковать неприятельскую колонну, отходившую от м. Сейны на Сувалки -Маргграбово. В авангарде находился Крымский Конный Ее Величества полк, который с 8-ми часов утра втянулся в бой в спешенном строю со значительно превосходящим в силах противником, открывшим жестокий артиллерийский огонь из трех батарей, в том числе одной тяжелой 6/дм., имея против себя лишь одну нашу 1-ю Его Величества батарею. Начальник дивизии, принимая во внимание такое огромное превосходство сил противника, отдал приказ об отступлении. Для прикрытия отхода дивизии назначен был дивизион Крымцев в составе 5-го и 6-го эскадронов под общей командой старшего штаб - офицера полковника Эммануель. Дивизион принял на себя всю тяжесть боя. При поддержке 1-й Его Величества батареи дивизион оказывал упорное сопротивление врагу и доблестно удерживал занятый рубеж. Полному порядку и действительности оказываемого противнику сопротивления много содействовали спокойствие командующего дивизионом, обходившего цепи эскадронов, а также правильные его и г.г. офицеров указания для ведения огня. Дивизия смогла спокойно совершить отход и на указанном начальником дивизии рубеже выставить сторожевое охранение. Только тогда по приказу начальника дивизии полковник Эммануель с дивизионом Крымцев оторвался от противника и отступил за выставленное дивизией сторожевое охранение. Потери в дивизионе Крымцев были очень большие. В офицерском составе тяжело был ранен командир 6-го эскадрона ротмистр Петропольский, ранены были поручик Ван Воорендейк и корнет Отмарштейн, контужены, но не пожелали эвакуироваться и остались в строю полковник Эммануель и штаб - ротмистр Думбадзе; тяжело был контужен поручик Симченко, эвакуирован по состоянию своего здоровья и до конца войны не смог уже вернуться в строй; контужен был также штаб - ротм. Тарасевич и эвакуирован.

Через три дня у деревни Гр. Чемохен у самой границы на Германской территории 21-го сентября произошел снова тяжелый бой. Отошедший от линии Сувалки — Августов противник пытался перейти в наступление, но был задержан авангардом Сводной дивизии дивизионом Крымцев в составе 2-го и 6-го эскадронов. С 7 часов утра оба эскадрона вели упорный бой, прочно удерживая свои позиции до подхода главных сил дивизии; общими усилиями к вечеру заставили противника отступить. На ночлег дивизия выступила в м. Рачки.

Прибавились новые потери в полку: убит корнет Руссет, ранены корнеты Каблуков и Росницкий, тяжело контужен прапорщик Бибиков, призванный из запаса, участник Русско-Японской войны и кавалер Георгиевского креста 4-й степени; с начала военных действий выбыло из строя убитыми, раненными и контуженными около ста нижних чинов. Вместо раненого ротмистра Петропольского назначен был шт.-ротмистр Бако командиром 6-го эскадрона, а вместо заболевшего и убывшего из полка командира 5-го эскадрона ротмистра Дроздовского назначен был штаб-ротмистр Зотов, вместо которого в командование командой связи вступил поручик Глазер.

После Гр.-Чемохена наше наступление продолжалось. 22-го и 23-го сентября полк принял участие в упорных боях у Марграбово, где противник стойко удерживал свои позиции и только к вечеру 23-го удалось его вытеснить с занятого им рубежа. 24-го сентября Сводную кавалерийскую дивизию сменили пехотные части и по приказу штаба 10-й армии Крымский Конный полк выделен был из состава Сводной кавалерийск. дивизии, а гвардейская бригада вернулась в свою 1-ю Гвардейскую кавалерийскую дивизию.

Таким образом Сводная кавалерийская дивизия перестала существовать. Крымскому Конному Ее Величества полку приказано было через Августов перейти в район Граево, где полк вошел в состав отд. 4-й кавалерийской бригады, состоявшей из полка Офицерской кавалерийской школы, 20-го драгунского Финляндского полка и конно-артиллерийской батареи Офицерской Артиллерийской школы. Третьим полком бригады стали Крымцы. Начальником отдельной бригады был ген.-лейтенант Химец, бывший начальник Офицерской кавалерийской школы. В составе этой бригады Крымцы приняли участие в боях за овладение городом Лык, который был взят 1-го октября. До 5-го октября бригада находилась в районе г. Лык; 6-го октября заняла м. Вансош и вела бой в направлении на Арис, но 7-го октября снова вернулась в Лык и в течение всего дня 8-го октября отбила все попытки противника перейти в наступление. 9-го октября вся бригада перешла в д. Сибы и произвела разведку Сибского леса, а по окончании разведки заняла ф. Бенцково. 19-го октября бригада перешла в дер. Рогален, откуда 20-го октября совершила рейд по тылу германского расположения и затем отошла на ф. Бенцково. 22-го октября бригадой с боя взят был город Бяла, а 24-го г. Иоханисбург. 28-го октября бригаде приказано было походным порядком совер шить переход из Иоханисбурга через г. Бяла, Щучин, Граево, Осовец в район Кнышин, Крипно, Белосток, где расположиться на отдых. Крымцы стали в дер. Крипно, в которой смогли хорошо отдохнуть, перековать лошадей и привести в полный порядок свое вооружение и снаряжение. 10-го ноября бригада начала грузиться в эшелоны на Варшавский фронт. По выгрузке Крымский Конный Ее Величества полк расположился в г. Плонске, а оттуда

20-го ноября вместе с бригадой выступил походным порядком через крепость Новогеоргиевск в г. Прасныш, куда прибыл 23-го ноября. В Прасныше прибыл в полк корнет Люстих Антонин Евгеньевич, бывший вольноопределяющийся полка, выдержавший офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище.

4-я отдельная кавалерийская бригада 5-го декабря перешла в район Хмелен - Вельки. С 6-го по 8-е декабря дивизион полка в составе 4-го эскадрона ротмистра Ильина и 6-го эскадрона ротмистра Бако под общей командой подполковника Ставраки выступил из деревни Нововесь - Вельки для дальней разведки на фронте Сольдау - Нейденбург: 4-му эскадрону приказано было разведать восточную часть разведываемой полосы, а 6-му эскадрону западную часть. Командующий дивизионом остался при 6-м эскадроне. Выполнив свои задания, возвращались эскадроны, держа направление на Демск к юго - востоку от Млавы. Приблизительно в пяти верстах к северо - востоку от дер. Нововесь - Вельки подскочивший к командиру 4-го эскадрона дозор доложил, что совсем близко за пригорком стоит германская кавалерия. Командир эскадрона, выехав на пригорок, действительно увидел, что в расстоянии около полуверсты в лощинке беспечно стоят два эскадрона. Не долго думая, ротмист Ильин решил атаковать эти два эскадрона и полевым галопом в сомкнутом развернутом строю повел свой эскадрон прямо на ничего не ожидавших Германцев. В эскадроне поднялся боевой азарт; с криками «Ура» и «Алла» всадники, переходя на карьер, бросились на врага; перед своими взводами скакали офицеры эскадрона шт. - ротмистр Гримм и корнет Лихвенцов. Немецкие эскадроны, увидя мчавшихся на них Крымцев, не проявив ни малейшей попытки к сопротивлению, пустились в бегство. Недавно выпавший глубокий снег и усталость коней после длительной разведывательной работы не дали возможности нагнать удиравших германских кавалеристов, сидевших на отличных свежих лошадях. Лошади 4-го эскадрона вымотались и дальнейшее преследование было бесполезно. Пришлось повернуть эскадрон и продолжать путь на присоединение к полку. Весть об этой атаке произвела большое впечатление, но скоро о ней забыли, вероятно недооценили. Не оценило и начальство; не было потерь и не было трофеев. На самом же деле конная атака 4-го эскадрона имела очень большое значение; она показала наш боевой порыв, стремление к активности и действию с оружием на коне. У противника этого боевого порыва не оказалось и это влило в нас уверенность в превосходстве нашей моральной упругости над немецкой и в возможности дерзать и в будущих столкновениях с врагом.

8-го декабря противник повел наступление со стороны Хоржеле, но был остановлен огнем конной батареи. Не имела успеха и попытка дивизиона германских гусар, проскочивших со стороны Янова, атаковать обозы

бригады. Бывшие в бригадном резерве эскадроны атаковали в конном строю прорвавшихся гусар, но атака не была принята и немецкие гусары в беспорядке поспешили убраться за свою пехоту.

14 декабря бригада перешла в наступление. Полком с боя была занята деревня Длугоконты, а 16-го также с боя деревня Умиотка. 19-го декабря без сопротивления со стороны неприятеля занята была деревня Джирговка. С 20-го по 28 декабря у деревень Джирговка - Умиотка неслась служба сторожевого охранения. С 31-го декабря по 5-е января 1915 г. сторожевое охранение неслось в районе деревень Бжезово - Ново, Джирговка и Умиотка.

6-го января в полку получен был приказ о погрузке в эшелоны и отправке на Юго - западный фронт. Этим же приказом полк вышел из состава 4-й отдельной кавалерийской бригады. Местом погрузки была назначена станция Цеханов, куда в тот же день полк выступил.

За несколько дней до этого в полк прибыло из 8-го Запасного кавалерийского полка первое пополнение, но вместо маршевого эскадрона лишь пешая команда в составе ста нижних чинов, которую привел офицер из 8-го Запасного полка и по сдаче команды убыл обратно в свой полк. Запасный эскадрон полка в Новогеоргиевске Херс. губернии еще не был сорганизован и формирование маршевых эскадронов задерживалось. Офицерский состав пополнился корнетами, выпущенными из кавалерийских училищ 1-го октября 1914 года:

Из Пажеского корпуса	корнет Лисаневич Николай Петрович (Камер - паж);
Из Елисаветградск. кавалер. уч.	корнет Сергеев Вадим Григорьевич (Вахмистр училища);
» » »	корнет Евдокимов Николай Георгиевич (ст. порт. - юнкер, записанный на мраморн. доску, как 1-й по успехам);
» » »	корнет Васильев Владимир Петрович (старший портупей юнкер);
» Тверского кавалерийского уч.	корнет Иедигаров Мамет Бек.

Эти пополнения, как офицерами, так и нижними чинами, были совершенно недостаточны, так как потери в полку за весь период боевых действий в Восточной Пруссии были значительно большие в числе, чем число прибывших с пополнением г.г. офицеров и нижних чинов. В прибытии еще одного марш. эскадрона ощущалась крайняя необходимость.

На юго-западном фронте полк был направлен в район гор. Черновицы; выгрузка произошла на станции Новоселицы — Русския и затем походным

порядком полк перешел в г. Черновицы, куда прибыл 11-го января. Штаб полка расположился в городе, а эскадроны частью в предместьях, частью в ближайших окрестностях. Полк вошел в состав Днестровского отряда, в скором времени переименованного в XXX армейский корпус. Командиром отряда и корпуса был ген. Вебель, но, получив в начале февраля другое назначение, убыл к новому месту службы, а вместо ген. - лейт. Вебеля в командование 30-м армейским корпусом вступил ген. Заиончковский. Корпус состоял из второочередных дивизий, но пользовавшихся хорошей боевой репутацией.

В Черновицах полк пополнился прибывшим из 8-го Запасного кавалерийского полка 1-м маршевым эскадроном в составе 5-ти офицеров, 192-х нижних чинов и 203 лошадей.

Прибыли следующие г.г. офицеры:

Командир эскадрона —

корнет Аверьянов Александр Петрович (призванный из запаса).

Офицеры эскадрона —

прапорщик Эрдели Борис Владимирович (призван. из запаса);
» Алешо Евгений Гаврилович (из Елисаветгр. кавалерийского училища вахмистр);
» Седов Николай Яковлевич (из Тверского кавалерийского училища портупей - юнкер);
» Ахматов Алексей Борисович (из Елисаветгр. кавалерийского училища портупей - юнкер).

Кроме того в полк прибыли одиночным порядком выпущенные из Николаевского кавалерийского училища прапорщики Шене Вячеслав Вячеславович и Губарев Владимир Петрович, а также прапорщик Парпетов Рустем Ага, произведенный из вольноопределяющихся мл. унтер-офицерского звания.

17-го января полк выступил по направлению на м. Делятин в Лесистых Карпатах. Противник наступал через перевалы у Делятина и Надворной, легко преодолевая сопротивление наших слабых пехотных частей. Крымцам досталась ответственная работа по обеспечению левого фланга Днестровского отряда и прикрытия отступательных действий пехоты. В упорных боях полк доблестно выполнял возложенные на него задачи. Очень тяжелые были и местные условия: высокие горы, бездорожье, глубокий снег, отсутствие подвоза фуража и полная невозможность приобретения его в достаточной мере из местных средств. До выхода из пределов Лесистых Карпат полк работал совместно с полками 1-й Терской казачьей дивизии, прибывшей из 3-го Конного корпуса для поддержки Днестровского отряда. Казаки успешно сдерживали наступление противника и обеспечивали пра-

вый фланг отряда; это дало возможность все внимание Крымцев сосредоточить на левом фланге. По оставлении района Лесистых Карпат Терская казачья дивизия отбыла в свой 3-й Конный корпус.

Противник продолжал теснить нашу пехоту, которая отступала в направлении на Станиславов и Галич. Во время отступления полк прикрывал отход частей 30-го корпуса, постоянно вступая в серьезные бои с противником. 26-го января произошел упорный бой на линии Ослан-Белый — Ослан-Черный с крупными силами врага, стремившимися опрокинуть наши цепи, но это им не удалось; полк выдержал натиск неприятеля и дал возможность нашей пехоте беспрепятственно совершить свой отход. Особенно жестокий бой был выдержан полком 5-го февраля у деревни Майдан-Средний, когда австрийцы стремительно атаковали наши цепи и, введя в бой мощную артиллерию, пытались прорвать боевой порядок полка и затем разгромить отходящие части 30-го корпуса. Полк стойко выдержал атаки противника и отошел лишь по приказанию из штаба корпуса, когда пехота успела уже устроиться на заранее намеченных позициях. Оставив Станиславов, наши войска продолжали отходить до Галича, откуда, усиленные подошедшими резервами, перешли в контрнаступление. Полку пришлось уже не сдерживать противника, а преследовать отходящих австрийцев. 8-го февраля эскадрон Ее Величества первым ворвался в Станиславов. Наше наступление продолжилось еще немного к югу от Станиславова, но противник оказал сильное сопротивление и наше наступление остановилось; однако попытки неприятеля к контрнаступлению на всем фронте корпуса были отбиты. Австрийцы, а также и наши войска приступили к укреплению занятых рубежей; началось «сиденье в окопах». Крымцам был дан участок на левом фланге, где 12-го февраля полк выдержал крайне упорный бой у дер. Ольшаница с перешедшим в наступление противником, стремившимся обойти наш левый фланг. Слева вдоль Днестра находились лишь слабые ополченские дружины. При основательной поддержке одной из батарей 30-го армейского корпуса все неприятельские атаки были полком отбиты с большими потерями для врага. В полку также были потери, которые вместе с потерями в предыдущих боевых столкновениях в значительной степени уменьшили боевой состав полка. В дальнейшем напряженность боев временно снизилась, но боевые столкновения местного характера продолжались и Крымцы принимали в них деятельное участие. Штаб корпуса расположился в Станиславове. Подполковник Ставраки был потребован в штаб на должность коменданта штаб-квартиры 30-го армейского корпуса, а поручик Сенявин и прапорщик Шене вызваны были для несения службы при штабе корпуса, причем прапорщик Шене назначался личным адъютантом генерала Заиончковского.

12-го апреля 1915 года полк получил приказ выступить походным порядком в гор. Каменец-Подольск для принятия участия в Царском смотру. В Каменец-Подольске полк вошел в состав 33-го армейского корпуса, составленного из только-что прибывших с Дальнего Востока полков Заамурского пограничного округа. 16-го апреля на Государевом смотру корпус представился в блестящем состоянии; полки щеголяли своим новым обмундированием и снаряжением, а главным образом удалой выправкой своих кадровых солдат.

Крымцы были построены на левом фланге корпуса. Государь приветливо поздоровался с полком и пожелал полку дальнейшей боевой славы. Затем было слышно, как Его Величество сказал бывшим при нем чинам свиты, что это единственная часть из представлявшихся на смотру, которая уже отличилась в боях. Крымцы были счастливы вновь увидеть своего Державного Однополчанина!

На следующий день после смотра в полк прибыли сразу два маршевых эскадрона (2-й и 3-й). Так как в 8-м Запасном кавалерийском полку у лошадей была сильная эпидемия плевро-пневмонии, то командир полка решил не разбивать сразу маршевые эскадроны по эскадронам полка, а выдержать эти эскадроны некоторое время в карантине, чтобы не занести в полк заразы.

18-го апреля из Каменец-Подольска полк выступил на фронт. Со штабом полка были эскадроны Ее Величества и 4-й, а также 2-й и 3-й маршевые. Остальные эскадроны были приданы дивизиям 33-го армейского корпуса: 2-й и 3-й эскадроны — 1-й Заамурской дивизии ген. Самойлова, а 5-й и 6-й — 2-й Заамурской дивизии ген. Ступина. В тот же день 18 апреля эскадроны выступили вместе с дивизиями, к которым были приданы, в указанные дивизиям районы на фронте реки Днестр. Штаб полка, с находившимися при нем эскадронами в три перехода перешел в гор. Бучач, имев ночевки в м. Скала и в городе Чортков. В Бучаче расположился и штаб 33-го корпуса. Здесь штаб полка с эскадронами, бывшими при нем, простоял несколько дней, поэтому была возможность 23-го апреля торжественно отпраздновать полковой праздник. На празднестве присутствовал командир корпуса ген.-лейт. Добротин, кавалер ордена Св. Георгия 4-й и 3-й степени. После парада и прохождения эскадронов Ее Величества и 4-го церемониальным маршем командиром корпуса были розданы полученные в полку для отличившихся нижних чинов Георгиевские награды, в том числе и первый в полку Георгиевский крест 1-й степени, заслуженный старшим унтер-офицером 6-го эскадрона Дзыгаленко.

Так как со дня прибытия в полк маршевых эскадронов новых заболеваний лошадей в этих эскадронах не было, то 25-го апреля 2-му и 3-му

маршевым эскадронам командир полка произвел смотр и распределил господ офицеров, нижних чинов и лошадей по эскадронам и командам полка.. В 2-х прибывших маршевых эскадронах только один взвод 2-го маршевого эскадрона сидел на гнедых лошадях, а все остальные взводы были вороные. Все гнедые лошади пошли в 6-й эскадрон, а вороные попали во все остальные эскадроны и полк сильно «поворонел». 8-й Запасной кавалерийский полк комплектовал полки 8-й и 12-й кавалерийских дивизий, в которых вороных полков не было, поэтому все вороные лошади шли в Крымский Конный полк, основываясь на том, что в полку эскадрон Ее Величества вороной, а также и в Атырский гусарский за почти полным отсутствием соловых и буланых коней.

С маршевыми эскадронами прибыли следующие г.г. офицеры:

2-го маршевого эскадрона:

командир эскадрона прапорщик Раков Александр Владимирович (из запаса).

Младшие офицеры:

прапорщик Эммануель Владимир Александрович (из Пажеского Его Императорского Величества корпуса);
» Барон ф. Ган Иоахим Эдмундович (из запаса);
» Воблый Владимир Иванович (из запаса);
» Дальфельд Карл Юльевич (из запаса).

3-го маршевого эскадрона:

командир эскадрона прапорщик Анненков Евграф. Николаевич (из запаса)

Младшие офицеры:

прапорщик Гришин Николай (из запаса);
» Николаев Иван (из Елисаветгр. кавалер. училища);
» Сальков (из запаса);
» Парпетов Шакир (произведенный из волноопределяющ.).

В ночь с 25 на 26 апреля 33-й армейский корпус переправился через Днестр у дер. Хмелева и дер. Косцельники и повел наступление в общем направлении на гор. Коломыя. Противник, оказывая сопротивление наступавшим дивизиям корпуса, отходил на свои тыловые позиции. Находившиеся при 2-й Заамурской дивизии 5-й и 6-й эскадроны под командой командира 6-го эскадрона ротмистра Бако в конном строю атаковали австрийский

батальон, находившийся в окопах у деревни Корниув, готовый встретить огнем наступающую нашу пехоту, но при виде атакующей его русской конницы, австрийский батальон побросал винтовки и сдался в плен. Взято было более 500 пленных при семи офицерах. Эта конная атака очень помогла 2-й Заамурской дивизии в ее наступлении на Коломею.

Обе Заамурские дивизии сразу себя зарекомендовали, как выдающиеся боевые соединения, но все же взять сильно укрепленную позицию Коломеи не удалось. Цепи залегли и начали окапываться.

26-го апреля штаб полка с находившимися при нем эскадронами перешел в м. Язловец, а 28-го в большую деревню Обертынь. 29-го апреля эскадрон Ее Величества сменил 2-й эскадрон, который присоединился к штабу полка, а эскадрон Ее Величества вместе с 3-м эскадроном расположился в д. Турка в районе 1-й Заамурской дивизии, 5-й и 6-й эскадроны расположились в районе 2-й Заамурской дивизии в д. Добровудка. Здесь боевая служба была совсем иная, чем в Восточной Пруссии и при 30-ом армейском корпусе. Полк был разбит по дивизиям корпуса и штабы дивизий непосредственно давали задания, как целым эскадронам, так и отдельным взводам, отделениям, разъездам. Эскадроны, находившиеся при штабе полка получали задания непосредственно от штаба корпуса, и никакого тактического управления полком у командира полка не было.

Наши пехотные части укрепились и ожидали дальнейшего наступления, но общий отход справа заставил и Заамурский корпус отступать. Во время отхода к Днестру 27-го мая противник особенно сильно нажимал на части 1-й Заамурской дивизии. Потребовалась помощь со стороны дивизиона Крымцев, находившегося при 1-й Заамурской дивизии. Дивизион под командой ротмистра Алтунжи в составе эскадрона Ее Величества и 3-го у д. Чернелица бросился в конную атаку на наступавшую пехоту австрийцев, смял наступавшие части и обратил их в бегство. Много было зарублено и взято 240 пленных. Эта атака была произведена ровно месяц спустя после атаки дивизиона под командой ротмистра Бако (27-го апреля). Атака ротмистра Алтунжи имела большое значение, т. к. помогла нашей пехоте беспрепятственно переправиться через Днестр, после чего дивизион также переправился по понтонному мосту, который немедленно был разведен пантонерами. За обе атаки Крымцев у д. Корниув и у д. Чернелица командовавшие дивизионами ротмистр Бако и ротмистр Алтунжи награждены были орденом Св. Георгия 4-й степени, а командир 5-го эскадрона ротмистр Зотов Георгиевским оружием.

Снова наши части очутились на левом берегу Днестра. На фронте 9-й армии генерала Лечицкого происходили перегруппировки. 33-й армей-

кий корпус оказался на правом фланге армии, левее его вновь образовавшийся 41-й армейский корпус, еще левее постепенно были переброшены 11-й и 12-й армейские корпуса; на самом левом фланге армии и всего юго-западного фронта находился 3-й Конный корпус ген. Графа Келлера, бывшего нашего командира.

Вследствие отступления находящихся к северу армий приходилось корпусам 9-й армии также совершать частичные отступления. Отступления эти были краткие, от рубежа одного из притоков Днестра до другого, затем снова переход в наступление до ближайшего притока. Во всех этих боевых действиях принимали деятельное участие и эскадроны полка, иногда объединенные под общим командованием командира полка. При отступлении приходилось прикрывать отход пехоты; при переходе в наступление преследовать противника и вести разведку. В течение всего июня боевые действия частей 33-го корпуса происходили в районе между рекою Днестр и южным течением рек Стрыпа и Серет. Во время последней недели июня на фронте происходило затишье. Полк стоял в корпусном резерве в м. Ягельница кроме 2-го и 5-го эскадронов, выполнявших боевую службу при 1-й и 2-й Заамурских дивизиях.

Летом 1915 года стал ощущаться большой недостаток артиллерийских снарядов, а также и винтовок в пехоте. Чтобы пополнить винтовками пехотные части Крымцам вместо наших кавалерийских винтовок выдали австрийские «Манлихеры». Сами по себе австрийские винтовки были вполне удовлетворительны, но выданные из склада плененного оружия винтовки находились в ужасном состоянии. Выдача состоялась 1-го июля, в тот день, когда полк в составе четырех эскадронов должен был выступить для выполнения ответственного задания у деревни Касперовце в 6-7 верстах к северо-востоку от г. Залещики. Полк находился под командой своего командира полковника Дробязгина. По прибытии в Касперовце, полк сразу же вступил в упорный бой с наступавшим противником. Все его атаки удалось отбить и Австрийцы отступили в исходное положение. Заржавленные и неисправные винтовки доставили в полку много неприятностей. Было чувство обиды в том, что вооружили полк негодным оружием. Никто тогда не знал еще, что доблестный 3-й конный корпус, которым командовал ген. Граф Келлер тоже уже был вооружен австрийскими винтовками, в том числе и прославленная 10-я кавалерийская дивизия. Хотинский пограничный конный полк, с которым Крымцы часто встречались, также имел австрийские винтовки. Когда винтовки были вычищены и приведены в порядок, то оказались они вполне пригодными и все успокоились. В течение всей первой половины июля у Касперовцев происходили жестокие оборонительные бои. С редкими краткими перерывами неприятель все время атаковывал наши по-

зиции. Полк стойко держался, но стоило это полку не мало потерь; погиб в этих боях и доблестный поручик Ганскау.

Во время боев полка у Касперовце происходили тяжелые бои 33-го армейского корпуса. 2-я Заамурская дивизия должна была взять д. Иване, у которой было, как предполагалось, предмостное укрепление. Несмотря на решительные жертвенные атаки дивизии, взять деревню Иване не удалось. Дивизия потеряла около 6.000 бойцов. К ночи 15-го июля бой прекратился. Части корпуса меняли места своего расположения. По неизвестным строевым частям причинам у Иване получился разрыв. Для того, чтобы прикрыть разрыв, обе дивизии корпуса выслали бывшие при них эскадроны Крымцев: 2-й и 5-й. Оба эти эскадрона были самостоятельны и общего начальника у них не было. Одновременно штаб корпуса, также обеспокоенный получившимся разрывом у Иване, послал полковнику Дробязгину приказание выслать к Иване два эскадрона. От полка были высланы 4-й и 6-й эскадроны под общей командой командира 4-го эскадрона ротмистра Ильина. У Иване собралось четыре эскадрона, в то время, как на участке у Касперовце, под командованием командира полка осталось только два эскадрона (Ее Величества и 3-й). Ротмистр Ильин мог распоряжаться только прибывшими с ним 4-м и 6-м эскадронами, а 2-й и 5-й были непосредственно подчинены штабам дивизии. О создавшемся положении ротмистр Ильин послал донесение в штаб корпуса, а также и командиру полка. В ожидании соответствующих приказаний ротмистр Ильин приказал от 4-го и 6-го эскадронов назначить по одному спешенному взводу для занятия подступов к Иване; командиры 2-го и 5-го эскадронов со своей стороны также выслали по одному взводу от своих эскадронов. Со взводами пошли: от 2-го эск. прапорщик Эрдели, от 4-го прапорщик Сальков, от 5-го прапорщик Седов и от 6-го эскадрона корнет Отмарштейн, недавно вернувшийся в полк после ранения. Выделив эти взводы, ротмистр Ильин со всеми четырьмя эскадронами занял д. Холюшка, находившуюся в трех верстах к северо-востоку от Иване. Корнет Отмарштейн, как старший, по своей инициативе взял на себя команду над всеми четырьмя взводами. Разъезд от 2-го эскадрона прапорщика Эммануель дошел до окраины деревни Иване, где был встречен ружейным огнем. Разъезд стремился проникнуть в деревню, но со всех сторон встречал огневое сопротивление, хотя и довольно слабое; по всему видно было, что деревня занята неприятелем, но лишь слабыми силами. Основываясь на данных разведки, корнет Отмарштейн решил выбить противника из Иване и занять эту деревню. О своем решении он донес ротмистру Ильину и просил дать 2-х, 3-х конных для связи. С наступлением темноты взводы продвинулись вперед и на расстоянии нескольких сот шагов от деревни развернулись в цепи. Австрийцы заметили наступление и открыли ружейный

огонь. Тогда Крымцы с криками «ура» ворвались в деревню. Стрельба прекратилась и австрийцы поспешили переправиться через Днестр на ожидавшем их понтоне. Захвачено было несколько пленных, принадлежавших к 5-му австрийскому драгунскому полку. С тяжелым чувством думали участники столь легкого захвата деревни Иване о тех страшных потерях 2-й Заамурской дивизии два дня назад в безуспешном сражении у этой же деревни. В штабе корпуса были довольны действиями четырех эскадронов и были присланы новые распоряжения. Снова эскадроны были распределены по дивизиям корпуса.

Командир полка с эскадронами Ее Величества и 3-м вызваны были к штабу корпуса; 2-й и 6-й эскадроны перешли в распоряжение начальника 2-й Заамурской дивизии; 5-й эскадрон придавался 1-й Заамурской дивизии, а 4-й начальнику 82-й дивизии (третьей дивизии корпуса).

Снова бои. Излучина у Иване прочно занята частями 33-го корпуса, но Жежава и Залещики в руках противника. Эскадроны Крымцев продолжают выполнять поставленные им задания начальников дивизий, к которым приданы.

Такое положение создалось к 1-му августа. В этот день при 1-й Заамурской дивизии 5-й эскадрон стоял в резерве, готовый развить успех в случае прорыва неприятельского фронта. Эскадрон находился на правом фланге дивизии, но по приказанию начальника дивизии командир эскадрона ротмистр Зотов выделил усиленный взвод под командой корнета Сергеева к левому флангу. Успех боя дивизии был незначительный, прорыва не было; на правом фланге наша пехота потеснила противника и, продвинувшись немного вперед, окопалась. На левом фланге 1-й дивизии окопы неприятеля были удалены несколько дальше, чем на правом, но хорошо видно было, что окопы укреплены. Однако оперативный адъютант штаба дивизии от имени начальника дивизии отдал приказание корнету Сергееву атаковать в конном строю находившиеся перед ним окопы австрийцев. Удивленный такому приказанию, корнет Сергеев вопросительно посмотрел на адъютанта, думая не шутит ли он, но адъютант с усмешкой произнес: «Что, трусите?» Ответив: «Крымцы трусости не знают», корнет Сергеев повел свой взвод (вернее полуэскадрон) в составе около 50-ти всадников на неприятельские окопы. Полуэскадрон на карьере помчался на врага; боевой порыв был на полной высоте, но встречный огонь неприятеля жестоко стал поражать скакавших всадников. Одним из первых был сражен корнет Сергеев; полуэскадрон продолжал атаку без своего командира, падали всадники и лошади, носились лошади без всадников и передвигались люди без лошадей. Только около десятка вцаников доскакало до окопов; частью прорвав проволоку пиками, частью перескочив через проволоку, поранив лошадей, доскакавшие до

окопов всадники стали рубить и колоть австрийцев, бросившихся бежать, но подходили свежие силы и всадники вынуждены были повернуть обратно. Тяжелые потери понес полуэскадр., но всех раненых удалось вытащить. Корнет Сергеев получил тяжелое ранение в грудь; при эвакуации в санитарном отряде он был простужен и попал в Собственный Ее Величества лазарет почти в безнадежном состоянии. Усилиями нашего Шефа, Августейших сестер Великих Княжен и персонала лазарета корнета Сергеева спасли от смерти, но он стал полным инвалидом и в строй уже вернуться не мог.

Кто-то из штабных телефонистов 1-й Заамурской дивизии сообщил в штаб 2-й Заамурской дивизии об атаке полуэскадрона корнета Сергеева и что спешно требуются охотники для выноса раненых, оставшихся на проволочных заграждениях противника. Из штаба 2-й Заамурской дивизии немедленно был послан связной к ротмистру Бако, командующему дивизионом Крымцев, находящегося в резерве в ожидании прорыва для развития успеха боя. Узнав о столь бедственном положении раненых 5-го эскадрона, ротмистр Бако объявил об этом перед строем дивизиона (2-й и 6-й эскадроны) и что для спасения раненых всадников 5-го эскадрона надо послать человек двадцать охотников. Была подана команда о выезде охотников на 20 шагов вперед перед строем. По этой команде весь строй выехал вперед на указанное расстояние. «Не всем, не всем выезжать» крикнул ротмистр Бако, «только охотникам». Но по новой команде оба эскадрона опять всем строем выехали вперед. Недовольный уже этим «непониманием» командующий дивизионом приказывает взводным унтер-офицерам разъяснить всадникам то, что от них требуется. Тогда один из вахмистров громко крикнул: «Все желают, Ваше Высокоблагородие!»

Несколько секунд молчания и ротмистр Бако, приложив руку к головному убору, громким голосом провозгласил: «Спасибо молодцы!» Затем приказал быстро отсчитать в обеих шеренгах эскадронов каждого десятого и назначил корнета Евдокимова начальником получившейся команды охотников, которую для спасения пострадавших требовалось отвести к месту, где произошла атака корнета Сергеева к западу от д. Торске. 2-й и 6-й эскадроны в это время находились около выс. 302 к востоку от ст. Торске. Когда корнет Евдокимов уже хотел вести команду, прискакавший другой связной из штаба 2-й Заамурской дивизии доложил, что командир 5-го эскадрона ротмистр Зотов сообщил по телефону, что все раненые вынесены и помощи никакой не требуется. Так кончился эпизод в связи с желанием спасти своих товарищей — «куйдышей». «Сам погибай, а товарища выручай», этот лозунг был в полку твердо усвоенной традицией.

Продолжавшееся отступление армий, находившихся к северу от частей 9-й армии заставляло по-прежнему корпуса 9-й армии совершать крат-

кие отходы, снова переходить в контрнаступление и занимать старые позиции.

18-го и 19-го августа Крымский Конный Ее Величества полк в полном составе прикрывал отход частей 33-го армейского корпуса и задерживал энергичный напор противника на фронте Базар - Кошиловце - Тлусте - Място. Дойдя до рубежа реки Серет дивизии 33-го корпуса задержались и 29-го августа вновь потеснили австрийцев и заняли свои прежние позиции. С 30-го августа до 10-го сентября дивизиону Крымцев в составе эскадронов Ее Величества, 2-го и 3-го был дан участок на левом фланге корпуса к юго-западу от д. Торске частично вдоль Днестра и с загибом правого фланга против деревни Усьтечко, занятой противником. На усиление дивизиона прибыли 2 сотни Хотинского пограничного конного полка: 5-я сотня ротмистра Любимова и 6-я сотня ротм. Антонова. Весь участок был подчинен подполковнику Ильину. Эскадроны и сотни, чередуясь, занимали передовую позицию, остальные находились в резерве. Со стороны Усьтечко противник часто предпринимал поиски разведчиков; наши подразделения отвечали тем же; завязывались перестрелки, иногда довольно ожесточенные, но крупных боевых столкновений все же не было.

В это время штаб корпуса перешел в м. Борщув, там же приказано было стать и штабу полка. В конце августа неожиданно прибыло в полк из 8-го Запасного кавалерийского полка сразу 16 г.г. офицеров. Такое большое офицерское пополнение произошло от избытка офицеров в запасном полку. Прибыли следующие офицеры:

Корнет Дмитриев Семен Васильевич (выдержал офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище).

Прапорщик Бехтольд Конрад Яковлевич (Призван из запаса).

» Шлее Николай Фердин. (призван из запаса).

» Апанасенко Василий Ефремович (призван из запаса).

» Казаченко Антоний Ероф. (призван из запаса).

» Курдубан Алексей Гаврилович (призван из запаса).

» Химцов (призван из запаса).

» Одель Александр Александрович (из Николаев. кав. училища).

» Сумароков Борис (из Николаевского кавалерийского училища).

» Лонг Александр Филиппович (из Николаев. кавал. училища).

» Ведринский Сергей Иванович (из Елисаветгр. кавалер. уч.).

» Дурилин Александр Александрович (из Елисаветгр. кав. уч.).

» Педаховский Дмитрий Львович (из Елисаветгр. кавалер. уч.).

» Васильев Евгений Петрович (из Тверского кавалер. училища).

» Кривцов Александр Владимирович (из Тверского кавал. уч.).

» Барон Лоудон Георгий Оттомар. (из Тверского кавал. уч.).

Через несколько дней прибыли еще в одиночном порядке прапорщик Курдубан Николай Гаврилович (из запаса), прапорщик Решко Алексей Константинович (из Елисаветградского кавалерийского училища) и прапорщик Лесеневич Георгий Николаевич (из школы прапорщиков). Прапорщик Г. Н. Лесеневич отбывал воинскую повинность в 9-м гусарском Киевском полку, окончил учебную команду и был хорошо знаком с кавалерийской службой, но по мобилизации попал в одну из школ прапорщиков. После усиленных хлопот ему удалось добиться назначения в Крымский Конный Ее Величества полк для совместной службы с родным братом.

Узнав о прибытии в полк такого большого числа офицеров, штаб корпуса потребовал временного откомандирования двенадцати офицеров в Хотинский пограничный конный полк, бывший в то время в подчинении командиру 33-го армейского корпуса. В Хотинском конном полку был большой некомплект офицеров. Полковник Дробязгин доложил командиру корпуса, что и у него в полку нет полного комплекта офицеров и просил уменьшить число офицеров для Хотинского полка. Командир корпуса ген.-лейт. Крылов согласился на назначение шести офицеров. Решено было тянуть жребий и вытянули его прапорщики Ведринский, Лонг, Барон Лоудон, Казаченко, Педаховский и Курдубан 1-й Алексей. В Хотинском конном полку их всех радушно приняли; пробыли они в Хотинском полку около 2-х месяцев и вернулись в свой полк. Во время пребывания в Хотинском конном полку был ранен и эвакуирован прапорщик Ведринский.

12-го сентября для полка произошло неожиданное событие. Распоряжением штаба 9-й армии три эскадрона полка назначались в распоряжение командира 41-го армейского корпуса. В 41-м корпусе не было своей корпусной конницы и вот нашему полку суждено было разделиться по двум корпусам. Этим от командира полка отнималось почти полностью управление полком.

В состав 41-го армейского корпуса входили 3-я Заамурская пехотная дивизия, состоявшая из второочередных Заамурских полков, и 2-я Кубанская пластунская бригада, но в скором времени эта превосходная бригада была заменена 74-й пехотной дивизией, не пользовавшейся боевой славой, хотя был слух, что новый ее начальник ген. Шипов в течение нескольких месяцев пребывания дивизии в резерве основательно ее подтянул и превратил дивизию во вполне надежное боевое соединение. Командиром корпуса состоял ген.-лейт. Белькович.

11-го сентября 1-й дивизион полка, занимавший боевой участок у д. Торске, был сменен пехотными частями и присоединился к штабу полка.

В распоряжение командира 41-го армейского корпуса назначен был дивизион в составе эскадронов Ее Величества, 3-го и 4-го. Командование

ивизионом было поручено старшему штаб-офицеру полка полковнику Эммануель. Эскадроны, прибыв в распоряжение 41-го корпуса, были поставлены в деревнях Гермакувка и Кривче в виде корпусного резерва. Командиром 4-го эскадрона в это время был не ротмистр Ильин, произведенный в подполковники, а ротмистр Мартыно; командиром 3-го эскадрона был ротмистр Рыбасов, а вместо него полковым казначеем был назначен корнет Барон фон Медем. Ротмистр Булгаков по болезни был эвакуирован. В течение летнего периода 1915 года в полку вообще произошло много перемен. С месяца мая полковым адъютантом был вернувшийся после ранения корнет Росницкий; штаб-ротмистр Мартынов был назначен старшим офицером во 2-й эскадрон. Прибыли в полк тяжело болевшие штаб-ротмистр Гиренков и корнет Семичев. Штаб-ротмистр Гиренков был даже назначен на освободившуюся должность командира 3-го эскадрона, но через неделю снова заболел и был эвакуирован. Командиром 3-го эскадрона был тогда назначен прибывший из Персии штаб-ротмистр Верба, но и он не смог остаться на этой должности, т. к. из штаба армии пришел приказ штаб-ротмистру Верба немедленно отправиться в Персидскую казачью бригаду, где он крайне необходим. После этого командиром 3-го эскадрона стал штаб-ротмистр Рыбасов, произведенный в чин ротмистра. В конце августа получен был Высочайший приказ о льготном ускоренном производстве в следующие чины. По этому приказу командиры эскадронов, выслужившие чин подполковника, могли быть произведены в этот чин, оставаясь на должности командира эскадрона; так были произведены ротмистры Бако, Алтунжи и Биарсланов. Вскоре подполковник Биарсланов был командирован в 8-й Запасный кавалерийский полк для объединения всех формировавшихся маршевых эскадронов полка под его командой. На освободившееся место командира 2-го эскадрона назначен был штаб-ротмистр Греков, произведенный в чин ротмистра.

В середине октября Высочайшим приказом полковник Эммануэль назначен был командиром 10-го уланского Одесского полка. После скромных по военным обстоятельствам, но сердечных и дружных, проводов полковник Эммануэль отбыл к месту нового назначения в 3-й конный корпус.

Подполковник Ильин стал старшим штаб-офицером и вскоре был произведен в полковники. Подполковник Бако, имевший по Георгиевскому статуту высшее старшинство, занял штаб-офицерскую должность, а командиром 6-го эскадрона стал штаб-ротмистр Нарвойш с производством в чин ротмистра. Начальником обоза 2-го разряда был назначен штаб-ротмистр Петерс, недавно вернувшийся в полк после излечения от тяжелой контузии. Вернулся в полк после излечения от тяжелого ранения ротмистр Петропольский и был назначен заведующим хозяйства полка с производством в чин подполковника. Командир полка полковник Дробязгин был произведен в ген.-

майоры, но оставлен в полку не командиром, а только командующим полком. Ген.-майору Дробязгину не хотелось покидать полк, он любил полк, мечтал в чине генерал-майора остаться командиром полка, но в конце ноября пришло назначение его командиром 2-й бригады Кавказской Туземной конной дивизии. Тепло и сердечно проводили Крымцы своего командира и о нем осталось в полку хорошее воспоминание.

Ожидали нового командира полка. По «достоверным» слухам называли нескольких кандидатов на наш полк. Однако никто из кандидатов назначен не был; неожиданно для всех командиром Крымского Конного Ее Величества полка был назначен начальник штаба 16-й кавал. дивизии ген. штаба полковник Ревишин.

В это время дивизион полка при 41-м корпусе оставался на старых местах; 2-й и 6-й эскадроны были при штабе полка в м. Борщуве, а 5-й эскадрон по полуэскадронно находился при 1-й и 2-й Заамурских дивизиях. Было начало декабря, настоящая зима с довольно глубоким снегом. Перед штабом полка под вечер стояло несколько офицеров, в том числе и вр. и. д. полкового адъютанта пор. Отмарштейн, когда вдруг к штабу полка на санях с запряженными в них полковыми лошадьми, управляемыми полковым ездовым, быстро подъехал незнакомый г.г. офицерам полковник в нашей полковой форме. Поручик Отмарштейн поспешил подойти к приехавшему новому командиру с рапортом и проводил его к командирской квартире. На другой день в походном полковом собрании все наличные при штабе полка офицеры представились командиру полка полковнику Ревишину Александру Петровичу.

Конец 1915 года ознаменовался для полка двумя значительными событиями. Получена была весть о том, что в Ораниенбауме С.-Петербургской губернии сформирована конно-пулеметная команда, которая в ближайшее время должна прибыть в полк во главе со штабс-ротмистром Думбадзе.

Другая весть была о том, что в Каменец-Подольске при штабе 9-й армии формируется партизанский отряд, командиром которого назначен штабс-ротм. Двойченко и что этот отряд будет состоять главным образом из чинов Крымского Конного Ее Величества полка.

В скором времени выяснилось, что шт.-ротм. Думбадзе, находясь после ранения в Собственном Ее Величества лазарете в Царском селе, во время беседы с ним Ее Величества выразил сожаление в том, что в полку нет пулеметов. Государыня Императрица заинтересовалась этим вопросом и через 5-6 дней сообщила шт.-ротмистру Думбадзе, что когда он вполне поправится, то будет командирован в Ораниенбаум на пулеметные курсы и там получит потом соответствующие распоряжения по сформированию для полка конно-пулеметной команды.

Мечта шт.-ротмистра Думбадзе и, конечно всего полка, иметь свои пулеметы сбылась. В Ораниенбауме при пулеметных курсах была набрана команда пулеметчиков, прошедших пулеметные курсы; большинство из них были взяты из наших маршевых эскадронов при 8-м Запасном кавалерийском полку.

В середине января 1916 года шт.-ротмистр Думбадзе привел в полк конно-пулеметную команду, вооруженную двумя пулеметами «Максима». Этот пулеметный взвод стал считаться в полку «Шефским подарком». Начальником конно-пулеметной команды был утвержден шт.-ротмистр Думбадзе, а его помощником корнет Барон ф. Медем, сдавший должность полкового казначея корнету Воблому.

Партизанский отряд был делом штабс-ротмистра Двойченко. Будучи по мобилизации назначен в штаб 7-го армейского корпуса, поручик Двойченко недолго оставался в штабе. Штабная обстановка его угнетала; он стремился в строй на передовые позиции. Вскоре ему удалось добиться обратного назначения в свой полк, но и в полку боевая служба его не удовлетворяла; он мечтал о крупных делах, где он мог бы действовать самостоятельно, не будучи стесненным в рамках эскадронных возможностей. Думал В. А. Двойченко не только о себе, но и о славе своего родного полка; поэтому он хотел так сформировать свой партизанский отряд, чтобы он представлял бы собой как бы часть полка и чтобы успехи отряда были бы одновременно и полковыми успехами, что ему и удалось.

Воспользовавшись своим кратковременным отпуском, он стал хлопотать в штабе 9-й армии о сформировании партизанского отряда. Его хлопоты, поддержанные некоторыми его сторонниками, дали положительные результаты.

В это время было увлечение партизанскими действиями. Уже большой известностью пользовался на юго-западном фронте отряд полковника Шкуро. На западном фронте в районе м. Невель действовал большой партизанский отряд, составленный из небольших команд всех кавалерийских полков. В этом отряде находилась уже и команда Крымцев в составе тридцати человек (по пяти от каждого эскадрона). Командиром этой команды вызвался быть корн. Лихвенцов, который в конце октября 1915 года с командой отбыл по указанному ему в штабе армии пути, после чего о команде не было «ни слуху ни духу». Шт.-ротмистру Двойченко было дано право самому выбрать состав отряда, в том числе и офицеров. По его указанию были потребованы штабом армии от полка следующие г.г. офицеры: корнеты Люстих, Седов и Губарев и прапорщик Барон Лоудон. По своей силе отряд должен был собою представлять приблизительно эскадрон; два взвода должны были быть Крымцами, один взвод Терскими казаками и один взвод Кубанскими пла-

ступами. Оба казачьих взвода должны были считаться лишь временно прикомандированными к отряду. Для Крымских взводов было потребовано от полка по 10 всадников от каждого эскадрона, в том числе не меньше одного унтер-офицера и кроме того еще несколько унтер-офицеров от полка по выбору штабс-ротмистра Двойченко. Отряд был быстро сформирован и уже во второй половине декабря прибыл в м. Борщув, где ему был произведен смотр командиром полка. Двое суток отряд оставался в Борщуве. Вечером второго дня пребывания отряда в Борщуве с разрешения командира полка было устроено в полковом собрании выступление Терских и Кубанских казаков, показавших свое искусство в песнях и плясках. После своего двухсуточного пребывания при штабе полка отряд выступил на передовые позиции и больше о нем никто ничего не знал; его местопребывание было тайной.

В середине того же декабря 4-й эскадрон выбыл из состава дивизиона при 41-м армейском корпусе и присоединился к штабу полка, а вместо него в 41-й корпус прибыл 2-й эскадрон. В первых числах января 1916 года весь 1-й дивизион полка занял боевой участок на левом фланге 41-го корпуса у дер. Устье-Бискупы. Два эскадрона занимали окопы, а один эскадрон был в резерве. Через каждые три дня резервный эскадрон сменял один из эскадронов в окопах. В окопах эскадроны находились по шесть суток. У Устья-Бискупе были настоящие окопы во весь рост с правильными ходами сообщения, с хорошо оборудованными землянками. Перед окопами были проволочные заграждения в несколько рядов. Была отличная видимость противника и доминирующее над ним расположение.

На фронте 9-й армии было затишье; редкая перестрелка. Запасы снарядов в батареях все время пополнялись. Войсковые части доводились до полного комплекта, обучались и восстанавливали свой боевой порыв. Чувствовалось приближение дня, когда накопившиеся снаряды полетят из жерл орудий на врага и наши войска будут преследовать разбитого неприятеля.

В начале февраля прибыл из Борщува в Устье-Бискупе наш конно-пулеметный взвод под командой шт.-ротмистра Думбадзе. Взвод принял участие в «окопном сидении» див-на и все ему были рады, т. к. сила нашего огня сразу значительно увеличилась. Начальником боевого участка стал подполковник Алтунжи с сохранением должности командира эскадрона Ее Величества.

Командир полка после своего приезда сразу же стал объезжать все полковые подразделения и все штабы, имевшие отношения к полку. В отличие от полковника Дробязгина полковник Ревишин, как офицер генерального штаба, попадал в штабах в свою среду, не стеснялся и не просил, а требовал то, что считал необходимым или желательным для полка. Полковник Дробяз-

гин, посещая штабы, попадал в чуждую ему среду штабных; к нему относились с полным уважением, но не особенно с ним считались.

В ноябре 1915 г. прибыл в полк прапорщик Кн. Кудашев Георгий Владимирович, выпущенный 1-го октября из Николаевского кавалерийского училища в Татарский конный полк, но в скором времени переведенный в Крымский Конный Ее Величества полк. Почти одновременно прибыл в полк переведенный из одного из армейских транспортов прапорщик запаса Куприянов Николай Герасимович.

В конце 1915 года вследствие частых выпусков из кавалерийских училищ почти во всех Кавалерийских регулярных полках был полный комплект офицерского состава. Выпускным юнкерам приходилось брать вакансии во вновь сформированные во время войны полки и просить о переводе в тот полк, в котором они стремились служить. Такие переводы обыкновенно допускались лишь по уважительным причинам. Одной из таких причин была совместная служба с близкими родственниками, поэтому и в Крымский Конный Ее Величества полк кроме Пажей, выходивших в полки не считаясь с вакансиями, остальные молодые офицеры, выходившие в полк, за редким исключением, были родственники уже служивших в полку офицеров.

1-го февраля 1916 г. и затем в течение всего 1916 г. вышли в полк:

Прапорщ.	Добровольский Георгий ...	из	Пажеского	Его	Имп.	Вел.	корпуса,
»	Фон Фе Эдуард	»	»	»	»	»	»
»	Философов Георгий	»	»	»	»	»	»
»	Кистер Борис	»	»	»	»	»	»
»	Пестов Семен	»	Николаевского кавалер. училища.				

Переведены из полков:

6-го Заамур. коннного	Прап.	Кн. Кудашев Евгений	(Николаев.	кавал.	учил.)
Кабардинского конного	»	Петерс Леонид	(Елисав.	»	»)
5-го гус. Александр.	»	Марков Сергей	(»	»	»)
5-го Заамур. конного	»	Думбадзе Григорий ..	(»	»	»)
5-го Заамур. конного	»	Отмарштейн Глеб	(»	»	»)
3-го улан. Смоленск.	»	Авилов Руф	(Тверского	»	»)

В начале 1916 г. произошли перемены в медицинском и ветеринарном составе: старший ветеринарный врач надворный советник Селезнев Анемподист Александрович получил новое высшее назначение и убыл из полка. Вместо него на должность ст. ветер. врача прибыл в полк коллеж. асессор доктор Долгомостьев. На свободную должность младшего вет. врача прибыл в полк неимеющий чина ветеринарный врач Сокольский Николай Артемьевич. Стар-

ший медицинский врач др. Калачев Николай Иванович после долголетнего (с 1904 года) пребывания в полку убыл на новую высшую должность дивизионного врача. На его место прибыл в полк неимеющий чина медицинский врач др. Мазор, хотя и сразу зарекомендовавший себя с хорошей стороны, но вскоре был заменен прибывшим в полк колежским асессором др. Гаевичем, а др. Мазор убыл из полка к новому месту службы. На должность младшего медицинского врача прибыл в полк неимеющий чина зауряд-врач лекарь Мемет Парпетов, родной брат корнета Рустема Парпетова. В течение зимы 1915/16 года произошли и некоторые перемены в строевых подразделениях полка. Начальник команды связи штабс-ротмистр Глазер был назначен старшим офицером в 5-й эскадрон, а начальником команды связи назначен был штабс-ротмистр Муфтий-Заде. Во всех эскадронах было установлено одинаковое число офицеров, как старших, так и младших.

Командир полка полковник Ревишин, желая хоть немного усилить действительность огня эскадронов, командировал корнета Дурилина в штаб армии с требованием выдачи полку шести ружей-пулеметов «Мадсена», по одному на каждый эскадрон. В арсенале штаба 9-й армии доброжелательно отозвались на требование командира полка, но смогли выдать только два «Мадсена», а вместо четырех недостающих предложили четыре австрийских «Шварц-Лозе». Не смея проявить личную инициативу, корнет Дурилин через службу связи штаба армии и штаб корпуса телеграфировал об этом командиру полка, на что полковник Ревишин поспешил дать свое, безусловно радостное, согласие. Отличные пулеметы «Шварц-Лозе» давали возможность сформирования при полку сильной пулеметной команды.

По доставке пулеметов в полк, командир полка отдал приказ о формировании новых двух взводов в дополнение к уже имевшемуся в полку «Шефскому подарку». Два ружья-пулемета «Мадсена» по жребию достались эскадрону Ее Величества и 3-му. Формированье шло успешно. Главным образом пришлось использовать свои собственные средства. Для пулеметов использованы были двуколки от поплавков «Полянского», от каждого эскадрона было назначено по 5 человек. В только-что прибывшем 4-м марш. эскадроне оказались специалисты пулеметчики. Опытный вахмистр взвода «Шефский подарок», которого звали все всадники «Эфенди» был назначен вахмистром всей конно-пулеметной команды. Новые взводы получили №№ 1-й и 2-й по 1-му и 2-му дивизионам; старый взвод под № 3-м считался общим полковым. Начальником всей команды (в сущности уже эскадрона) был назначен штабс-ротмистр Думбадзе, его помощником корнет Барон ф. Медем и младшим офицером прапорщик Философов. Со вступлением в строй полковой трехвзводной конно-пулеметной команды огневая сила полка значительно увеличива-

лась; было приятное чувство от сознания своей увеличенной боеспособности для будущих боев и вспоминались прежние бои, во время которых так не доставало этих вновь приобретенных пулеметов.

4-й маршевый эскадрон прибыл в таком же составе, как и предыдущие, но без офицеров. Т. к. ни в эскадроне, ни в 8-м Запасном кавалерийском полку никаких эпидемий не было, то 4-й маршевый эскадрон сразу же командиром полка был разбит по эскадронам и командам полка. Были не только призванные из запаса нижние чины, но и молодые солдаты последних призывов, хорошо обученные и отчетливые. Все лошади были вороной масти.

Всю зиму и до начала так называемого «Брусиловского» наступления полк оставался в разъединенном состоянии при двух армейских корпусах (33-м и 41-м): три эскадрона с одним конно-пулеметным взводом при 41-м корпусе в окопах у д. Устье-Бискупе, а штаб полка со всеми остальными эскадронами и командами при 33-м корпусе, при чем два эскадрона находились в распоряжении начальников 1-й и 2-й Заамурских дивизий. Эскадроны чередовались в несении службы в 33-м и 41-м армейских корпусах, но с начала апреля у Усть-Бискупе уже бессменно оставался 1-й дивизион с 3-м конно-пулеметным взводом, а штаб полка со всеми остальными подразделениями полка находился при 33-м армейском корпусе.

24-го мая с наступлением ночной темноты 1-й дивизион неожиданно был сменен в окопах у Устья-Бискупе ополченской дружиной. Весь дивизион со своими пулеметами сосредоточился в д. Устье-Бискупе. Ночь прошла спокойно в полной тишине, но с наступлением рассвета началась чрезвычайно сильная бомбардировка нашей артиллерией укрепленных позиций противника. Такого страшного разрушительного огня еще никогда на нашем фронте не было. Замок у д. Самушин («Шлосс») считался главным опорным пунктом врага; вторая укрепленная позиция вдоль южной окраины села Окна считалась неприступной. Ураганный обстрел укреплений противника продолжался непрерывно до полдня, когда полки 3-ей Заамурской и 74-ой дивизий бросились в атаку. Противник был совершенно подавлен огнем нашей артиллерии; совершенно деморализованный стал сдаваться в плен, частично спеша укрыться на следующей позиции у д. Окна.

Дивизион Крымцев к моменту прорыва находился уже на передней линии, сразу же по только что наведенному понтонному мосту переправился через Днестр и под командой подполковника Алтунжи бросился преследовать противника. В конной атаке трех эскадронов, атаковавших врага в двухшеренговом развернутом разомкнутом строю, имея в каждом эскадроне по одному взводу во второй линии, считавшаяся неприступной укрепленная позиция у д. Окна была взята! Противник пытался было оказать сопротивление, но полностью морально подавленный нашей артиллерией, не смог удер-

жаться на позиции и бросился к третьеей своей укрепленной линии за д. Окна. Артиллерия противника, открывшая по атакующему нашему дивизиону сильный огонь гранатами, быстро замолчала, переезжая вероятно на новую позицию; к счастью для нас большинство снарядов давали перелеты. Вторая укрепленная линия неприятеля была основательно разрушена нашей артиллерией, и дивизион Крымцев со своим конно-пулеметным взводом без особенного труда прошел через линию окопов и занял всю дер. Окна, пройдя до самой 3-ей позиции врага. На этой линии противник уже чувствовал себя более уверенным; окопы с проволочными заграждениями находились на крутом возвышении; узкая полоса местности между окраиной деревни и австрийскими окопами находилась под сильным обстрелом. Дивизион занял в спешенном строю окраину деревни. Оба фланга были открыты, но постепенно стали подходить пехотные части и начали окапываться. Только на нашем левом фланге получился какой-то разрыв и начальник боевого участка, как оказалось бригадный командир одной из бригад 41-го армейского корпуса, ген.-майор Архипович потребовал наши пулеметы, чтобы прикрыть этот разрыв. Корнету Дурилину было поручено с пулеметным взводом и взводом 2-го эскадрона выполнить поставленную генералом задачу. Пулеметы и взвод 2-го эскадрона (4-й) под командой корнета Дурилина с трех часов дня до наступления полной ночной темноты под действительным огнем противника оставались на линии нашей пехоты и своим огнем отражали многократные попытки австрийцев обойти наш левый фланг. Поздно вечером, когда разрыв был уже ликвидирован, начальник боевого участка приказал корнету Дурилину со своими взводами присоединиться к дивизиону и выразил ему благодарность за доблестное выполнение долга. На ночлег дивизион отошел в южную часть деревни Окна, где уже ожидали подоспевшие кухни. За весь первый начавшегося нашего наступления день потери в дивизионе Крымцев были сравнительно не велики: двое всадников убитых в 4-м взводе 2-го эскадрона; ранены были поруч. Лесеневич и прапорщ. Куприянов и десять всадников; выбыло из строя одиннадцать лошадей.

26-го мая утром подполковник Алтунжи получил приказание выбить противника из деревни Тоутры. Сейчас же по получении этого приказания дивизион выступил по направлению деревни Тоутры, находившейся в 5-6 верстах от дер. Окна. Подойдя к Тоутрам, дивизион был встречен ружейным огнем. Шедший головным 2-й эскадрон развернулся лавой и на полевом галопе ворвался в деревню. Противник спешно отошел; было взято свыше сорока австрийцев в плен; брошено было противником много разного имущества: походных кухонь, повозок и др. Подполковник Алтунжи по собственному почину повел дивизион преследовать неприятеля по направлению деревни Заставна верстах в 20-ти от деревни Окна. Также, как и Тоустры, Застав-

на была легко занята. Справа части 41-го армейского корпуса также успешно продвигались к югу по направлению к городу Снятынь. От начальника 3-ей Заамурской дивизии, которому в данное время дивизион был подчинен, было получено приказание выставить сторожевое охранение и выслать разъезды для разведки противника и для установления связи с правым флангом соседнего 11-го армейского корпуса. Противник, деморализованный после двух дней нашего наступления, не оказывал больше никакого серьезного сопротивления и только подход свежих резервов мог бы восстановить боеспособность австрийских войск на фронте 9-й армии и далее к северу, что и произошло в ближайшее же время.

Штаб полка со 2-м дивизионом прибыл из Борщува в Залещики 31-го мая. С этого дня полк в полном составе перешел в распоряжение командира 41-го армейского корпуса, кроме 6-го эскадрона, которому было приказано спешно перейти в дер. Серафиньце в распоряжение начальника 2-й Заамурской дивизии 33-го армейского корпуса. Штаб полка перешел в м. Аугустдорф в двух верстах к северу от гор. Снятынь. К этому времени присоединился к штабу полка 1-й дивизион, кроме 2-го эскадрона, получившего приказание перейти в дер. Стэцова в распоряжение штаба 41-го корпуса. Также присоединился к полку и 6-й эскадрон после краткого пребывания при 2-й Заамурской дивизии. Полку было приказано вести разведку местности по левому берегу реки Прут до дер. Орелец включительно и наблюдать за противником на правом берегу. Противник вел обстрел левого берега реки Прут. Разъезды полка, несмотря на этот обстрел, проявляли большую активность. Разъездами корнета Дурилина и прапорщиков Фе и Добровольского было найдено несколько бродов через Прут. По этим бродам эскадроны переправлялись на правый берег и, тесня противника, доходили до деревень Устье-над-Прутом, Волчковце и Любковце, которые были прочно заняты неприятелем.

5-го июня через брод у Молодынова переправились усиленные партии пеших разведчиков, которые под общим командованием старшего из офицеров разведчиков, пытались взять Карлув, но противник оказал сильный отпор своим пулеметным и артиллерийским огнем; понеся значительные потери, наши разведчики вынуждены были отступить на левый берег реки. На другой день 6-го июня от командира корпуса пришло приказание снова разведать тот же район правого берега и особенно у Карлува и выбить из него противника, если он будет там обнаружен. Рано утром наши разъезды обнаружили, что в Карлуве и его окрестностях противника нет. От местных жителей узнали, что австрийский кавалерийский отряд силою около 2-х – 3-х эскадронов с пулеметами спешно ушел из Карлува за час до вступления туда наших разъездов. К 5-ти часам вечера штаб полка перешел в Карлув. Была выдви-

нута разведка и выставлено сторожевое охранение, но уже в 8 часов вечера, от командира 41-го армейского корпуса было получено приказание выступить на смену 10-го Донского казачьего полка, занимавшего сторожевое охранение к югу от окраины дер. Кулачковце по реке Чернява. Командир полка лично повел полк. Переправившись через Прут и пройдя дер. Ханьковце, в ночь с 6-го на 7-е июня штаб полка расположился на фольварке у дер. Задубровце. В 5 часов утра 7-го июня дивизион в составе 5-го и 6-го эскадронов под командой подполковника Бако выступил на фольв. Орелец, что к северо-западу от дер. Ханьковце, где в 8 часов утра 5-й эскадрон сменил казачьи заставы к югу от деревни Бучачки по реке Чернява. 6-й эскадрон остался в резерве; от эскадрона был выслан взвод для прикрытия артиллерийского взвода 1-го Донского казачьего конно-артиллерийского дивизиона, временно приданного сторожевому охранению Крымцев. Левее дивизиона подполковник Бако по р. Чернява заняли сторожевое охранение остальные эскадроны полка, имея один эскадрон при штабе полка в общем резерве.

Около 3½ часов дня на участке 5-го эскадрона, укрываясь в высокой зеленой кукурузе, австрийцы незаметно подползли на очень близкое расстояние к нашим постам, которые не успели своевременно предупредить заставы. Австрийцы сразу повели наступление и потеснили сторожевые заставы 5-го эскадрона. Другая группа неприятеля без стрельбы начала обходить правый фланг. 6-й эскадрон был вызван на помощь 5-му эскадрону. Энергичными распоряжениями шт.-ротмистра Глазера, временно командовавшего эскадроном, заменяя заболевшего подполковника Зотова, 5-й эскадрон успел самостоятельно остановить наступавших австрийцев, а с подошедшими 6-м эскадроном и пулеметами поручика Барона ф. Медема удалось обратить врага в бегство, наше положение было полностью восстановлено, а противник нашим пулеметным огнем совершенно расстроенный понес очень большие потери.

С 8-го до 10-го июня полк занимал тот же участок сторожевого охранения по узкой мелководной речке Чернява. 11-го перед рассветом полк был сменен пехотными частями 41-го армейского корпуса и выступил в район города Снятынь, сосредоточившись в полном составе в деревне Волчковце в корпусном резерве, за исключением 2-го эскадрона, находившегося в личном распоряжении командира корпуса.

2-й эскадрон 2-го июня по прибытии в дер. Стэцова вошел в непосредственное подчинение штабу 41-го армейского корпуса. Со штабом перешел сперва в Ханьковце, а 8-го июня в мест. Гвоздец-Място; штаб корпуса стал на фольварке к северу от м. Гвоздец-Място. Один полуэскадрон был придан правофланговой дивизии для несения службы разведки и наблюдения за левым флангом 33-го армейского корпуса. Другой полуэскадрон выполнял раз-

ные поручения штаба корпуса. К югу от края деревни Кулачковце от 2-го эскадрона был выставлен пост с телефоном, связанным со штабом корпуса, второй телефон был от полковой команды связи. На этом посту находился один из офицеров 2-го эскадрона с несколькими всадниками. Пост был поставлен для улучшения связи командира полка со штабом корпуса. Полк простоял в корпусном резерве до 15-го июня.

После некоторого затишья снова готовился прорыв позиций противника, а с прорывом предполагалось и дальнейшее наступление. С утра 15-го июня началась артиллерийская подготовка и около полудня пехотные части 41-го армейского корпуса приблизительно верстах в пяти к западу от дер. Волчковце прорвали фронт противника и в образовавшийся прорыв был брошен наш полк преследовать врага. Командир полка повел полк в составе пяти эскадронов с пулеметами на флангах в конную атаку. В районе м. Заблотув полк развернулся на широком фронте, имея в первом эшелоне три эскадрона и два во втором эшелоне. При виде атакующей русской конницы у австрийцев произошла необыкновенная паника, вызвавшая беспорядочное бегство за свои укрепленные окопы; некоторые мелкие попытки сопротивления не имели успеха и все многочисленное число австрийцев, не успевших укрыться, попало в плен. Наше корпусное начальство, наблюдавшее атаку с командного пункта, было в полном удовлетворении и в штаб армии была послана об этом восторженная телеграмма, в результате которой в ежедневной сводке ставки Верховного Главнокомандующего появилось также и следующее сообщение: «...В одном месте наши храбрые Крымские Татары в конной атаке обратили отступление противника в бегство». Немедленно после атаки были высланы разъезды по направлению к городу Коломея, к северу от города и к югу. Все разъезды донесли, что происходит эвакуация Коломеи. У дер. Семаковце бл. Коломеи, разъезд прапорщика Фон Фе был обстрелян артиллерийским и пулеметным огнем с бронепоезда. На ночлег полк стал у фольварка на речке Турка у выс. 250.

16-го июня в 11 часов утра полк выступил в направлении Назурна-Щенява. Целью этого движения был обход города Коломеи с севера. Впереди шел разведывательный 5-й эскадрон под командой подполковника Зотова; разъезд от эскадрона под начальством корнета Дмитриева, согласно данной ему задачи, прошел прямо к переезду железной дороги у восточного предместья Коломеи, где ясно обнаружился отход неприятеля, о чем было послано донесение, вследствие которого полковник Ревишин решил повести полк от Щенявы в прямом направлении на Коломею. Командир полка со штабом, штандартом и трубачами находился впереди развернувшихся в лаву эскадронов полка. Пройдя версты две-три от Щенявы в сторону Коломеи, полк под-

вергся вдруг ураганному артиллерийскому и пулеметному огню с бронепоезда в составе четырех бронированных вагонов с орудийными башнями на полном ходу выскочившего со станции Коломея в сторону Щенявы. Наша попытка захватить Коломею в конном строю потерпела полную неудачу. Разомкнутые ряды полка смешались и спешно отступили, но через десять минут, прийдя в себя после столь неожиданной заминки, все снова было приведено в порядок и полк отошел на северную окраину деревни Назурна, откуда два часа спустя по приказанию из штаба корпуса через д. Захайполь перешел в дер. Подхайчики. Полку было приказано разведать местность: Щенява-Ишдыки - Добровудка - Фатовце - Турка. Был выслан целый ряд разъездов, подробно обследовавших всю указанную местность; нигде противника не обнаружили и нигде не было слышно никакого шума от передвижения войск. Поздно ночью разъезды стали возвращаться в Подхайчики, а в 7 часов утра с мерами охранения полк двинулся на Коршув, куда прибыл в 3 ч. дня. Через час полк дошел до фольв. Черемхув. Выяснилось, что деревня Черемхув занята противником. Не имея задачи выбить противника из дер. Черемхув и ввиду отсутствия минимальных условий для ночлега на фольварке, полковн. Ревишин отвел полк на ночлег в Коршув. На западной окраине Коршува было выставлено сторожевое охранение. В ночь с 16-го на 17-е июня Коломея была оставлена неприятелем и занята нашей пехотой.

18-го июня 6-му эскадрону под командой ротмистра Нарвойш было приказано произвести усиленную разведку района к северо-востоку от Хлебичин-Леньив до дороги Михалкув-Юзефувка и занять высоту 349, что севернее деревни Хлебичин-Леньив. Эскадрону были приданы 4 пулемета под командой штабс-ротмистра Думбадзе. Разведка показала, что на высоте 349 находятся лишь отдельные всадники противника. Корнету Кривцову было приказано подойти к высоте 349 и вызвать какой-либо маневр со стороны неприятеля. Около высоты 363, немного юго-восточнее выс. 349, эскадрон спешился и командир эскадрона вместе с несколькими связистами поднялись на высоту 363 доминирующую над всей окружающей местностью. С высоты 363 можно было прекрасно наблюдать за движениями австрийцев и за взводом корнета Кривцова, продвигавшегося по лощине, и со стороны противника невидимым. Выехавшие со стороны выс. 349 навстречу разъезду корнета Кривцова всадники разведчики неприятеля (5-6 человек), при виде дозорных корнета Кривцова, повернули назад и ускакали, чтобы предупредить своих о приближении русских кавалеристов. Преследуя разведчиков, корнет Кривцов занял выс. 349. С высоты 363 виднелись вдали за выс. 349 окопы противника, а еще далее в перелеске стояли коноводы; очевидно в окопах находились части австрийской конницы. Корнету Кривцову всего этого не было видно и он предполагал, что имеет дело лишь с конной разведкой. По

занятии нашим разъездом высоты 349, неприятельская артиллерия немедленно же открыла огонь по высоте, занятой корнетом Кривцовым, а из окопов стали выходить стрелки, слышны были ружейные залпы и трескотня пулеметов. Не желая на высоте нести напрасные потери корнет Кривцов со взводом спустился вниз в лощину, построил взвод лавой и с наблюдательного пункта на высоте 363 было видно, что корнет Кривцов несомненно атакует противника. Ротмистр Нарвойш решил послать взводу Кривцова подкрепление и приказал прапорщику Добровольскому со своим взводом сказать на поддержку взвода корнета Кривцова. В это же время подошла пехотная рота, залегла в лощине и обеспечила наш левый фланг. Прапорщик Добровольский едва успел поспеть к моменту, когда корнет Кривцов с криком «ура!» лавой повел свой взвод в атаку, подымаясь из лощины на выс. 349. Прапорщ. Добровольский успел со своим взводом пристроиться и также участвовать в атаке с правой стороны. В это время наши пулеметы с выс. 363 открыли сильный огонь по неприятелю на высоте 349. Атака была блестящей и дошла до удара холодным оружием, всадники рубили и кололи австрийцев, которые, несмотря на свое превосходство в силах, обратились в бегство. Полуэскадрон понес очень большие потери. Раненых перевязывали на высоте 363; был ранен корнет Кривцов и с ним 20 всадников, шестеро было убито и 24 лошади выбыло из строя. Все же эти потери не были напрасными; эта атака помешала противнику перейти в контрнаступление из района Хлебичин-Леньив и оказала этим большую помощь нашей пехоте. В 8 час. вечера 6-й эскадрон присоединился к полку, который занял дер. Черемхув, вытеснив оттуда части спешенных гусар.

Описывая атаку доблестного корнета Кривцова, нельзя не упомянуть атаки таких же доблестных офицеров полка корнетов Дурилина, Оделя и Педаховского, происшедших в совсем недалеком прошлом во время общего наступления полков 41-го армейского корпуса. Разъезды этих офицеров атаковывали отходящие австрийские части, производя беспорядок в рядах врага и захватывая пленных в значительно большем числе, чем было всадников в разъездах.

Особый интерес представляет собой атака корнета Дурилина. Зимой 1915/16 г. несколько офицеров Крымцев были командированы в полки 33-го и 41-го армейских корпусов для обучения верховой езде нижних чинов команд конных разведчиков. Одним из этих офицеров был корнет Дурилин. Так случилось, что во время его разведки встретился ему разъезд конных разведчиков именно тех, которых он обучал верховой езде. Крайне обрадованный этой встрече унтер-офицер, начальник разъезда конных разведчиков, испросил у корнета Дурилина разрешения присоединиться к нему для совместных дальнейших действий. Шашек у разведчиков не было и, держа в руках

винтовки с примкнутыми штыками, конноразведчики приняли участие в конной атаке корнета Дурилина, показав себя хорошими кавалеристами. В разъездах корнета Дурилина (3-го эскадрона), корнета Оделя и корнета Педаховского (оба от 5-го эскадрона) потерь было очень мало; ранен был корнет Одель, но остался в строю.

19-го июня с утра было выслано несколько разъездов с целью разведки района к северо-западу от Бохородичина, дойдя до соприкосновения с противником и определения расположения его окопов. По дороге из Хостува на Бохородичин замечено было наступление большой колонны неприятеля. По получении об этом донесения командир полка сразу отдал приказание о выступлении и полк перешел в дер. Михалкув, а затем двинулся дальше на северо-запад на одну-две версты от Бохородичина. 5-й и 6-й эскадроны стали в резервных колоннах, готовые к конной атаке, а остальные эскадроны спешились и повели наступление на Хостув, но австрийцы не пожелали принять бой и спешно отступили. На другой день 20-го июня полк с приданным ему взводом 1-го Донского казачьего конно-артиллерийского дивизиона в 10 часов утра выступил по направлению деревни Юзефовка. Хотя полк и приготовился к бою, но кроме взаимной артиллерийской и пулеметной перестрелки дело дальше не пошло и опять ночлег был назначен в Бороходычине. 21-го июня противник снова пошел в наступление на Бохородичин. Командир полка решил отойти с полком в Михалкув и выслать разведку с целью определить силы и направление наступления австрийцев. Вскоре неприятель большими силами стал теснить передовые разъезды 5-го эскадрона, который отошел на линию окопов у сев.-зап. окраины деревни Бохородичин, занятых 6-м эскадроном, спешно выступившим в 10 часов утра из Михалкува. Два эскадрона были высланы для занятия фронта в одной версте от Михалкува по дороге на деревню Юзефовка, а один эскадрон (Ее Величества) остался в резерве. К 7 часам вечера 5-й и 6-й эскадроны, бывшие под командой подполковника Бако, вынуждены были отойти, так как замечен был обход противником наших флангов. Командир полка не нашел возможным втягиваться в бой всем полком ввиду угрозы со стороны Хлебичин-Леньив и Черемхува удара во фланг и тыл полка. Полк был вынужден отойти в деревню Жукоцин, где с мерами охранения стал на ночлег.

С 16-го по 21-е июня включительно полк действовал в авангарде 41-го армейского корпуса и только 22-го июня пехотные части вновь вошли в соприкосновение с пр-ком. 22-го июня в 9 часов утра полк перешел в лес, что к северо-западу от деревни Жукоцин, выслав ряд разъездов с целью выяснения расположения и сил противника. На фронте 9-й армии наступило краткое затишье. До 30-го июня полк оставался в районе Жукоцинского леса

и деревни Жукоцин, а в час дня 30-го перешел в деревню Чепеличка, примыкающую к северной окраине д. Коршув. До 4-го июля эскадроны полка продолжали вести разведку районов Бохородичин, Хлебичин-Леньив, Черемхув, Майдан-Граничны, Слобудка-Лесьна. К 4-му июля полк вернулся в Жукоцин. 4-го же июля состоялся приказ, по которому Крымский Конный Ее Величества полк выбыл из состава 41-го армейского корпуса и перешел в м. Чертовец, войдя в подчинение командира 33-го арм. корпуса. Одновременно с этим присоединился к полку 2-й эскадрон, также выйдя из подчинения командиру 41-го армейского корпуса. До 9-го июля полк находился в корпусном резерве. 9-го получен был приказ выступить полку в деревню Долина на реке Днестр, но в пути полк был остановлен в дер. Воронув, где простоял до 14-го июля, продолжая оставаться в корпусном резерве, но высылая разъезды для ведения разведки по всему фронту 33-го корпуса. В это время фронт корпуса упирался своим правым флангом в реку Днестр у деревни Одае и тянулся к юго-западу по направлению на деревни Олеша-Езераны; все эти деревни были заняты войсками 33-го армейского корпуса.

14-го июля полку было приказано к вечеру продолжить прерванный путь в дер. Долина. В 8 часов утра по приказанию командира полка корнет Алешо был послан для рекогносцировки дороги на дер. Долина, а в 2 часа дня корнет Эммануэль выступил с полковыми квартирьерами. Дойдя до северо-западного выхода из деревни Исакув на Долину, квартирьеры были остановлены постом во главе с артиллерийским офицером, который предупредил корнета Эммануэль, что дорога между дер. Исакун и дер. Долина на протяжении около полутора верст проходит по открытой местности, пристреляна противником и что даже по одиночным людям выпускаются врагом целые очереди снарядов. Команда квартирьеров составляла около 35-ти человек; что осталось бы от квартирьеров, если, не обратив внимания на предупреждение, все-таки всей командой пуститься по пристрелянной дороге, хотя бы и на полном карьере? Оставаться на месте и ждать наступления темноты, тоже нельзя; не успели бы отвести для полка квартиры. Пришлось принять среднее решение: двигаться вперед, но по одному на карьере через каждые две-три минуты. Это заняло порядочно времени, но для отвода квартир времени было достаточно, а, главное, что все обошлось почти благополучно; один всадник 5-го эскадрона был ранен; все остальные и все лошади остались невредимы.

Часам к 10-11 вечера ожидали прибытия полка в Долину, но полк запаздывал, а в полночь со стороны противника ужасная канонада; казалось, что целью обстрела была деревня Исакув. Полк прибыл в Долину в 2 ч. утра уже 15-го июля. Выступив из Воронува в 9 час. вечера 14-го июля, проходя

через дер. Исакув, полк подвергся жестокому обстрелу германской тяжелой артиллерии. Больше всех пострадал 6-й эскадрон; один снаряд попал между хвостом 5-го эскадрона и головой 6-го эскадрона. В 5-м эскадроне тяжело контужен корнет Одель, ранено несколько всадников и лошадей, в 6-ом эскадроне убито два всадника, шесть ранено и пять сильно контужены, во 2-м эскадроне два всадника ранены: во всем полку оказалось много сравнительно легко контуженных. 6-й эскадрон очень пострадал в своем конском составе: 8 убитых и 6 раненых коней не годных уже к строю. Наш командир полка тоже оказался раненым; о своей ране полковник Ревишин говорил, что у него ранен сапог. Осколок гранаты пробил сапог, но к счастью на ноге оказалась лишь легкая царапина. Выяснилось, что в Исакуве находились шпионы, которые по тайному телефону сообщили врагу о прохождении полком деревни Исакув.

В полк прибыл новый штаб-офицер подполковник Антонов Леонид Григорьевич, бывший командир эскадрона в Тверском кавалерийском училище. Ввиду начавшейся в военных училищах замены старых училищных офицеров строевыми, поправляющимися от ран, полученных на фронте, подполковник Антонов просил своего сослуживца по Тверскому кавалерийскому училищу полковника Ревишина оказать содействие переводу его в Крымский Конный Ее Величества полк, что полковник Ревишин и выполнил. Подполковник Антонов был переведен в полк, но ввиду полного комплекта штаб-офицеров, штатной должности он не занял. Кроме подполковника Антонова еще при командире полка полковнике Дробязгине был зачислен в списки полка из лейб-гв. Уланского Ее Величества полка полковник Апухтин Константин Валерианович, причисленный к ген. штабу и ожидавший перевода в генеральный штаб. Так как перевод вскоре состоялся, то полковник Апухтин в полк совсем не прибыл.

С утра 16-го июля на фронте 33-го армейского корпуса началась артиллерийская подготовка, но только в 8 часов вечера были вызваны 2-й и 6-й эскадроны под командой подполковника Бако для преследования противника, как было сказано в приказании «по возможности». Но возможности никакой не было. Пройдя версты две-три, дивизион при полной темноте напоролся на пространство, совершенно изрытое гранатами и на сплошную паутину кольев и колючей проволоки. Не только преследование, но и медленное продвижение через это препятствие было совершенно невозможно. К 8-ми часам утра пришлось вернуться к штабу полка в деревню Долина. Наступление 33-го армейского корпуса не смогло развиться и дивизии корпуса остановились.

С 17-го июля полком было занято сторожевое охранение по Днестру от деревни Одае до впадения речки Коропец в Днестр. Крымцы были на край-

нем правом фланге 33-го корпуса; дальше по другую сторону Днестра были уже войска 7-й армии. Участок этот был очень, беспокойный, особенно у фольварка Бжезина, который почти непрерывно обстреливался разрывными пулями. Окопов не было, приходилось укрываться за разными местными предметами, отвечая также стрельбой из винтовок и пулеметов. Эскадроны менялись; обыкновенно два эскадрона занимали участок, два эскадрона были в резерве и один эскадрон нес разведывательную службу. Все эскадроны были вместе, кроме 3-го, бывшего в распоряжении штаба корпуса.

25-го июля на фронте корпуса опять с 6-ти часов утра началась артиллерийская подготовка. В 6 часов утра полк выступил в лес «Мохилка», что между дер. Долина и дер. Одае. Около часа дня 2-й и 6-й эскадроны под командой подполковника Антонова были вызваны преследовать противника. Пройдя быстрыми аллюрами деревни Одае и Думка, подполковник Антонов направил 6-й эскадрон на фольв. Хлебувка, а со 2-м эскадроном направился на южную окраину дер. Окняны. 6-му эскадрону с трудом удалось пройти через проволочные заграждения и окопы, уже оставленные неприятелем; 1-й полуэскадрон, преодолев на своем дальнейшем пути все препятствия, свободно, на рысях шел на деревню Кутыска; 2-й полуэскадрон, не найдя для себя проходов, с прямого пути на Кутыску свернул на шоссе и на карьере ворвался в Кутыску, обойдя 1-й полуэскадрон. Деревня Кутыска была оставлена противником и тогда два взвода прапорщиков Добровольского и Фе под командой своих взводных командиров поскакали на выс. 314, что к северу от Кутыски и атаковали в конном строю перешедших в контратаку германцев; за 2-м полуэскадроном во втором эшелоне поскакал и первый полуэскадрон во главе с командиром эскадрона ротмистром Нарвойш и штабс-ротмистром Баженовым. Атака была доведена до удара холодным оружием; противник не хотел сдаваться, много германцев было заколото и зарублено всадниками эскадрона; взято в плен 132 германских солдата и 4 офицера. Потери в эскадроне были небольшие.

2-й эскадрон на указанном ему направлении наткнулся на превосходные силы нерасстроенных германцев; окопы их находились за проволочными заграждениями. Эскадрон вынужден был остановиться и отойти за укрытое место, откуда мог бы вести наблюдение за противником. К 8-ми часам вечера дивизион присоединился к полку, сосредоточившемуся в дер. Думка. Днем 25-го июля сторожевое охранение было снято и еще с утра штаб полка из деревни Долина перешел в деревню Думка. По инициативе штабс-ротмистра Муфтий-Заде команда связи с подрывной командой при поддержке четырех пулеметов переправилась на поплавках «Полянского» через Днестр в дер. Хорыхлады, захватила в плен весь Хорыхладский гарнизон и заставы по ле-

вому берегу Днестра; всего в плен было взято 80 австрийцев при одном офицере.

26-го июля наступление продолжалось. Разъезды полка доходили до линии: Нижньюв (2-го эск.), Братыщув (эск. Ее Величества), Олешув (6-го эск.). У юго-западной окраины деревни Нижньюв разъезд корнета Князя Кудашева 1-го захватил в плен заставу «Лесных егерей». У восточной окраины Нижньюва разъезд корнета Эммануэль настиг хвост отступавшей австрийской колонны, переправлявшейся по мостам через Днестр. От колонны разъезд отделялся высоким крутым обрывом, по которому спуститься было невозможно. Спешившись, разъезд открыл огонь из винтовок по скопившимся у мостов австрийцам; большинство из них в паническом беспорядке бросилось к мостам, но группа человек около двадцатипяти залегла и открыла ответный огонь. В это время раздалось два оглушительных взрыва; оба моста были взорваны, несмотря на то, что по мостам еще двигались австрийские солдаты. Обстреливавшая наш разъезд австрийская группа, услышав звуки взрывов, поспешила к мостам, унося с собой двух раненых.

В этот же день полк перешел в деревню Окняны, а к вечеру в дер. Братышув. Полковые разъезды дошли до линии Букувна - Маловане - Ольшаница. Из Братышува усиленный взвод (40 чел.) 2-го эскадрона под командой корнета Эммануель командирован был в распоряжение начальника 108-й пехотной дивизии в районе деревни Палахиче. Штаб этой дивизии был найден в лесу в небольшой одинокой усадьбе. Был уже поздний час, когда командир взвода явился начальнику 108-й дивизии. Начальник дивизии предупредил, что с утра ожидается очень упорный лесной бой с германской «Железной» дивизией и что нашему взводу также придется хорошо поработать. Со стороны штаба было проявлено много внимания в отношении устройства на ночлег всадников и лошадей. Дивизия была новая, сформированная из полков, укомплектованных солдатами действительной службы хорошо обученными и дисциплинированными; артиллерия дивизии вооружена была английскими легкими гаубицами. С утра 27-го июля начался, действительно, крайне упорный бой; на долю взвода также досталась большая работа по несению службы связи, разведки и наблюдению за флангами. Жестокие, но успешные бои с редкими и краткими перерывами продолжались и взвод 2-го эскадрона принимал в них деятельное участие. Пробыв при 108-й дивизии около десяти дней, взвод был от дивизии откомандирован и выступил на присоединение к своему эскадрону, находившемуся с полком в службе сторожевого охранения в районе деревни Стрыханце.

27-го июля из района Братышув полк выступил на деревню Рошньув, но деревня была занята крупными силами противника и пришлось остановиться в деревне Маловане. 28-го июля противник был выбит из дер. Рош-

ньюв и отступил в сторону Иезуполя, преследуемый эскадронами полка. 28-го к вечеру полком было занято сторожевое охранение от дер. Дольхе по Днестру мимо м. Мариамполь до деревни Побереже и по реке Быстрица до деревни Ястшембец. Штаб полка остался в дер. Маловане, а резерв сторожевого охранения в дер. Стрыханце. Противник очень часто сильно обстреливал расположение нашего сторожевого охранения. 29-го июля от артиллерийского огня неприятеля было много раненных во 2-м эскадроне, а один из раненных младший унтер-офицер Харитон Кирса скончался от раны в ногу.

До 10-го августа продолжалась служба сторожевого охранения и разведки в том же районе. 10-го августа штаб полка перешел в дер. Стрыханце. 3-й эскадрон присоединился к полку, а 4-й эскадрон убыл в распоряжение штаба корпуса. 6-й эскадрон был придан по полуэскадронно 1-й и 2-й Заамурским дивизиям. В 8 часов утра 6-й эскадрон переправился на левый берег Днестра по понтонному мосту у деревни Букувна и после переправы один полуэскадрон (рот. Нарвойш и корн. Добровольский) направился во 2-ю Заамурскую дивизию, а другой полуэскадрон (корнеты Алешо и Фе) — в 1-ю Заамурскую дивизию. Штабы этих двух дивизий расположились: 1-й — в деревне Красеюв, 2-й — в деревне Медзитуже.

С этого времени полк в составе 33-го армейского корпуса перешел в подчинение штабу 7-й армии. Командующим войсками 7-й армии был ген.-адъютант Щербачев, начальником штаба 7-й армии состоял ген.-лейт. Головин, а должность ген.-квартирмейстра штаба 7-й армии занимал ген.-майор Незнамов. Все трое были професорами Николаевской Военной академии.

В течение месяцев июня и июля вернулись в полк все партизаны, бывшие в отряде шт.-ротмистра Двойченко, а также и те, которые с корнетом Лихвенцовым находились в большом кавалерийском партизанском отряде в Полесье у м. Невель. Партизанский отряд шт.-ротмистра Двойченко успешно работал в течние всей зимы и весны 1916 года. Наиболее успешным и нашумевшим делом было ночное нападение на дер. Латач у Днестра, где находилось предмостное укрепление противника. Весь гарнизон был частью перебит, частью взят в плен и лишь очень немногим удалось переправиться через Днестр по непрочному деревянному мосту, заранее приготовленному для взрыва и сожжения. Противник не хотел сдаваться и оказал отчаянное сопротивление, но оно быстро было сломлено, особенно от применения партизанами большого количества ручных гранат. Отряд понес довольно значительные потери: были убиты прапорщик Фон Стрик, накануне произведенный в этот чин из юнкеров Николаевского кавалерийского училища, подпрапорщик кавалер Георгиевского креста 1-й степени Фахрий Кара Мурза и прославившийся своей храбростью доброволец Павел Мельничук; ранены были корне-

ты Седов и Барон Лоудон и около двенадцати всадников и казаков. Предмостное укрепление перестало существовать и было занято нашей пехотой.

Партизанский отряд у м. Невель в конце 1915 года прославился успехом при нападении на штаб германской дивизии и пленении генерала — начальника этой дивизии. Наши партизаны - Крымцы участвовали в этом деле и большинство из них были награждены Георгиевскими наградами. Кроме того было еще много других успешных действий. Партизаны щедро награждались боевыми отличиями, что было вполне справедливо, принимая во внимание их отвагу и особую опасность их работы. В конце весны все партизанские отряды были расформированы и все чины, бывшие в этих отрядах, возвращены были в свои части.

Большой новостью и огорченьем для всей регулярной конницы было известие о переформировании кавалерийских шестиэскадронных полков в четырехэскадронные; два спешенных эскадрона сводились в один стрелковый эскадрон и при кавалерийских дивизиях были образованы трехэскадронные стрелковые дивизионы. В скором времени стрелковые эскадроны развернуты были в четырехэскадронные дивизионы, составившие при кавалерийских дивизиях трехдивизионные стрелковые полки. Казачьих полков это переформирование не коснулось. Не коснулось это и Крымского Конного Ее Величества полка. Обслуживая пехотные дивизии и штабы армейских корпусов, наших эскадронов было даже недостаточно. Но наш командир полка решил, что один стрелковый эскадрон для полка был бы крайне желательным и стал хлопотать о сформировании такого эскадрона, совершенно не затрагивая организацию конных эскадронов. Хлопоты нашего командира увенчались успехом. Был сформирован стрелковый эскадрон силою в 250 штыков при двух пулеметах «Максима». Нижние чины комплектовались по тому же принципу, как и в конных эскадронах, главным образом из маршевых эскадронов Крымского Конного Ее Величества полка, находившихся при 8-м Запасном кавалерийском полку. Все офицеры были свои полковые. Первым командиром эскадрона был назначен штабс-ротмистр Тихановский, его помощником штабс-ротмистр Двойченко. Как командиры стрелкового эскадрона, так и все назначаемые в стрелковый эскадрон младшие офицеры, периодически заменялись другими офицерами из конных эскадронов. Строй в стрелковом эскадроне оставался кавалерийский; звание рядовых солдат оставалось, как и в конных эскадронах: всадник (предполагая «спешенный», но так не называя).

10-го августа эскадроны сторожевого охранения перешли в наступление и потеснили неприятеля, который стал отходить, также и под напором наших соседей слева. 11-го августа в составе четырех эскадронов (Ее Величества, 2-го 3-го и 5-го) полк собрался в дер. Ольховцы в 19 верстах к

северу от города Станиславова, откуда по приказанию командира корпуса перешел в д. д. Кончаки-Старе и Кончаки-Новэ. По всему фронту 33-го армейского корпуса начались бои в районе Делеюв, Большовце, Конкольники. 13-го августа полку был придан артиллерийский взвод одной из батарей корпуса и была дана задача взять деревню Медуха, находившуюся к западу от деревни Делеюв. Рано утром полк выступил с пулеметами и артиллерийским взводом для выполнения поставленной задачи. Медуха была сильно укреплена; перед ней находились хорошо оборудованные окопы с несколькими рядами колючей проволоки и вся деревня была оплетена такой-же проволокой. Взять эту деревню без основательной артиллерийской подготовки, которую не могли выполнить приданные полку два орудия, казалось невозможным. Все же по приказанию командира полка эскадроны в пешем строю развернулись и, построив боевой порядок в два эшелона, повели наступление, поддержанное огнем артиллерийского взвода и пулеметами с флангов. Противник немедленно ответил ураганным заградительным огнем (барражем). Цепи полка вынуждены были остановиться и залечь. Т. к. полком неслись совершенно напрасные потери, то командир полка приказал отойти с сотню шагов назад в более укрытое место (мертвое пространство), выставив лишь наблюдательные посты. С наступлением вечерней темноты полк был сменен пехотными частями. По приказанию из штаба корпуса полк сосредоточился в дер. Делеюв, где до 19-го августа оставался в корпусном резерве. Весь день 14-го августа целая наша пехотная дивизия пыталась взять Медуху, но безуспешно. 20-го августа полк перешел в дер. Хорожанка.

В штабе корпуса в предстоящем очередном переходе в наступление ожидалось не только сильное сопротивление противника, но и его стремление перейти в контратаку. Предполагалось, что у дер. Бешув, за которой сосредоточена неприятельская тяжелая артиллерия, развернутся решающие действия. 23-го августа полк был вызван в дер. Бешув, где стал в резерве в ожидании прорыва позиций противника, готовый к преследованию врага. С утра началась артиллерийская подготовка, встреченная ожесточенным ответным огнем. Противник вел огонь из орудий всех калибров. В наблюдательный пост 2-го эскадрона корнета кн. Кудашева 1-го попал снаряд и разорвался непосредственно на всаднике 2-го эскадрона Ильяс Мурза Кабацком; всадник и лошадь были убиты на месте, причем тело убитого всадника представляло собой бесформенную груду мяса, сверху которой лежала сохранившаяся кисть руки; от коня также ничего не осталось подобного лошади. Печальное тяжелое впечатление, каждого может постичь такая же участь, но все к этому готовы и унынию нет места.

Все попытки 33-го корпуса прорвать фланг у дер. Бешув, несмотря

на доблесть и жертвенность дивизий корпуса, разбились о таковые же попытки германских дивизий. Поздно вечером бой прекратился. Полку приказано было перейти в дер. Делеюв, где с 24-го по 28-ое августа полком занято было сторожевое охранение. 29-го полк перешел в дер. Хорожанка. 5-му эскадрону было приказано выступить на смену полуэскадрона 6-го эск., находившегося при штабе 1-й Заамурской дивизии в дер. Бокув (в 7-ми верстах к северо-западу от дер. Носув). 3-му эскадрону было приказано сменить полуэскадрон 6-го эск., находившийся при 2-й Заамурской дивизии еще в дер. Медзигуже. В деревню Хорожанка прибыл на присоединение к полку 4-й эскадрон, вышедший из непосредственного подчинения штабу корпуса. Полуэскадрону эскадрона Ее Величества приказано было поступить в распоряжение начальника 23-й пехотной дивизии ген. Курдюкова.

30-го августа для обеспечения правого фланга корпуса полку было приказано сосредоточиться в деревне Нонув, куда полк прибыл поздно вечером, пройдя между Гнильче и Носувом по тропинке, показанной на карте, как большая нормальная дорога; тропинка проходила через большой густой лес, несколько раз приходилось вытягиваться колонной по одному, что сильно задержало весь полк в пути. В Носуве присоединился к полку 6-й эскадрон, прибывший из 1-й и 2-й Заамурских дивизий. Теперь наличный состав полка был следующий: ½ эск., Ее Величества, 2-й эск., 4-й и 6-й; вся конно-пулеметная команда, команда связи и штаб с трубачевским взводом.

3-го сентября в 3 часа утра полк выступил из Носува и через Гнильче и Хорожанку прибыл, как было приказано, на выс. 416, что восточнее деревни Ставентынь. Здесь Крымцы стали в лесу у большой поляны; на другой стороне поляны расположился 5-й Заамурский пехотный полк, находившийся в резерве. Около полудня появился верхом на маленьком монгольском коне хорошо известный в 33-м корпусе священник 5-го полка. На середине поляны появился аналой, подошли певчие и Батюшка отслужил молебен. Кругом по опушке поляны стали на молитву Заамурцы 5-го полка; с нашей стороны подошли и православные Крымцы. После молебна священник произнес подходящую для переживаемого момента краткую проповедь. Была чудесная погода и после молитвы отрадное ощущение душевного покоя. С раннего утра и во время молебна продолжался непрерывный тул артиллерийской подготовки. В 3 часа дня услышан был характерный звук, когда прекращается артиллерийский огонь и слышен переход пехоты в атаку. Одновременно с этим вызваны были и Крымцы к передовой линии. Пройдя на крупной рыси деревню Ставентынь, полк вышел на западную окраину деревни. В голове был 2-й эскадрон под командой штабс-ротмистра Глазера, временно замещавшего ротмистра Грекова, за 2-м эскадроном шел 6-й эскадрон, затем

4-й, полуэскадрон Ее Величества и конно-пулеметная команда. Командир полка приказал шт.-ротмистру Глазеру со 2-м эскадроном в конном строю атаковать высоту, находившуюся к востоку от деревни Липпица-Дольна на реке Наравюке, и выбить с высоты противника.

Быстро пройдя проходы в окопах и проволочных заграждениях, эскадрон во главе с командовавшим эскадроном шт.-ротмистром Глазером, развернувшись в двух-шереножном развернутом строю, имея в резерве во второй линии 4-й взвод, на карьере бросился в атаку. Сразу эскадрон попал под сильный артиллерийский огонь противника, но не обращая внимания на обстрел, мчался вперед, даже не теряя равнения. Проскакав около $2\frac{1}{2}$-3-х верст и не встречая препятствий, 2-й эскадрон вскочил на довольно высокую гору (указанную командиром полка высоту) и очутился в густом лесу. Равнение в лесу расстроилось, в лесной чаще затруднялась связь, лошади тяжело дышали. Минутная остановка собравшегося на небольшой поляне эскадрона. Не долго думая, шт.-ротм. Глазер дал направление взводам: 1-му корнета Эммануэль на право; 2-му корн. Князя Кудашева 1-го прямо; 3-му корн. Лесеневича на лево: с 4-м взводом корн. Решко к-щий эскадроном взял направление за 2-м взводом; резвыми аллюрами, насколько было возможно в лесу, взводы двинулись в сторону противника к опушке леса. Выскочив из леса, 2-й взвод непосредственно наскочил на неприятельскую батарею, за ним сейчас же и 4-й взвод, шедший за 2-м взводом вместе с командующим эскадроном. Германские артиллеристы не хотели сдаваться и отстреливались из револьверов и карабинов. Услышав стрельбу, 1-й и 3-й взводы тотчас-же повернули в сторону выстрелов и поспешили на помощь своим уже столкнувшимся с неприятелем. Испытав действие наших пик и шашек, оставшиеся в живых артиллеристы сдались. Часть всадников погналась за умчавшимися передками; удалось задержать только два передка, но испуганные лошади рванулись в сторону и передки перевернулись в канаву. Эскадрон находился в тылу противника. Уже со всех сторон спешили густые цепи неприятельской пехоты. Перерубив постромки, захватили лошадей и ездовых; всего взято было 20 пленных и 10 прекрасных тяжелых вороных лошадей. Несмотря на то, что среди атаковавших батарею кавалеристов находились и свои пленные артиллеристы, германская пехота все же открыла огонь из ружей и пулеметов. Шт.-ротмистр Глазер приказал отходить. Вывезти орудия, конечно, не было никакой возможности; это были легкие (вероятно четырехдюймовые) гаубицы; никто в эскадроне не знал как снять с орудий замки. Войдя обратно в лес, эскадрон спешился и занял опушку леса, отправив коноводов на восточный скат высоты. Ожидали помощи со стороны своих же Крымцев, но наши 4-й и 6-й эскадроны направлены были уступами за флангами 2-го эскадрона и, наткнувшись на крупные силы противника, не могли продви-

нуться вперед. 6-й эскадрон на левом уступе понес значительные потери, шесть человек было убито. Сзади во втором эшелоне никого не было. Полуэскадрон Ее Величества и конно-пулеметная команда оставались в резерве в предвидении другой задачи от штаба корпуса. Независимо от каких-либо обстоятельств батарея была уничтожена, вывезти ее противник не мог и для германцев батарея была потеряна, а орудия остались на территории, которую успели занять русские войска.

Без атаки 2-го эскадрона батарея смогла бы своевременно сняться и без потерь отойти. Для чинов германской батареи наша конная атака была совершенно неожиданной, артиллеристы считали себя укрытыми впереди находившейся пехотой, но германская пехота предпочла обойти высоту справа и слева, избегая подниматься по довольно крутому и высокому подъему; получился разрыв, по которому проскочил 2-й эскадрон, не встречая сопротивления со стороны неприятельской пехоты. Во 2-м эскадроне было трое убитых, двое пропало без вести и 12 было раненых; ранен был корнет Эммануель, выбыло из строя 35 лошадей. В приказе по полку 4 сентября было указано, что во всем полку выбыло из строя 55 лошадей, не считая легко раненых, оставшихся в строю. После подхода наших пехотных частей, сменивших наши эскадроны, полк сосредоточился в дер. Ставентынь. Атака Крымцев на германскую батарею была отмечена в сводке Верховного Главнокомандующего следующими словами: «На реке Нараювке упорные бои продолжаются; наши лихие Крымские эскадроны в конном строю атаковали две батареи противника и, изрубив прислугу, сбросили в канаву 3 орудия и 4 зарядных ящика, которых однако увезти не удалось, так как подошедший германский батальон открыл по Крымским эскадронам сильный пулеметный огонь». Упомянув всех командиров взводов 2-го эскадрона, участвовавших в атаке 3-го сентября, следует упомянуть и корнета Князя Кудашева 2-го, который также принял участие в атаке как пятый младший офицер эскадрона.

3-го сентября командиру Крымского Конного Ее Величества полка полковнику Ревишину был подчинен также Бельгийский отряд бронированных автомобилей. Отряд производил прекрасное впечатление, но не смог произвести того успеха, которого от него ожидали. Бельгийские броневики действовали к северу от района нашего полка; храбро пошли в атаку, но понеся большие потери от артиллерийского огня противника, должны были отступить в исходное положение.

4-го и 5-го сентября полк находился в дер. Ставентынь, высылая лишь наблюдательные разъезды. 6-го сентября на рассвете были высланы квартирьеры под командой корнета Алешо в дер. Холхоче на реке Коропец в 10-ти верстах к северу от м. Монастэжиска. К полку присоединились все бывшие в отделе эскадроны; прибыл также и вновь сформированный стрел-

ковый эскадрон. В Холхоче полк стал в армейском резерве. Стали производиться занятия, устраивались выводки лошадей, занимались тщательным осмотром оружия, починкой обмундирования и снаряжения, перековкой лошадей и пр.

18-го сентября в час дня полк выступил в дер. Делеюв, где поступил в корпусный резерв. В Делеюве полк простоял до 17-го октября. До 1-го октября никаких перемен в полку не было. 2-го, 3-го и 4-го октября происходили на фронте корпуса бои и в течение этих дней полк находился в полной боевой готовности в ожидании прорыва, но закончились бои без всяких изменений на фронте и снова наступило затишье.

17-го окт. полк в полном составе перешел в м. Мариамполь. На другой день 5-му эскадрону приказано было выступить в м. Усьце-Зельоне в распоряжение штаба 33-го армейского корпуса. 20-го октября полку был дан боевой участок в окопах по левому берегу реки Днестр против м. Иезуполь. Служба в окопах происходила в три смены:

— **1-я смена:** два эскадрона по левому берегу Днестра от впадения реки Быстрица в Днестр по направлению к Галичу до жел.-дорожного моста и полуэскадрон на островке дельты реки Быстрица.

— **2-я смена:** другие два эскадрона и полуэскадрон от того же эскадрона, занимавшего в первой смене островок дельты Быстрицы.

— **3-я смена:** стрелковый эскадрон на всем полковом участке.

Первой и второй сменам придавался один пулеметный взвод, в третьей смене было два взвода: один постоянный взвод стрелкового эскадрона, а другой — переведенный из конно-пулеметной команды. Оба эти взвода составили стрелково-пулеметную команду при стрелковом эскадроне, вооруженную пулеметами «Максима»; конно-пулеметная команда осталась в составе двух взводов, вооруженных пулеметами «Шварц-Лозе».

Эскадроны оставались в окопах по трое суток, а шесть суток находились в резерве в Мариамполе. Окопы были очень плохие, землянки были хорошо оборудованы, но ввиду болотистой местности не могли находиться глубоко под поверхностью земли, а выступали над землей в виде хорошо видимых полушарий. Никакой защиты от артиллерийского огня противника не было, окопы были мелкие и без всяких заграждений перед ними. Такое же положение было и у австрийцев. Можно было бы подумать, что по молчаливому взаимному соглашению ни со стороны австрийцев, ни с нашей стороны землянки не подвергались артиллерийскому обстрелу, но даже по отдельным

чинам полка, если кто высовывался из окопов или шел по открытому пространству между окопами и землянками, немедленно же открывался ружейный или пулеметный огонь, а иногда выпускались со стороны противника и несколько снарядов.

В течение всего летнего наступления в полку произошли некоторые перемены. В июне по возвращении после излечения от ранения шт.-ротмистр Лесеневич был назначен полковым адъютантом, а шт.-ротмистр Росницкий был назначен делопроизводителем полкового суда. Подполковник Алтунжи занял штаб-офицерскую должность, а эскадрон Ее Величества принял шт.-ротмистр Думбадзе; начальником конно-пулеметной команды стал шт.-ротмистр Барон ф. Медем, а его помощником шт.-ротмистр Евдокимов. Последней переменой, уже в Мариамполе, было назначение ротмистра Тихановского командиром 6-го эскадрона вместо ротмистра Нарвойш, 21-го октября эвакуированного в тыл по болезни. Командиром стрелкового эскадрона был назначен шт.-ротмистр Мартынов, его помощником шт.-ротмистр Отмарштейн, а шт.-ротмистр Двойченко получил назначение старшего офицера 2-го эскадрона.

Штабс-ротмистр Петерс был вызван в штаб полка для занятия нештатной должности полкового коменданта и хозяина собрания. Начальником обоза 2-го разряда назначен был корнет Шлее. Обоз 2-го разряда во время пребывания штаба полка в Борщуве находился в деревне Пятничаны Подольской губернии на реке Збруч. По мере наступательного движения полка обоз постепенно продвигался вперед и ко времени перехода полка в Мариамполь стал в дер. Коросьцятын на железной дороге в шести верстах к юго-западу от м. Монастэжиска.

В начале ноября прибыл в полк 5-й маршевый эскадрон такого-же состава, как предыдущие, но как и в 4-м маршевом эскадроне, без офицеров. В январе 1917 года из 8-го Запасного кавалерийского полка прибыла еще пешая команда в составе около ста человек, тоже без офицеров.

В Мариамполе все время было спокойно. Несмотря на близость окопов, со стороны противника ни разу не было по местечку артиллерийского обстрела. Помимо несения службы в окопах, велись также и строевые занятия.

В ночь с 31-го декабря 1916 года на 1-е января 1917 года очередные эскадроны оставались на фронте в окопах, а бывшие в Мариамполе смогли отметить наступление Нового Года. В полковом офицерском собрании в помещении школы в двух больших комнатах была устроена елка с парадным ужином. Было несколько гостей; настроение было приподнятое; успехи 1916 г. давали надежду и на дальнейшие успехи и скорую окончательную победу.

Во второй половине февраля неожиданно потребован был один эскадрон в распоряжение начальника этапно-транспортной части штаба 7-й армии.

2-му эскадрону приказано было выступить в г. Бучач, где находился штаб армии. По распоряжению начальника этапно-транспортной части командиру эскадрона ротмистру Грекову предлагалось с одним взводом оставаться в Бучаче, а трем взводам стать в дер. Трибуховце в двух верстах к юго-востоку от Бучача. Служба состояла в обеспечении порядка и содействии чинам этапно-транспортной части в их работе.

В Мариамполе служба в окопах продолжалась. По требованию командира полка боевой участок полка был сокращен; остров в дельте Быстрицы был передан соседней пехотной части. Эскадроны по-прежнему легко справлялись с поставленными им боевыми и служебными требованиями.

К великому горю спокойное пребывание Крымцев в Мариамполе вдруг резко было нарушено. Произошла величайшая всероссийская трагедия; получена была весть о вспыхнувшей в Санкт-Петербурге (Петрограде) революции. Отречение Государя Императора произвело на всех в полку удручающее впечатление. В эскадронах было все спокойно; дисциплина не нарушалась. Хотя революция давала разные привилегии солдатам, чувствовалось, что в полковой солдатской среде совсем не одобрялись все бесчинства разнузданных солдатских масс. Полковой и эскадронные комитеты по приказанию начальства были образованы, но к чести наших солдат эти комитеты совсем не пытались углублять революцию, но даже вполне содействовали поддержанию в полку порядка.

1-го февраля 1917 года из Пажеского Его Императорского Величества корпуса выпущены были в Крымский Конный Ее Величества полк корнеты: Козлов Александр, Барон фон Ган Сесисль и Карпинский, а 1-го августа тоже из Пажеского Его Императорского Величества корпуса, выпущен был корнет Веймарн Борис. Это были последние офицеры Царских выпусков. Хотя выпуск 1-го августа состоялся уже при временном правительстве, но т. к. большую часть времени пребывания в корпусе выпуск провел при Императорском строе, то следовало этот выпуск считать также Царским.

В тылу, а также уже и в войсковых частях на передовых позициях, начинался развал. Вызваны были в тыл в распоряжение начальника этапно-хозяйственного отдела штаба 7-й армии еще два эскадрона: Ее Величества и 6-й с назначением им стоянок: эскадрону Ее Величества в дер. Нагужанка у северной окраины г. Бучача, а 6-му эскадрону в м. Монастэжиска. Один эскадрон Крымцев оставался по-прежнему при штабе 33-го армейского корпуса и в Мариамполе осталось лишь два эскадрона конных (3-й и 4-й) и стрелковый, которые все еще продолжали нести службу в окопах.

От высшего начальства было получено приказание об отправке нашего штандарта без всякого парада и почестей в Москву для снятия с него Императорского вензеля. С отправкой, конечно, не спешили. Два раза полу-

чали напоминание о необходимости исполнения приказа; наконец, в третий раз получен был строжайший приказ (разнос) с угрозами наложения взысканий и преданию суду. Пришлось подчиниться. Не установлено точное число печального события снятия с древка полотнища штандарта, приблизительно это было в конце мая или начале июня. В присутствии всех наличных в Мариамполе г.г. офицеров и многих наших солдат приступлено было к снятию с древка полотнища штандарта. Держали штандарт в руках командир полка полковник Ревишин и временно исполняющий должность адъютанта корнет князь Кудашев 2-й; по очереди подходили г.г. офицеры, а за ними подпрапорщики, унтер-офицеры и всадники; каждый снимал по одному гвоздику, и оставляя его себе на память, прикладывался к полковой святыне. Затем полотнище штандарта было завернуто в пакет и передано одному из г.г. офицеров по назначению командира полка, который обязан был его доставить по указанному адресу. Целый ряд последовавших потом трагических событий повлияли на то, что штандарт уже в полк не возвратился.

На фронте дела наши постепенно ухудшались. Попытки нашего наступления на Калуш окончились полным разгромом наших войск и позорным бегством. Фронт откатился назад. Кончилось и наше пребывание в Мариамполе. Крымцы продолжали оставаться в составе 33-го армейского корпуса. В числе дивизий, подчиненных командиру 33-го корпуса, находилась и вновь сформированная 4-я Заамурская дивизия. К этой дивизии был прикомандирован стрелковый эскадрон Крымского Конного полка. 3-го августа на фронте корпуса, западнее нижнего течения реки Збруч противник перешел в наступление. На линии первоочередных дивизий (1-й и 2-й Заамурских) противник был отбит, но 4-я Заамурская дивизия задержать противника не могла и обратилась в бегство. Густые германские цепи, не встречая сопротивления, стремительно шли вперед прямо на штаб 4-й Заамурской дивизии, вполне уверенные в своей неуязвимости. Начальник дивизии лично поспешил к стрелковому эскадрону, находившемуся в резерве, и не приказывал, а просто умолял постараться спасти его штаб. Но в эскадроне уже все было готово к контратаке. Временно командовавший эскадроном шт.-ротмистр Отмарштейн повел свой эскадр. на зарвавшихся германцев. Развернувшийся эскадрон имея в строю 250 штыков и 4 пулемета, открывших с обоих флангов эскадрона жестокий огонь по неприятельским цепям, произвел на них ошеломляющее впечатление. Наши всадники во весь рост бегом двигались вперед; противник остановился и, давши по Крымцам несколько десятков выстрелов, повернул назад. Наши всадники-стрелки легко настигали уставших уже германцев; много лежало их убитых и раненных от нашего пулеметного огня, а еще прибавились и заколотые штыками. Солдаты противника стали поднимать руки; было взято 160 человек в плен и один тяжелый пулемет. Штаб

4-й Заамурской дивизии был спасен. Можно себе представить радость начальника дивизии и его штаба. За это дело шт.-ротмистр Отмарштейн по решению Георгиевской думы был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, а его помощник поручик Губарев Георгиевским оружием. Это было последним боевым делом Крымского Конного Ее Величества Государыни Императрицы Александры Өеодоровны полка в Первой мировой войне. Но война еще не была окончена; от многих сохранивших дисциплину полков потребовалась временно и другая служба, главным образом наведения порядка в тылу.

В июле, когда начались полевые работы по уборке хлеба, 2-му эскадрону приказано было из района города Бучач выступить в Летический уезд Подольской губернии для обеспечения полевых работ, подвергавшихся частым нападениям банд дезертиров. Эскадрон был разбит на несколько групп в разных местах вокруг д. Новоселка близ станции Деражня. Эскадронам Ее Величества и 6-му пришлось вести такую же работу в занимаемых ими районах.

В середине июля полковник Ревишин был произведен в ген.-майоры; временно оставался еще командующим полком, но в конце июля сперва краткое время исполнял обязанности начальника штаба 33-го армейского корпуса, а в начале августа назначен был начальником штаба 9-й кавалерийской дивизии. Разбросанность полка и необходимость спешного отъезда генерала Ревишина к новому месту своего назначения не дали возможности достойным образом проводить нашего командира, к которому в полку осталось чувство искреннего уважения и симпатии.

В штабе 9-й кавалерийской дивизии находился на должности старшего адъютанта по оперативной части коренной офицер Крымского Конного полка штабс-ротмистр Тихон Александрович Аметистов, вышедший вместе с полком на войну и разделивший с полком время участия полка во всех делах в Восточной Прусии. В начале 1915 года он был вызван для несения службы генерального штаба. За особое отличие в конной атаке 9-й кавалерийской дивизии 27-го мая 1916 г. у дер. Зубржец штабс-ротмистр Аметистов был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, будучи еще офицером Крымского Конного Ее Величества полка и носящего полковую форму.

После отъезда ген. Ревишина до приезда нового командира полка во временное командование полком вступил полковник Бако. Полковник Ильин в это время уже отбыл к новому месту своего назначения слободу Балаклея Харьковской губернии на должность командира 5-го Запасного кавалерийского полка.

По распоряжению Главного штаба один эскадрон полка должен был быть немедленно отправлен в Крым для формирования 2-го Крымского Конного полка. От полка был назначен 5-й эскадрон, который 15-го августа при-

был на ст. Данкоуцы железнодорожного участка Бельцы - Новоселицы Бессарабской губернии. Погрузившись в поездной состав, эскадрон убыл в Крым и выгрузился на станции Бахчисарай. Для пополнения состава нового формируемого полка назначались оставшиеся при 8-м Запасном кавалерийском полку в Новогеоргиевске Херсонской губернии маршевые эскадроны Крымцев. В Крымском Конном полку был сформирован новый 5-й эскадрон, командиром которого назначен был штабс-ротмистр фон Гримм при младших офицерах корнетах Добровольском и Пестове.

Вместо ген.-майора Ревишина назначен был командиром Крымского Конного полка полковник Кн. Мурузи, бывший начальник авиационной школы на реке Каача возле гор. Севастополя, а во время войны находившийся на Французском фронте, где был награжден орденом Почетного легиона и медалью за храбрость. Назначение полковника Кн. Мурузи в конце августа командиром полка совпало во времени с получением приказа о погрузке полка на станции Данкоуцы и об отправке в город Херсон. Разбросанность полка не дала возможности новому командиру сразу познакомиться с полком и, по мере подхода эскадронов на ст. Данкоуцы, полковник Кн. Мурузи производил эскадронам смотр и обращался к ним с подходящим духу времени словом. Последним прибыл наиболее удаленный из Летичевского уезда 2-й эскадрон; выгрузка его в Херсоне произошла 1-го сентября 1917 года.

В Херсоне было еще достаточно спокойно, но на ряду с губернским комиссаром (бывш. вице-губернатором) и губернским правлением существовал и совет, всячески старавшийся углублять революцию. Крымский Конный полк прибыл в Херсон, имея задание охраны эвакуированного Румынского Королевского двора, но ввиду стабилизации Румынского фронта, двор задержался в Яссах, но в Херсоне были и разные важные тыловые учреждения. Сохранение полного порядка в городе и окрестностях было крайне необходимо. Гарнизон Херсона состоял из 44-го запасного пехотного полка, распропагандированного большевиками, а командир этого полка всячески старался угождать местному совету.

Ввиду того, что рассчитывать на сохранение порядка при таком начальнике гарнизона, каким был командир 44-го запасного пехотного полка полковник «М.», было совершенно невозможно, полковник Кн. Мурузи на основании существовавшего закона о том, что начальником гарнизона является старший в чине, объявил себя начальником гарнизона и издал приказ по гарнизону, по которому требовалось строгое исполнение существующих уставов, сохранение полного порядка и отдание чести. Этот приказ вызвал бурю протестов со стороны самого полковника «М.», а также и со стороны 44-го полка и местного совета. В ответ на эти протесты полковник Князь Мурузи провел весь полк в полном шестиэскадронном составе с конно-пулеметной

командой и стрелковым эскадроном со своими пулеметами по главным улицам Херсона. Исключительный порядок и дисциплина в полку подействовали самым лучшим способом на бунтарей и в городе действительно установились мир и тишина. Сам полковник Князь Мурузи, обладая ораторским талантом, бесстрашно без всякого эскорта несколько раз посещал митинги, которые, конечно, не могли быть запрещены, и выступал против приезжавших матросов и ораторов из «центра». Каждый раз все они не были в состоянии проводить намеченную ими программу и речи Князя Мурузи удивительно умело регулярно проваливали приезжавших агитаторов, собиравшиеся же массы слушателей устраивали командиру нашего полка настоящие овации. Энергичные меры командира полка и его храбрость создали ему сразу, как среди офицеров полка, так и среди всадников, большую популярность. Полк нес службу по поддержанию порядка не только в Херсоне, но и во многих местах юго-восточной части Херсонской губернии и в некоторых местах Таврической губернии, главным образом в селах на берегу Днепра, а стрелковый эскадрон с новым своим командиром ротмистром Лесеневичем был командирован даже на удаленный железнодорожный узел станции Бирзула. Старый командир стр. э-на ротмистр Мартынов серьезно заболел, будучи еще в Мариамполе и был эвакуирован. Некоторые офицеры полка, знавшие французский язык, были в Херсоне приданы русско-румынским комиссиям по устройству прибывших представителей румынских тыловых учреждений и по отводу им и их семьям квартир. Все шло гладко и жизнь в Херсоне напоминала мирное время.

К большому сожалению командир полка полковник Князь Мурузи решил поехать в столицу как раз тогда, когда там во второй половине октября разгорались революционные страсти. На просьбы старших офицеров полка не уезжать ввиду большой опасности, Князь Мурузи ответил, что уезжает по очень важному делу и надеется, что поездка сойдет благополучно и что и без него обойдутся в полку каких-нибудь несколько дней. Временно командующим полком остался полковник Бако, но подошел его очередной отпуск и полковник Бако уехал, а временно командующим полком стал полковник Петропольский.

Сперва все было спокойно и нормальная обстановка в полку не нарушалась, но в конце октября дня через два после большевистского переворота в С.-Петербурге (25 окт.) приехала в полк делегация из Крыма. Во главе делегации был Джафер Сейдаметов, один из видных татарских лидеров, с ним было еще двое: один штатский; другой — подпоручик татарин по фамилии Биарсланов. Делегаты передали Крымцам привет из родного Крыма и сообщили, что их там ждут как спасителей от большевистской опасности. Джафер

Сейдаметов настаивал на скорейшем выступлении в Крым; говорил, что если бы полк находился на фронте, то он не посмел бы настаивать на таком уходе с фронта, но здесь у ворот Крыма полк должен немедленно выступить революционным порядком, не ожидая разрешения начальства на уход из Херсона. Однако временно командующий полком полковник Петропольский ответил решительным отказом; только по приказанию начальства можно принимать какие-либо решения; обещал ходатайствовать о разрешении полку уйти в Крым. Решение вопроса об уходе полка оттягивалось на некоторое время. Одновременно посылались командиру полка телеграммы, по две в сутки, но ответа ни на одну не было. В полку г.г. офицеры верили еще, что революция пройдет, что вернутся, хотя и несколько измененные, прежние порядки, что Государь Император Николай Александрович, если даже не вернется на престол, то будет жить с Царской семьей в Ливадии и Крымцы Ее Величества по прежнему будут находиться на охране дворца в Ливадии, а тогда надо во что бы то ни стало сохранить полк. На общем собрании г.г. офицеров было решено в случае разрешения из штаба Одесского военного округа полку идти в Крым, то несмотря даже на «самостийность» татарских лидеров, ради сохранения полка идти с полком. От штаба округа разрешения все не было. Наши всадники вели себя образцово, никто не обмолвился о походе в Крым, но все знали, что чувство подчинения своим национальным вождям выше сознания необходимости выполнения долга службы. В местном совете воспользовались возбужденным состоянием в полку, стали играть на национальных чувствах татар и под видом доброжелательности агитировали за скорейший уход из Херсона, что им было крайне желательно. Нашлись и свои либералы из солдатской интеллигенции, которые высказывались за немедленный уход полка в Крым; таковых все же было мало, а полковой комитет, руководимый назначенным командиром полка председателем подполковником Грековым при секретаре шт.-ротм. Отмарштейне, стоял на том, что нарушать дисциплину нельзя и следует запастись терпением. Делегаты же, совсем не стесняясь, ходили по эскадронам и уговаривали наших всадников решиться на революционный поход в родной Крым.

Командующий полком полковник Петропольский решился на личную его поездку в штаб Одесского военного округа, объяснить там создавшуюся трагическую обстановку и настоять на отдаче приказа о переходе полка в Крым; тем более, что стало известным об образовании в Симферополе штаба Крымских войск, подчиненного штабу Одесского военного округа и что образовано не «самостийное», а по инициативе Крымских Татар временное краевое правительство из Татар, но с тем, что при первой возможности войдут в правительство представители всех народностей Крыма до восстановления в России нормального порядка.

6-го ноября утром полковник Петропольский на предоставленном ему миноносце отбыл в город Одессу в сопровождении вместо полкового адъютанта шт.-ротм. Лихвенцова. Адъютант полка шт.-ротмистр Петерс, как лучше всех осведомленный в создавшейся обстановке, оставался в Херсоне.

Вечером того же дня полковник Петропольский вернулся. Ответ штаба округа был неопределенный. Приказания не было, но было сказано, что штаб округа не против ухода полка в Крым, но что надо обязательно временно оставить два эскадрона в Херсоне. В полковом комитете тянули жребий каким эскадронам оставаться; жребий пал на эскадрон Ее Величества (теперь 1-й) и 2-й. Никаких недоразумений не было. Выступление полка было назначено на 8-е ноября 1917 г.

Полковник Бако, находясь в отпуску и узнав о приезде в полк делегации, прервал свой отпуск и вернулся в Херсон как раз накануне дня выступления полка в Крым. Поставленный перед совершившимся фактом, полковнику Бако не оставалось уже ничего другого, как стать во главе полка и его повести по направлению на Перекоп и Симферополь.

На другой день 9-го ноября вернулся командир полка полковник Князь Мурузи. Узнав об уходе полка, Князь Мурузи был крайне взволнован и рассержен; сразу же послал полковнику Бако телеграмму, обвиняя его в самовольном уходе полка и требуя немедленного возвращения полка обратно в Херсон. Полковник Бако ответил, что сам немедленно возвращается, но полк вернуть невозможно.

10-го ноября по прибытии в Херсон полковник Бако подробно доложил командиру полка обо всем происшедшем во время его отсутствия. Полковник Князь Мурузи успокоился и согласился, что другого выхода не было и что очень хорошо, что в самом полку сохранились порядок и дисциплина; все же он решительно отказался оставаться и далее командиром полка. Ни одной телеграммы из полка Князь Мурузи, конечно, не получил. Вечером 1-го ноября г.г. офицеры 1-го и 2-го эскадронов, а также и все, не ушедшие еще с полком офицеры, временно оставшиеся в Херсоне, устроили своему командиру прощальный ужин. Князь Мурузи чувствовал, что в Крыму назревают кровавые события и убеждал полковника Бако всеми силами стараться не втягивать полк в гражданскую войну.

12-го ноября с первым утренним поездом полковник Князь Мурузи уехал опять в Санкт Петербург, с самого начала войны переименованный в «Петроград», а в скором будущем получивший гнусное название «Ленинград»*

31-го декабря 1917 г. в Симферополь прибыли по железной дороге оставшиеся в Херсоне 1-й и 2-й эскадрон. Дальнейшие действия полка отно-

сятся уже к гражданской войне, об участии в которой сообщено в 4-й части этой памятки.

Милостью Божией во время 1-й Великой мировой войны потери в полку не на много превысили предполагавшуюся приблизительную норму. В офицерском составе убитыми и умершими от ран были:

Корнет Руссет, корнет Ахматов, прапорщик Гришин, прапорщик Николаев, поручик Ганскау и прапорщик Фон Стрик.

Умерших в тылу от болезней было двое: Шт.-ротм. Юхимович и шт.-ротмистр Топалов. Перед самой революцией в своем имении в Крыму скончался бывший наш командир полка ген.-майор Дробязгин, а в 8-м Запасном кавалерийском полку в г. Новогеоргиевске перед уходом наших маршевых эскадронов в Крым скончался шт.-ротм. Гиренков.

Почти все офицеры в полку были ранены или контужены; некоторые были по два раза, а шт.-ротм. Каблуков три раза.

О потерях в составе нижних чинов можно судить по прибывшим в полк пополнениям: пять маршевых эскадронов (конных) по 192 нижних чина в каждом и три пеших команды по 100 нижних чинов в каждой; всего 1.260 человек. Считая состав полка в мирное время около 800 нижних чинов, можно определить потери нижних чинов в 150%%. В пяти маршевых эскадронах прибыло 1.015 лошадей.

Штабом 33-го армейского корпуса полк был представлен к награждению Георгиевским штандартом (в командование полком полковника Дробязгина) и к Георгиевским трубам (в командование полком полковника Ревишина).

Награждены были Георгиевскими наградами:

Орденом Св. Георгия Победоносца 4-й ст.		**Георгиевским оружием.**	
Полковник	Г. А. Бако	Ротмистр	В. А. Двойченко
Полковник	Э. П. Алтунжи	Подполковник	Е. А. Зотов
Подполковник	Т. А. Аметистов	Штаб-ротмистр	А. И. Лихвенцов
Шт.-ротмистр	А. И. Лихвенцов	Поручик	А. А. Дурилин
Шт.-ротмистр	Б. В. Отмарштейн	»	Н. Я. Седов
		»	А. В. Кривцов
		»	В. П. Губарев

Георгиевским крестом 1-й степени были награждены подпрапорщики: Дзыгаленко, Васин, Заяц, Асекин, Мустафа Османов, Маслин, Рассказов, Швиткой, Фахрий Кара-Мурза, Мешакин.

(Все награждаемые Георгиевским крестом 1-й степени, если не были в звании подпрапорщика, автоматически производились в подпрапорщики).

Штаб-офицеры полка, назначенные во время войны командирами полков:

Полковник	А. Н. Эммануель	в 1915 г.	ком-ром	10-го улан. Одесск. полка
»	Н. М. Ставраки	в 1917 г.	»	8-го драг. Астрах. п.
»	В. Д. Ильин	в 1917 г.	»	5-го Запасн. кавал. п.

В 1917 году также был назначен командиром полка — (Текинского конного) полковник Н. П. фон Кюгельген, бывший командир 4-го эскадрона, перед войной в 1910 году переведенный в управление двора Великого Князя Георгия Михайловича, а затем отбывавший штаб-офицерский ценз в 10-м гусарском Ингерманландском полку.

Бывший старший штабс-офицер полка полковник С. Л. Николаев, с 1912 года командир 4-го уланского Харьковского полка, во время командования им полком был награжден Георгиевским оружием. В 1917 году произведен был в генерал-майоры с назначением командиром бригады в 17-й кавалерийской дивизии.

Бывший старший штабс-офицер полка командир 10-го уланского Одесского полка полковник А. Н. Эммануель в 1916 году был награжден Георгиевским оружием за то, что 3-го июня 1916 г. в конном строю во главе своего полка атаковал неприятельскую пехоту и довел атаку до победного удара холодным оружием. В 1917 году был назначен командиром 1-й бригады 10-й кавалерийской дивизии и представлен к производству в чин генерал-майора.

Бывший командир полка, командир 2-й бригады 8-й кавалерийской дивизии Свиты Его Величества ген.-майор Н. А. Княжевич был награжден помимо других наград и орденом Св. Владимира 2-й степени с мечами.

В 1915 году генерал Княжевич был назначен Одесским градоначальником, а в 1916 году Таврическим губернатором.

Бывший наш командир полка ген.-майор А. П. Ревишин закончил 1-ю Мировую войну в должности начальника штаба 9-й кавалерийской дивизии.

23 апреля (6-го мая) 1976 года
Вайнленд, Нью Джерзи, С.Ш.А.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЧАСТЬ 4-я.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА 1917 — 1920 г. г.

11-го ноября 1917 г. Крымский Конный полк в составе четырех эскадронов (3-го, 4-го, 5-го и 6-го), конно-пулеметной команды и штаба полка прибыл походным порядком из г. Херсона в г. Симферополь. Стрелковый эскадрон и полковой обоз 2-го разряда прибыли по железной дороге. 1-й и 2-й эскадроны временно остались в Херсоне.

После отречения Государя Императора Николая Александровича от престола Крымцы перестали именоваться полком Ее Величества и Шефские вензеля с погон были сняты, но произошло это лишь по повелению Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Прежде, чем начать описание действий полка во время гражданской войны, следует вспомнить как произошло это повеление от нашего Шефа Государыни Императрицы, к которой в полку относились с безграничной любовью и преданностью.

В первый же день вспыхнувшего в С.-Петербурге бунта, превратившегося потом в революцию, наш корнет Сергей Владимирович Марков, находившийся в одном из госпиталей Петербурга на излечении от болезни, съумел вследствие своей энергии и находчивости проникнуть во дворец в Царском Селе и быть принятым Ее Величеством Государыней Императрицей. Государыня хорошо знала Маркова еще по Ялте, т.-к. он был пасынок генерала Думбадзе, дом которого Государыня изредка запросто посещала, а «Сережу» Маркова называла «Маленьким Марковым». В совершенно домашней обстановке без всякого этикета Государыня приняла Маркова и потребовала от него, чтобы он немедленно сообщил бы в полк о желании Ее Величества снятия в полку Шефских вензелей. В дополнение к своему желанию Государыня сказала: «Не хочу, чтобы из-за Моих вензелей Моим Крымцам были бы не только всякие неприятности, но и опасность для их жизни. Лучше носить Мои вензеля в сердце своем, а кроме того не хочу, чтобы и Имя Мое подвергать еще лишним оскорблениям. Да хранит всех вас Господь Бог!» Видел

Марков и Великих Княжон; трое из них были больны корью. Настроение у всех было глубоко печальное и у всех были горькие слезы на глазах.

В тот же день корнет Марков передал все сказанное Государыней Императрицей уезжавшему с вечерним поездом в полк поручику Владимиру Петровичу Губареву. По приезде в полк поручик Губарев доложил командиру полка полковнику Ревишину о разговоре Государыни Императрицы с корнетом Марковым и только тогда в полку были сняты вензеля Ее Величества и полк стал именоваться без прибавления к своему имени также и Имени своего Шефа. Печально было в полку у всех на душе, но было и чувство удовлетворения в том, что снятие вензелей произошло по повелению Шефа, а не по приказу революционных властей.

Крымцы вероятно были единственным полком Русской конницы, которому суждено было с театра военных действий вернуться в свои казармы мирного времени. Печальное было возвращение домой. Не слава и отдых ожидали полк в своем родном городе. В Севастополе господами положения были большевики, опиравшиеся на Черноморский флот и портовых рабочих. В остальных местах Крыма была еще власть временного правительства, неспособная справиться с местными большевиками, пытавшимися захватить власть в свои руки. Спокойнее всего было в Симферополе, где образовалось краевое правительство из татар, но оно не было в силах взять на себя сохранение порядка и обеспечение населения всем жизненно необходимым. Приход полка, конечно, имел огромное значение и местные большевистские организации открыто не выступали. В Симферополе образовался «штаб Крымских войск», подчиненный штабу Одесского военного округа. Во главе штаба находился ген. штаба подполковник Макухин; кроме него были еще офицеры ген. штаба полковник Достовалов и капитан Стратонов. Многочисленный штаб занимал большой зал нашего полкового офицерского собрания и примыкающую к залу маленькую гостиную. В комнате Ее Величества нашего Шефа устроился никто иной, как Джафер Сейдаметов, занимавший в то время пост военного министра, но Крымские татары не называли себя министрами, а только лишь директорами. Большая собранская столовая, биллиардная и весь нижний этаж были в распоряжении офицеров полка.

По прибытии полка в Симферополь полковник Бако штабом Крымских войск был утвержден в должности командира полка, а месяц спустя назначен был командиром отдельной кавалерийской бригады, состоявшей из Крымского Конного (б. Ее Величества) полка и вновь формируемого 2-го Крымского Конного полка, командиром которого назначался подполковник Биарсланов. Полки бригады переименованы были в 1-й и 2-й Конно-татарские полки. Командиром 1-го конно-татарского полка назначен был полковник

Петропольский. 2-й Крымско-татарский полк образовался из старого нашего 5-го эскадрона подполковника Зотова и прибывших из Новогеоргиевска 6-го и 7-го маршевых эскадронов. 6-й маршевой эскадрон был вполне готов и должен был летом 1917 года прибыть на пополнение Крымского Конного полка, но ввиду беспорядков, происходивших на железнодорожном узле г. Александровска, был направлен туда для водворения порядка, а по выполнении поставленного задания был направлен в г. Бахчисарай на формирование 2-го Крымского Конного полка. «Старый» 5-й эскадрон развернулся в два эскадрона, образовав 1-й и 2-й эскадроны 2-го полка, пополненные 8-м маршевым эскадроном, 6-й маршевый эскадрон стал 3-м эскадроном 2-го полка, а 7-й маршевый эскадрон 4-м эскадроном. 7-й маршевый эскадрон не был еще вполне готов как боевое подразделение 2-го полка. В полку не было пулеметов; недостаток был в винтовках, патронах и в остальном вооружении и снаряжении. Из кадровых Крымцев были в полку подполковник Биарсланов (командир полка), подполковник Зотов (мл. шт.-оф.), шт.-ротм. Глазер (командир 1-го эскадрона) и поручик Одель (помощн. командира 1-го эск.); все остальные офицеры, в том числе и старш. шт.-оф. полковник Глебов (Александрийский гусар), были офицерами разных кавалерийских полков, но до полного комплекта г.г. офицером было очень далеко. Для уравнения полков бригады в числе эскадронов 5-й эскадрон шт.-ротмистра ф. Гримм приказом штаба Крымских войск был переведен во 2-й Крымск.-татарский полк, но фактически продолжал оставаться при своем старом полку, т. к. 2-й полк находился в Бахчисарае, а эскадрон стоял в Симферополе и был тесно связан с 1-м полком как служебно, так и экономически.

Сразу по прибытии полка в Крым начались и активные действия полка по водворению порядка в разных местах Крыма; несколько раз уже, еще до прибытия из Херсона 1-го и 2-го эскадронов, перед полковой мечетью появлялись гробы убитых всадников в стычках с большевиками. Все же, несмотря на потери, борьба шла успешно и везде поддерживался порядок, особенно после прибытия 31-го декабря остававшихся в Херсоне двух эскадронов; оба эскадрона прибыли по железной дороге. Кроме Крымцев (1-го и 2-го полков) штаб «Крымских войск» располагал еще четырьмя ротами пехоты, состоящих почти исключительно из офицеров; в ротах числилось до сотни офицеров в каждой, но при первом же вызове явилось в строй не более, как двадцать-двадцать пять человек в каждой роте. Бывшие в Симферополе и в других городах Крыма офицеры явно не сочувствовали формированию офицерских частей. В городе находилось три запасных пехотных полка (33-й, 34-й и 35-й), на которых рассчитывать было невозможно; лучшее, что возможно было ожидать, это их нейтралитет. В Феодосии был еще один запасный полк, тоже совершенно ненадежный. Вся надежда в штабе основывалась

на прибытии «Мусульманского корпуса», находящегося где-то на Румынском фронте. Не было ни одного орудия. Из Евпатории сообщили, что там имеется «ничья батарея» и что ее можно было бы получить для «Крымских войск». В Евпаторию был послан энергичный поручик Дурилин, который съумел эту батарею, с согласия начальника гарнизона Евпатории, привести в Симферополь. Батарея состояла из четырех трехдюймовых пушек с передками и полной запряжкой, но без зарядных ящиков; при батарее был один офицер и несколько добровольцев, ухаживавших за лошадьми. Все должностные места в батарее были сразу заполнены г.г. офицерами артиллеристами и артиллерийскими юнкерами. Батарея была совершенно надежной, но к сожалению в передках находилось всего лишь 20 снарядов.

2-й Крымский татарский конный полк в составе четырех эскадронов находился в Бахчисарае и в окрестных селах. От 1-го полка были высланы: в Ялту 4-й эскадрон ротмистра Баженова, 6-й эскадрон шт.-ротмистра Отмарштейна в Евпаторию, а 5-й шт.-ротмистра ф. Гримм в Феодосию. Все остальные подразделения полка оставались в Симферополе.

После прибытия 1-го и 2-го эскадронов из Херсона во главе бригады стал командир бригады полковник Г. А. Бако и при нем адъютант шт.-ротм. Н. П. Лисаневич. Офицерский состав полка был следующий:

Командир полка полковник М. М. Петропольский.
Старший штаб-офицер и пом. по стр. части подполк. Э. П. Адтунжи.
Помощник по хозяйственной части подполк. Э. Ф. Мартыно.
Младший штаб-офицер подполковник И. К. Нарвойш.

Ком. 1-го эск., ротм. А. И. Дубмадзе; офицеры эскадрона: поручик Г. Н. Лесеневич и корнет Г. И. Думбадзе.

» 2-го эск., шт.-ротмистр Князь Балатуков; офицеры эскадрона: поручик В. А. Эммануель, поручик А. В. Кривцов и прапорщик Осм. М. Ресуль.

» 3-го эск., шт.-ротмистр Н. И. Петерс: офицеры эскадрона: пор. А. А. Дурилин и корнет Л. Петерс 2-й.

» 4-го эск., ротмистр К. П. Баженов; офицеры э-на: шт.-ротмистр А. И. Лихвенцов, шт.-ротмистр В. П. Васильев и корнет Б. К. Веймарн.

» 5-го эск., шт.-р. С. И. ф. Гримм; офицеры эскадрона: корнет Г. Добровольский и корнет С. С. Пестов.

» 6-го эск., шт.-ротмистр Б. В. Отмарштейн; офицеры эскадрона: кор. А. Г. Курдубан 1-й и кор. Г. В. Отмарштейн 2-й.

Ком. стр. эскадрона шт.-ротм. Лесеневич П. Н. и его помощ. корнет Н. Г. Курдубан 2-й.

Нач. конно-пулеметной команды шт.-ротмистр В. А. Барон ф. Медем его помощн. шт.-ротмистр Н. Г. Евдокимов.

Начальн. команды связи шт.-ротмистр К. А. Каблуков.

Полк. адъютант шт.-ротмистр М. Б. Иедигаров и при штабе тяжело раненый в ногу поручик В. П. Губарев..

Нач. обоза 2-го разр. поручик Н. Ф. Шлее.

Полк. казначей поручик В. И. Воблый.

Остальные г.г. офицеры временно убыли из полка по разным причинам: болезнь, отпуск, служебная командировка, временнное прикомандирование к другим частям и др.

Не осталось в полку ни медицинского, ни ветеринарного врачей.

Вся работа по поддержанию порядка в Крыму фактически легла на Крымский Конный (б. Ее Величества) полк. 2-й полк не был готов, а офицерские роты находились лишь в резерве на случай более серьезных столкновений. С севера Крым считался обеспеченным, т. к. Северная Таврия, Херсонская и Екатеринославская губернии были заняты украинцами, которые не признавали большевиков и вели с ними борьбу. Все внимание было сосредоточено на Севастополе; ожидали неизбежного столкновения с матросами Черноморского флота. Уже два раза разоружались эшелоны матросов, двигавшихся куда-то на север. Перед Симферополем эшелоны задерживались, оружие отбиралось, а безоружные матросы отправлялись дальше на север, хотя не было гарантии в том, что эти матросы вернутся обратно с какой-либо станции в Крыму или в Северной Таврии. Много оружия набралось в «штабе Крымских войск»; были и пулеметы, а также большой запас патронов. Предполагалось этим оружием вооружать проектированные ополченские партизанские дружины. Среди учащейся молодежи было много желающих поступить в партизанские части. В среде строевых офицеров возлагались не малые надежды на полковника Достовалова, должность которого заключалась в формировании вооруженных отрядов из местного населения. Почему-то никаких формирований не произошло. А в Севастополе шли приготовления к наступлению на Бахчисарай и Симферополь с целью уничтожения засевших в Крыму белогвардейцев. Особенно хотелось матросам отомстить «эскадронцам» за столь энергичное участие их в подавлении Севастопольского восстания в 1905 г.

Началось не с главного направления. В Феодосии 7-го января 1918 г. вспыхнуло восстание. Бывший там 5-й эскадрон ввиду своей малочисленно-

сти (два взвода по 15 рядов) вынужден был выйти за пределы города, но сразу же, перейдя в контратаку, разогнал толпы народа на улицах и на некоторое время установил порядок в городе, но, опасаясь оставаться в середине города ночью, ротмистр ф. Гримм вывел эскадрон на западную городскую окраину в ожидании подхода подкреплений. На поддержку 5-го эскадрона были спешно по железной дороге направлены стрелковый эскадрон шт.-ротмистра Лесеневича и две офицерские роты по 25 человек в каждой. Общее командование было возложено на ген.-штаба капитана Стратонова. Вся эта небольшая войсковая группа готова была атаковать противника, арестовать всех главарей, восстановить в городе порядок и принять меры к прекращению дальнейших выступлений большевиков. Командиры рот и эскадронов просили капитана Стратонова отдать приказание о наступлении, но капитан Стратонов не разрешил переход в наступление, считая его преждевременным. Два дня эскадроны Крымцев и офицерские роты простояли под Феодосией, а в это время в порт пришло военное судно с матросским десантом и город оказался прочно занятым красными. Эта первая значительная неудача воодушевила большевиков и послужила как-бы сигналом к выступлению матросов из Севастополя. 9-го января было первое нападение на эскадрон 2-го к.-тат. полка, стоявшего в имении графа Мордвинова в десяти верстах от Бахчисарая в сторону Севастополя. Матросской массой, вооруженной пулеметами и артиллерией, эскадрон был смят и после не долгого сопротивления своим слабым ружейным огнем отошел на Бахчисарай. Возможно, что это нападение было лишь пробой, т. к. преследования со стороны матросов не было. Десятое января прошло спокойно, также и одиннадцатое. За несколько дней до событий в Феодосии и около Бахчисарая подполковник Макухин собрал всех, имевших возможность прийти на собрание, офицеров и рассказал о том, какое сейчас тяжелое политическое состояние в Крыму и надо приложить все усилия, чтобы продержаться некоторое время пока не получим поддержку с Украины, на которую можно рассчитывать и тогда можно будет обеспечить краю счастливое существование и свободу. Д. Сейдаметов также говорил с офицерами, что он всецело полагается на г.г. офицеров, что он им вполне доверяет, а т. к. он сам в военном деле ничего не понимает, то просит поступать по своему усмотрению, совершенно с ним не считаясь. Сказал Сейдаметов, что он «сидит здесь» только лишь для того, чтобы бодрый боевой дух среди своих татар-всадников оставался бы на должной высоте и чтобы привлечь побольше добровольцев в ряды войск, главным образом, конечно, из своей татарской среды. Сейдамет оказался умнее Керенского; отказался от роли «Керенского в малом масштабе», которой он вначале увлекался и не соблазнился стать «главнокомандующим». Он действительно, в военные дела не вмешивался и вел себя вполне корректно.

Подполковник Макухин, официально назначив командира бригады и командиров полков, к сожалению совершенно устранил их от командования, требуя лишь эскадроны, которым давались задания непосредственно от штаба или эти эскадроны попадали под начальство случайных начальников сборными отрядами, как например капитана Стратонова под Феодосией. Особенно глубокой ошибкой было назначение Георгиевского кавалера доблестного полковника «В.» начальником над всеми вооруженными силами, назначенными для отражения наступления Севастопольских матросов. Полковник «В.» только-что прибыл в Симферополь, никто его не знал и он тоже не знал создавшейся обстановки, все ему было чуждо и не было времени, чтобы как следует со всем ознакомиться, установить с подчиненными ему войсковыми подразделениями связь и организовать, хотя бы самый малый орган управления. В результате вооруженные силы остались без начальника, а начальник оказался в одиночестве, не имея связи со своими подчиненными.

После двухдневного перерыва 12-го января хорошо съорганизовавшиеся массы матросов снова совершили нападение на 2-й полк под самым уже Бахчисараем. 2-й Крымский татарский полк, совсем еще не достаточно подготовленный для боевых действий и не имея достаточного вооружения, не выдержал стремительной атаки врага. Матросам удалось овладеть Бахчисараем, а 2-й полк, довольно расстроенный, отступил частично на ст. Альму, частично к востоку от Бахчисарая.

В это время эскадроны, стоявшие в Симферополе, еще не были двинуты на поддержку 2-го полка. Возможно, что штаб «Крымских войск» рассчитывал, что 2-й полк сможет отразить наступление матросских банд, а кроме того, хотя и считалось, что с севера Крым обеспечен, но было опасение, что и с севера могут произойти неприятные неожиданности. Эскадроны нужны были и в Симферополе для посылки разъездов по окрестностям и для несения службы на вокзале по оказанию поддержки железно-дорожному персоналу и еще существовавшей местной милиции. Однако весть о поражении 2-го полка в Бахчисарае крайне взбудоражила настроения в 1-м дивизионе. Во всех трех эскадронах дивизиона всадники действительно, без преувеличения, горели желанием сразиться с врагом. Боевой подъем был на высоком уровне; с такими солдатами при хорошем управлении можно было бы совершать геройские дела, но такого управления к нашему большому горю не было.

Под вечер 12-го января, как только в эскадронах узнали о событиях в Бахчисарае, целая толпа человек в сорок всадников прибежала в штаб полка, выражая необходимость немедленного похода на Бахчисарай. Дисциплина в полку сохранилась, исчез даже полковой комитет, поэтому, конечно, такая вольность солдат должна была бы считаться большим антидисциплинарным проступком. Но были другие времена, решался вопрос: «быть или

не быть» и ведь было проявлено стремление идти в бой, что вообще должно было бы поощряться. Так и понял это командир полка, выразил удовлетворение боевым порывом всадников, успокоил их, кратко объяснил обстановку и сказал, что завтра без сомнения с раннего утра эскадроны выступят на поддержку 2-го полка.

Рано утром 13-го января по приказанию «штаба Крымских войск» 1-й, 2-й и 3-й эскадроны выступили по направлению на ст. Альма; с эскадронами выступили конно-пулеметная команда и батарея, но не под командой командира полка, а в распоряжение начальника «вооруженных сил штаба Крымских войск» были направлены все эти войсковые подразделения. Ротм. Думбадзе, как старший из командиров, повел дивизион переменным аллюром и, подойдя к ст. Альма, дивизион сразу столкнулся с красными матросами, уже успевшими занять станцию и прилегающий к ней поселок. Все три эскадрона спешились и при поддержке своих пулеметов в течение всего дня вели огневой бой, не давая врагу возможности ни шагу продвинуться вперед. Батарея очень удачно обстреляла расположение большевиков-матросов, но ее двадцать снарядов быстро были израсходованы и батарея замолчала. В ответ же со стороны врага летело множество снарядов разных калибров, были и тяжелые. Артиллерия противника стреляла отвратительно, снаряды в цель не попадали, но моральное действие вражеской артиллерии было все же очень большое: у нас ничего, а у них безграничное количество. Г.г. офицеры чувствовали, что боевой порыв у наших славных «куйдышей» слабеет.

С уходом 1-го дивизиона из Симферополя никаких войск там больше не оставалось. На вокзал были посланы трубачевский взвод и команда связи. Запасных полков больше не существовало, они были демобилизованы и запасные солдаты уже успели разъехаться по домам. В городе никаких выступлений большевиков не произошло, но чувствовалось какое-то волнующее затишье; ходили люди с винтовками, изображая собой блюстителей порядка.

На «Альминском» фронте начальника вооруженных сил нигде не было видно. В офицерской роте, жидкие цепи которой находились левее эскадронов Крымцев, говорили, что начальство находится у выхода из города на Севастопольском шоссе, где сосредоточилось несколько мелких отрядов наспех набранных добровольцев. Появились весьма неприятные слухи от прибывших одиночных всадников из штаба полка, что 2-й полк отказался от дальнейшего сопротивления и что в полку решено начать мирные переговоры с большевиками.

К вечеру перестрелка с матросами стихла и неожиданно передали по фронту слева, что приказано отступать. Этого только и ожидали и удержать на позиции наших всадников было невозможно. Отступление происходило в

полном порядке, но на левом фланге все маленькие добровольческие отряды просто бежали. 1-й дивизион, как на ученьи, отходил не спеша в линии взводных колонн.

Почти у окраины Симферополя на параллельной фронту дороге из строя вдруг увидели небольшую группу людей, среди которой узнали начальника вооруженных сил полковника «В.». Командир ближайшего к этой группе эскадрона подъехал к полковнику «В.» и спросил что же дальше делать. На это был ответ, что все уже кончено и остается лишь войти в город и поднять там население для защиты от нашествия большевиков. Этот ответ был передан другим командирам и, конечно стал известен и всадникам. На окраине Симферополя эскадроны были остановлены и от командира полка получено было приказание выставить сторожевое охранение; узнали здесь также, что «штаб Крымских войск» в полном составе еще днем покинул свое помещение в полковом собрании Крымского Конного полка и разбежался кто куда смог. Командиру полка пришлось отменить свое приказание о сторожевом охранении, т. к. у наших всадников, еще утром горевших желанием сражаться,, теперь наступила полная деморализация. Из всех командиров только один командир 2-го конно-татарского полка подполковник Осман Бэй князь Биарсланов отчаянно пытался поднять дух в своем полку и призывал своих подчиненных идти за ним против большевиков-матросов, шедших по направлению к Симферополю. Никто за своим командиром не пошел; полк уже фактически не существовал, а оставалась лишь морально подавленная толпа вооруженных людей, еще накануне 12-го января представлявшая собою 2-й Крымско-Татарский конный полк, хотя и потерпевший поражение, но смело защищавшийся, а 1-й эскадрон во главе с командиром эскадрона даже в конном строю атаковавший матросов и основательно их потрепавший.

Ночь с 13 на 14 января эскадроны 1-го дивизиона с конно-пулеметной командой и штабом полка провели в казармах. Поздно вечером 13-го января прибыл к полку и 5-й эскадрон. О стрелковом эскадроне сведений никаких не было, должен был эскадрон вернуться в Симферополь по железной дороге.

В полковом собрании собралось множество офицеров, находившихся в Симферополе и прибывших из других городов Крыма. Не пожелали они своевременно вступить в офицерские роты, а теперь пришли в ожидании, что их кто-то спасет. В любой момент можно было ожидать нападения на полковое собрание, но никто не решался взять организацию обороны в свои руки. Тогда наш Крымец шт.-ротмистр Селим Мурза Муфтий-Заде громким голосом заявил, что т. к. никто из старших офицеров не проявил желания взять на себя руководство самозащитой всех собравшихся, то он объявляет себя начальником обороны и предлагает всем исполнять его распоряжения. Были поставлены пулеметы, назначены были караулы и патрули; т.г. офицеры

воодушевились, но не надолго. Одновременно велась агитация за установление мирных переговоров с матросами и о высылке им навстречу парламентеров; особенно старался в этом отношении уговаривать военный врач Крымский татарин, пока никому еще неизвестный, но в будущем проявивший свои крайне левые убеждения. Агитация его не имела успеха, но и обороняться тоже большинство из присутствовавших не имело желания. Г.г. офицеры в ночной темноте постепенно исчезали и под утро собрание опустело.

Рано утром 14-го января передан был в эскадроны приказ (от кого именно, так и осталось неизвестным) о том, чтобы группами или по одному, кто как хочет, верхом или пешком, с оружием или без оружия, пробиваться куда кому удобнее. Многие думали, что можно пробиться в горы и там дождаться более благоприятного времени. Так или иначе, но пришлось «распылиться». Трогательно прощались всадники со своими офицерами. Было проявлено очень много внимания и доброго сердечного чувства по отношению к своим командирам (уже теперь бывшим). Зная, что офицерам угрожает большая опасность, уговаривали их снимать свои офицерские отличия, галуны, кокарды и др. Многие подходили к офицерам, целовали их или крепко пожимали им руки. У большинства были слезы на глазах; видно было, что тяжело переживается ими эта страшная полковая трагедия. Спасибо нашим славным «куйдышам» за их верную старательную службу и за их доброе сердечное отношение к своим офицерам. Во многих других полках русской конницы после революции постепенно отношения нижних чинов к офицерам ухудшались и становились грубыми и враждебными.

13-го января утром полковник Достовалов в сопровождении поручика Губарева и еще одного офицера из штаба «Крымских войск» на автомобиле отправился в г. Ялту для руководства действиями нашего 4-го эскадрона. Поздно вечером, при возвращении в Симферополь, автомобиль полковника Достовалова при въезде в город был задержан большевиками, уже занявшими эту часть города. Полковник Достовалов и его два спутника были арестованы; поручик Губарев и офицер штаба в ночь на 15-е января были расстреляны; полковник Достовалов после двухдневного ареста был освобожден и уехал на север, как говорили, в Москву. 4-й эскадрон еще два дня оставался в Ялте, подавив попытки местных большевиков захватить власть в городе, но 15-го января в Ялтинскую гавань вошел один из миноносцев 3-го дивизиона, матросы которого считались особенно жестокими и кровожадными. Городские власти стали просить ротмистра Баженова ради спасения города от бомбардировки уйти за пределы города. Зная, что в Симферополе уже все кончено и, принимая во внимание создавшуюся местную обстановку, а также и настроения всадников, ротмист Баженов увел эскадрон из Ялты. Почти полностью эскадрон ушел в горы и уже оттуда постепенно «распылился».

6-й эскадрон весь день 13-го января оставался в Евпатории, где поддерживал порядок, но узнав о событиях в Симферополе, штабс-ротмистр Отмарштейн решил с эскадроном идти на поддержку ведущим бой эскадронам, но уже было слишком поздно, 14-го января Симферополь был уже во власти матросов. Пришлось и 6-му эскадрону последовать примеру всех остальных эскадронов, пробираться кто как и куда мог.

Крымскому Конному Ее Величества полку суждено было одному из первых начать в России борьбу против поработителей нашей родины, а также и быть единственным из всех кавалерийских полков, принявших участие в гражданской войне, в том же составе, в каком были в Первой великой мировой войне. Не пришлось полку вести борьбу непрерывно до конца гражданской войны; в ночь с 13-го на 14-е января 1918 года борьба временно прекратилась, но уже в том же году Крымцы собрались снова для продолжения службы России с надеждой на восстановление старых традиций и старого законного Императорского строя.

За время прошедшего краткого периода гражданской войны полк потерял убитыми и расстрелянными следующих г.г. офицеров:

1.	Полков.	Алтунжи	7.	Шт.-ротм.	Лисаневич
2.	»	Биарсланов	8.	Поручик	Губарев
3.	Ротмистр	Думбадзе	9.	»	Кривцов
4.	»	Фон Гримм	10.	Корнет	Добровольский
5.	Шт.-ротм.	Барон ф. Медем	11.	»	Пестов
6.	»	Евдокимов	12.	»	Отмарштейн

Расстрелян в своем имении на р. Бельбек старый Крымец отставной подполковник Орест Андреевич Кокораки.

Ранены были поручик Эммануель, поручик Дурилн и корнет Веймарн.

Точное число убитых, расстрелянных и раненых нижних чинов полка определить было невозможно, но оно было очень большое.

КРЫМЦЫ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА В ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ, ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ ЮГА РОССИИ И В РУССКОЙ АРМИИ. 1918 — 1920 г. г.

Весной 1918 г. с приходом германских войск в Крым, восстановилась в Симферополе нормальная жизнь. Смогли и остававшиеся в городе Крымцы собраться и обсудить создавшееся положнеие. Собралось 15 г.г. офицеров и решено было обязательно восстановить полк в рядах Добровольческой армии. Некоторые г.г. офицеры уже смогли пробраться в Добровольческую армию. Первыми были ротмистр Двойченко, совершивший так называемый Дроздовский поход из Ясс в Новочеркаск в должности командира 2-го эскадрона конного дивизиона (в будущем 2-го офицерского конного ген. Дроздовского полка) и штабс-ротмистр Семичев, который, несмотря на изуродованную больную ногу, был участником 1-го Кубанского ген. Корнилова «Ледяного» похода.

Под германской оккупацией формирование полка было, конечно, невозможно, но приготовления к формированию уже начались, а как только германские войска эвакуировались из Крыма, и Крым был занят частями Добровольческой армии, то на основании приказа командующего Крымско-Азовской армией от 7-го декабря 1918 г. сразу же был сформирован Кадровый эскадрон Крымского Конного полка.

Полковник Бако, как старший шт.-офицер полка, поместил в местной газете объявление следующего содержания:

> Приказом Добровольческой армии и с согласием краевого военного министерства в г. Симферополе формируется
>
> КАДРОВЫЙ ЭСКАДРОН
> КРЫМСКОГО КОННОГО ПОЛКА.
>
> Всем чинам Крымского Конного полка предлагаю вступить в ряды родного полка. Кавалеристов офицеров, юнкеров, вольноопределяющихся и добровольцев приглашаю в полк на общих для Добровольческой армии основаниях.
>
> Прием заявлений будет производиться с 7-го декабря с 10 до 12 ч. дня в здании Офицерского собрания Крымского конного полка.
>
> Полковник Бако.

Помимо своих кадровых Крымцев откликнулось много офицеров, как кавалеристов, так и из других родов войск; много добровольцев из учащейся молодежи явилось для зачисления в ряды полка; широко откликнулось татарское дворянство (мурзы), но татарские народные массы остались глухими к призыву полковника Бако. Произошло это по причине очень большой агитаций крайне левонастроенной и шовинистической группы из татарской интеллигенции, призывающей татар не идти в ряды Добровольческой армии и в частности в Крымский Конный полк, поскольку он формируется на общих добровольческих основаниях. Но все же главной причиной отказа татар вступать в ряды полка считалось их опасение, что в случае неудачи Добровольческой армии в Крыму их ожидает тогда со стороны большевиков полное уничтожение; ведь после первого выступления против большевиков они очень пострадали, а, если еще раз выступят добровольно, то будет значительно хуже. Если была бы мобилизация, то тогда им было бы оправдание. Но мобилизации не было!

Жаль, что не пошли татары в полк. Хорошие были солдаты, стойкие, отличные в разведке, исполнительные; потом, когда была объявлена мобилизация, они все же пошли, но пока пришлось примириться с их отсутствием. Тем не менее дело формирования «кадрового эскадрона» пошло очень успешно. Все приходившие со своими лошадьми назначались в конный взвод, а остальные в пеший. На первой неделе формирования уже был полный комплект, а через месяц «кадровый эскадрон» развернулся в дивизион. 1-й и 2-й эскадроны лошадей не имели, а конный взвод, превратившийся в конный эскадрон, был назван 3-м. Вместо татар 1-й и 2-й эскадроны пополнились добровольцами немцами-колонистами, стремившимися в Добровольческую армию, чтобы иметь возможность защищать свои семьи и имущество от большевиков-коммунистов. Почти все добровольцы приходили хорошо одетыми, что было очень важно, т. к. в дивизионе запасов обмундирования не имелось и рассчитывать на интенданство пока еще не было никакой надежды. Большинство уже служило в армии, были обучены, грамотны и не потребовалось много труда со стороны г.г. офицеров, чтобы превратить эскадроны в настоящие боевые подразделения, напоминающие старые Императорские. При разворачивании «кадрового эскадрона» в дивизион была сформирована и пулеметная команда; получено было 4 «Кольта» и 4 «Льюиса»; нашлись отличные пулеметчики. Также сформировали команду связи и необходимый обоз.

К началу формирования оказались на лицо или в ближайшие дни после 7-го декабря 1918 года прибыли к полку следующие коренные г.г. офицеры полка:

1.	полковник	Г. А. Бако	15.	шт.-ротм.	П. П. Росницкий
2.	»	М. М. Петропольский	16.	»	А. Е. Люстих
3.	»	Е. А. Зотов	17.	поручик	В. А. Эммануель
4.	»	Э. Ф. Мартыно	18.	»	К. Я. Бехтольд
5.	»	А. П. Рыбасов	19.	»	В. Е. Апанасенко
6.	»	И. К. Нарвойш	20.	»	Н. Ф. Шлее
7.	ротмистр	К. П. Баженов	21.	»	А. А. Одель
8.	»	В. Т. Юрицын	22.	»	В. И. Воблый
9.	»	П. Н. Лесеневич	23.	»	А. К. Решко
10.	шт.-ротм.	Л. К. Глазер	24.	»	Кн. Г. В. Кудашев 1.
11.	»	В. Я. Ван-Воорендейк	25.	»	Г. Н. Лесеневич
12.	»	К. А. Каблуков	26.	»	Кн. Е. В. Кудашев 2.
13.	»	А. И. Лихвенцов	27.	»	Л. Петерс
14.	»	С. М. Муфтий-Заде			

Полковые казармы снова оживились, открылось полковое офицерское собрание. Верхний этаж был занят летчиками, а весь нижний оставался для офицеров полка. Столовая была устроена в библиотеке. Почти все офицеры полка и почти все вновь прикомандированные столовались в офицерском собрании. Кухней и буфетом снова распоряжался старый полковой «метр-д'отель» Яков, сопровождавший полк и во все время Первой мировой войны.

Временно командующим дивизионом был полковник Бако; старш. шт.-офицером и помощником командира по хозяйственной части — полковник Петропольский; помощником по строевой части — полковник Мартыно; адъютантом был назначен шт.-ротмистр Глазер; командиром 1-го эскадрона — полковник Рыбасов; командиром 2-го эскадрона полковник Смольский (коренной офицер 19-го драгунского Архангелогор. полка, литовский татарин по происхождению); командиром 3-го эскадрона — ротмистр Баженов; назначены были: начальником пулеметной команды полковник Зотов; начальником команды связи шт.-ротм. Каблуков; казначеем поручик Воблый; нач. нестроевой команды и полкового обоза поручик Шлее.

Полковник Нарвойш, болевший еще на фронте 1-й мировой войны, снова заболел и не мог оставаться в строю.

В дивизионе Крымского Конного полка было несколько полковников, предложивших сами постоянно по очереди дежурить по полку:

Полковник Волошкевич (из отставки, бывший командир эскадрона Ее Величества).

» Ф. Кюгельген (бывш. командир Текин. конного полка и в полку командир 4-го эскадрона).

Полковник Иванов (из запаса).
» Талаев (из запаса).
» Селинский (1-го Линейн. конного полка Куб. каз. войска).
» Волоцкой (12-го гусарского Ахтырского полка).

Согласно новому приказу в Добровольческой армии был упразднен чин подполковника и все подполковники были переименованы в полковники, а ротмистры производились непосредственно в полковники. Представленный к производству в чин подполковника ротмистр Баженов был произведен сразу в полковники.

Дивизион находился с первого дня формирования в Симферополе. Велись усиленные занятия, готовились к скорому выступлению на фронт. Неслась гарнизонная служба. Ежедневно большие караулы назначались в штаб Крымско-Азовской Добровольческой армии ген. Боровского и в штаб 4-й дивизии ген. Корвин-Круковского. Караульными начальниками назначались старшие офицеры из не занимающих должностей командиров эскадронов или команд. Иногда высылались экспедиции в уезд по борьбе с бандитами и местными подпольными большевиками.

В начале февраля 1919 года командиром дивизиона Крымского Конного полка штабом Главнокомандующего Добровольческой армии назначен был Генерального штаба полковник Давид Иванович Туган-Мирза-Барановский, литовский татарин по происхождению, коренной офицер Лейб-гвардии Конной артиллерии, по окончании Николаевской Военной академии отбывавший ценз командира эскадрона Лейб-гвардии в Гродненском гусарском полку, а во время Первой мировой войны бывший начальником штаба Гвардейской стрелковой дивизии.

Полковник Бако стал старшим шт.-офицером и помощником командира полка по строевой части; полковник Мартыно остался на должности младшего шт.-офицера.

Новый командир сразу произвел на всех чинов дивизиона самое отрадное впечатление; приветливый, никогда не возвышающий голоса, но требовательный по службе; если кому-либо делал замечание, то в крайне деликатной форме, но так умел сказать, что получивший замечание готов был на все, лишь бы другой раз не заслужить командирского замечания.

Эскадроны продолжали пополняться. В марте 1919 года 1-й и 2-й эскадроны уже имели в своих рядах больше 150-ти человек в каждом. Командир полка («дивизиона») предполагал выделить по 50 человек из 1-го и 2-го эскадронов и образовать новый 4-й эскадрон. Получилось бы три эскадрона (1-й, 2-й, 4-й) пеших по 100 человек в каждом и конный 3-й эскадрон, в котором уже находилось 85 всадников.

Проекту этому однако не удалось осуществиться. Произошло для полка крайне неприятное, тяжело переживаемое, событие.

После ухода из Крыма германских войск осталось в Крыму несколько германских офицеров. Один из них майор Хофмаер (или м. б. Хомаер) стал хлопотать о сформировании для Добровольческой армии Егерской бригады из немцев-колонистов. Немцы-колонисты успели зарекомендовать себя как отличные солдаты. Высшее начальство, не будучи достаточно осведомленным о настоящих целях Егерской бригады и предполагая, что из Егерской бригады получится первоклассное войсковое соединение, сделало большую ошибку и дало разрешение на формирование бригады, а всем войскам, в которых находились на службе немцы-колонисты, приказано было не чинить никаких препятствий для перехода немцев в Егерскую бригаду. Одновременно велась среди солдат немцев тайная пропаганда об обязательном их переходе в Егерскую бригаду, когда об этом будет объявлено.

Началось отступление частей Добровольческой армии из Северной Таврии. Красные сильно нажимали на наши немногочисленные и слабые по числу бойцов части. В Симферополе началась эвакуация. Потребовалось ежедневное назначение по одному эскадрону на вокзал для поддержания порядка при эвакуации. С утра 29-го марта 1-й эскадрон находился на вокзале; все чины эскадрона исправно выполняли свои обязанности до последней минуты, когда, закончив работу на вокзале, эскадрон построился и с песнями в полном порядке возвращался в свои казармы. А в это время агитаторы немецкой бригады, в том числе и находившийся в прикомандировании к полку поручик Барт, успели уже распропагандировать 2-й эскадрон, а также, незаметно и 1-й эскадрон на вокзале. Когда 1-й эскадрон вернулся на казарменный двор, то по команде «разойтись», все немцы-колонисты бросились в соседнюю улицу, где построились перед ожидавшим их уже немецким начальством, таможе находились и немцы 2-го эскадрона. Так произошел «революционным порядком» переход солдат немцев-колонистов из полка в Егерскую бригаду, которому, согласно приказа Командования Добровольческой армии, следовало не чинить никаких препятствий. Отдельные солдаты 1-го эскадрона, подскочившие к своим офицерам, возмущались происшедшим, но прибавляли, что против своего народа они пойти никак не могут. Стадное чувство. Также, как и Крымские татары больше верили и слушались своих народных представителей, так и немцы пошли за своими агитаторами, боясь провиниться перед своим народом.

Такая, на наш взгляд, катастрофа ужасно подействовала на моральное состояние оставшихся в строю. В 1-ом и во 2-м эскадронах оставалось по 25 человек. К 10 часам вечера 29-го марта назначен был выход из Симферополя по направлению на Карасубазар. Вот здесь впервые увидели Крымцы бод-

рость духа и решительность своего командира. «Если даже только один человек останется в строю, то считается, что полк существует; посмотрите сколько у нас осталось!». Эти слова командира всех подбодрили. Действительно, 3-й эскадрон остался нетронутым, также и пулеметчики; в двух пострадавших эскадронах осталось приблизительно пятьдесят человек, не считая хозяйственных чинов. Все было приведено в порядок и дивизион выступил походным порядком на Карасубазар. Сзади арьергардом выступил 3-й эскадрон ротмистра Баженова.

Командование Егерской бригадой заявило, что не будет бригада отступать вместе с частями Добровольческой армии, а остается в Симферополе для поддержания порядка до подхода красной армии и для безболезненной передачи власти красному командованию. Начальство Егерской бригады обещало обеспечить нам беспрепятственный отход, хотя в этом не было никакой надобности. При выходе из Симферополя в ночной темноте заметны были цепи егерей по белым околышам бескозырок, взятых в цейхгаузе наших земляков Литовцев Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича.

В Карасубазаре дивизион оставался до 2-го апреля, занимая сторожевое охранение и ведя разведку 3-м эскадроном по направлению на север и северо-запад от Карасубазара. Вечером 2-го апреля получен был приказ отходить на Старый Крым и далее на Владиславовку и к Ак-Манайским позициям, но по прибытии к месту назначения на ст. Семь Колодезей дивизиону приказано было погрузиться в вагоны и по железной дороге отправиться на ст. Ислам-Терек в распоряжение начальника 5-й дивизии ген. Шиллинга. Со ст. Ислам-Терек 1-й и 2-й эскадроны были направлены в дер. Коп-Отуз, к западу от которой было выставлено сторожевое охранение, а 3-му эскадрону приказано было вести разведку на Грамматиково и восточнее до залива Сиваш.

4-го апреля красные повели энергичное наступление на Старый Крым и заставили части 4-й дивизии отходить в направлении на Феодосию, что вызвало отход и частей 5-й дивизии. Крымцам приказано было отойти к дер. Ерчи, где выставить охранение; 3-му эскадрону продолжать вести разведку на д. Коп-Отуз, которая сразу по ее оставлении была занята красными. На участке у д. Ерчи дивизиону было придано два орудия, были выбраны позиции для пулеметов, вырыли окопы, хотя и очень слабые, рассчитанные лишь на кратковременную оборону, т. к. не было сомнения в предстоящем дальнейшем отходе на Ак-Манайские укрепленные позиции. Два дня 5-го и 6-го апреля прошли совершенно спокойно; это были великая пятница и великая суббота перед Великим Праздником Св. Христова Воскресения. Заботами начальника команды связи шт.-ротмистра Каблукова были доставлены в дивизион, с рассчетом на всех находящихся на боевом участке, куличи, яйца, кол-

басы, а также папиросы, в которых была особенная нужда. Заутреню служить было некому, разговляться ночью никак нельзя было; ночью требовалась особая бдительность, поэтому пришлось разговеться уже накануне Великого Праздника Пасхи, крайне скромно перед заходом солнца, когда еще было совсем светло.

7-го апреля в день Праздника Пасхи утром около 9 ч. красной конницей густой лавой была произведена конная атака на д. Ерчи. Разъезд 3-го эскадрона поручика Кульшина на карьере подлетел к нашим постам и успел предупредить об атаке. Наши малые эскадроны легко могли бы быть раздавлены массой красной конницы, но присутствие духа никем не было потеряно, а смелость и быстрые решительные распоряжения нашего командира сыграли главную роль в жестоком поражении напавшей красной конницы, которую, подпустив совсем близко, почти всю расстреляли огнем восьми пулеметов и пятидесятью стрелками. Очень большую поддержку своим метким беглым огнем оказал доблестный артиллерийский взвод. Уцелевшие красные кавалеристы повернули назад и ускакали, оставив на поле боя своих убитых.

Вследствие продвижения большевиков на нашем левом фланге и занятия ими города Феодосии, приказано было Крымцам в ночь на 8-е апреля оставить Ерчи и отходить на Ак-Манайские позиции. До 6-го мая дивизион оставался в районе Ак-Маная. Спешенные эскадроны в резерве в д. Кошай, где пополняли свои ряды добровольцами, а 3-й эскадрон был придан 2-му Конному ген. Дроздовского полку. В составе этого полка эскадрон участвовал во всех боевых делах полка.

23-го апреля день полкового праздника, первого после величайшего преступления советских властей в Екатеринбурге, был посвящен траурному воспоминанию о Государе Императоре Николае Александровиче, о нашем Шефе Государыне Императрице и о всей Царской семье. Не было уже сомнения в том, что вся Царская семья мученически погибла. Вечная память и вечная слава Царственным мученикам!

6-го мая приказом штаба Крымско-Азовской армии весь дивизион выступил на станцию Семь Колодезей, где был погружен в вагоны и отправлен в г. Керчь.

В Керчи находился штаб ген. Боровского; здесь же была и главная база всей Крым.-Азов. армии. Город находился под постоянной угрозой красных партизан, засевших в древних Керченских каменоломнях. Партизаны всячески мешали работе тыловых учреждений армии, взрывали железнодорожные пути, нападали на обозы, имея главной задачей своими действиями облегчить красным прорыв Ак-Манайской позиции, уничтожить защитников ее и захватить весь Керченский полуостров.

Борьба с партизанами была крайне тяжелой. Каменоломни представля-

ли собой лабиринт с бесчисленным числом тайных выходов. Партизаны были обитателями деревень, находящихся сверху каменоломен и в каменоломнях они были, как у себя дома. Блокировать все выходы из каменоломен было невозможно, т. к. их было чрезвычайно много и большинство выходов не было известно войсковым частям, боровшимся против каменоломщиков. Сперва командование Крым.-Азов. армии пыталось бороться лишь силами конвоя ген. Боровского, представлявшего собой приблизительно сотню третьеочередных Кубанских казаков, что было совершенно не достаточно. Тогда вызвали с фронта Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии (Тверцы, Нижегородцы, Северцы и Переяславцы). Полк был совершенно безлошадный, но представлял собой сильную боевую часть с нормального состава эскадронами. Все же войск еще не доставало, поэтому потребовался и дивизион Крымцев.

7-го мая состоялась выгрузка дивизиона на главном вокзале Керчи. По приказанию начальника Керченского гарнизона дивизион занял село Булганак в двух верстах от Керчи. Главные силы красных партизан в каменоломнях у с. Аджи-Мушкай в двух верстах от Булганака; село Аджи-Мушкай также было в руках партизан.

За два дня до выступления из деревни Кошай нашего дивизиона полковник Туган-Мирза-Барановский вместе с адъютантом шт.-ротмистром Глазер уехал на несколько дней в командировку в г. Екатеринодар. Временно командующим дивизионом остался полковник Бако; вр. и. д. адъютанта шт.-ротм. Каблуков, а вр. и. д. начальника команды связи прапорщик Огородников. Опыта борьбы с каменоломщиками у нас еще не было. Расположились в с. Булганак, как при нормальных условиях: два спешенных эскадрона в первой линии против с. Аджи-Мушкай; 3-й эскадрон в резерве, уступом за левым открытым флангом; штаб полка на небольшом удалении за эскадронами. Правее наших постов находились посты полка Кавказского под командой Переяславца полковника Щастливцева. Полковник Щастливцев был также начальником всех войск, осаждавших каменоломни. С другой стороны Керчи находились Карантинские каменоломни, в которых также засели бандиты, но в значительно меньшем числе, чем у Аджи-Мушкайских. Против Карантинских каменоломен стояли казаки конвоя ген. Боровского; на эти каменоломни не обращалось большого внимания. Ночь на 8-е мая и день 8-го мая прошли совершенно спокойно. Днем ходили осматривать большой вход в каменоломни, заходили в открытые ворота и даже смело довольно далеко во внутрь, хотя такое продвижение было достаточно легкомысленным.

В ночь на 9-е мая укрывавшиеся в Карантинских каменоломнях партизаны, прорвавшись через редкие цепи Кубанцев, незаметно в ночной темноте быстро прошли к с. Булганак с целью соединиться с главными силами

каменоломщиков в Аджи-Мушкае. Необходимо им было прорваться через расположение Крымцев. Первый удар был нанесен штабу полка. Полная неожиданность для штаба такого нападения помогла бандитам разгромить наш штаб, а затем с криками «ура» обрушиться с тыла на 1-й и 2-й эскадроны, но, при звуках стрельбы в нашем ближайшем тылу, эскадроны уже успели приготовиться и, повернувшись лицом к тылу, встретили нападавших; была секунда сомнения, не 3-й ли это эскадрон, но на предупреждение, что тут свои, Крымцы, в ответ на это послышалась трубая брань и разгорелся ожесточенный огневой бой. Красные бандиты прорваться не смогли, но все же в ночной темноте, прижимая все время влево, им удалось добраться до открытого фланга и постепенно один за другим проскальзывать в каменоломни. Бандиты понесли большие потери, что видно было по оставленным ими четырем убитым, раненых же увели они с собой.

Эта ночь дорого обошлась Крымцам. Особенно пострадал штаб полка; убиты шт.-ротм. Каблуков, прапорщик Огородников, юнкер Петропольский (сын полковника Петропольского), один из двух кадет братьев Финне, добровольцы Павлович, Муфти-Заде и еще двое, фамилии которых по прошествии многих лет не удалось установить. Во 2-м эскадроне ранен командир эскадрона полковник Смольский, корнет Петерс и контужен ручной гранатой прапорщик Тулумбиев; в обоих эскадронах ранено было три всадника, но легко. Корнет Петерс через несколько часов скончался от своего ранения. Чудом спасся полковник Бако, получивший сильные ушибы, заставившие его остаться несколько дней в госпитале. Накануне командир 1-го эскадрона полковник Рыбасов убыл из полка в Чеченскую конную дивизию по вызову начальника дивизии ген. Ревишина, бывш. нашего командира полка; во временное командование эскадроном вступил полковник Селинский.

После ночного боя село Булганак было очищено нами. Полковн. Зотов, как старший, принял командование над дивизионом и приказал снова занять Булганак. Сразу Булганак был занят без боя. Все брошенное в помещениях имущество оказалось нетронутым.

В 7 часов утра от полковника Щастливцева пришло приказание занять с. Аджи-Мушкай. Полковник Зотов повел 1-й и 2-й эскадроны в наступление на Аджи-Мушкай, а 3-му эскадрону приказал идти во второй линии уступом слева, обеспечивая наш левый фланг. Наши цепи сразу были встречены сильным ружейным и пулеметным огнем. Полковн. Зотов приказал вести наступление перебежками, скрываясь в высокой траве. Это спасло нас от ненужных потерь; в 8 часов утра уже все известные выходы из каменоломен, были заняты, а следом за этим и все село, брошенное своими жителями. Справа подошли также Кавказские драгуны и заняли южную окраину села. Внутри села оставаться никак не рекомендовалось и была выбрана полковником Зотовым

позиция в школе, находящейся в расстоянии около полутораста шагов от западной окраины села; школа была окружена каменной высокой стеной и из школы был отличный обстрел всей западной окраины Аджи-Мушкая. Днем велось лишь наблюдение, стрельбы не было; бандиты избегали делать вылазки днем, но в течение всей ночи велась непрерывная стрельба, так как при кратчайшем замедлении в стрельбе каменоломщики сразу выскакивали из своих убежищ и с редкой отвагой нападали на осаждающих их части Добровольческой армии. 3-й эскадрон днем вел разведку всего северо-западного района до берега Азовского моря; ночью эскадрон занимал кладбище к северо-западу от школы. После ночного боя в с. Булганак во временное командование 2-м эскадроном вступил старший в чине капитан Батыренко, только перед самым уходом из Симферополя прикомандировавшийся к дивизиону. Временно командующий 1-м эскадроном полковн. Селинский заболел и был эвакуирован в тыл. Во временное командование 1-м эскадроном вступил полковник Талаев.

Днем 10-го мая вернулись из командировки полковн. Туган-Мирза-Барановский и шт.-ротм. Глазер, не ожидавшие встретить дивизион в представившейся им обстановке. Возвращению командира полка все были рады, верили, что под его командой будет и полный успех в боевых делах. С наступлением темноты началась обычная стрельба, но в 1 ч. ночи каменоломщики пошли в атаку на школу и на соседний участок Кавказских драгун. Несмотря на яростные атаки бандитов, все они были отбиты и бандиты снова загнаны в их убежища. Во время боя были убиты наши конные ординарцы поручик Балжи и добровол. Ярошенко и в 1-м эскадроне вольноопределяющийся Глеб Иванов. Красные партизаны стремились также обхватить наше расположение на нашем левом фланге, но встретили решительный отпор со стороны 3-го эскадрона, занимавшего кладбище. Днем около 2-х часов красные снова повели стремительное наступление на осаждающие части Добровольческой армии. Артиллерийского огня у каменоломен вообще не применяли, но пулеметы работали беспрерывно, особенно выделялся бесстрашием и меткостью своего «Льюис» прикомандированный к полку шт.-капитан Владимир Тимофеевич Юрицын (родной брат ротмистра Юрицына), его примеру следовали и другие.

Бандиты, не считаясь с потерями, яростно нападали, их отбивали, но атаки снова повторялись. От полковника Щастливцева передали приказание отходить перебежками к железной дороге, соединяющей главный вокзал с «Брянским заводом». Бывшие правее Крымцев Переяславцы уже отступили. Полковн. Тутан-Мирза-Барановский приказал отходить и нашим цепям, но азарт в стрельбе был так велик, что приказания об отступлении как будто и не слышали; партизаны уже стали обходить наш правый фланг, наши пуле-

меты скашивали их передовые густые цепи, но это не останавливало бандитов. Наши запасы латронов уже подходили к концу и на повторное решительное приказание командира полка начался наш отход к железной дороге, совершенный в полном порядке. Во время отхода тяжело ранен был корнет Глинистый. Бандиты остались в Аджи-Мушкае, но они добились временного открытия их выходов, что было необходимо для пополнения запасов продовольствия и вооружения. На другой день все оставленные позиции были опять заняты, но для полной блокады войск было все еще не достаточно и с фронта было снято еще несколько частей, в том числе и 2-й конный ген. Дроздовского полк во главе со своим командиром полковн. Барбовичем, ставшим начальником всех войск, принимающих участие в борьбе по ликвидации красных в каменоломнях. Регулярно каждый вечер Крымцы занимали свой участок у каменоломен, сменяя стоявших там днем Кубанских казаков. Рано утром те же казаки приходили сменять Крымцев. Такой порядок установился вследствие того, что пожилым уже третьеочередным казакам было значительно труднее бдительно проводить бессонные ночи, чем в большинстве молодым Крымцам. Днем эскадроны находились в Босфорских казармах, где могли проводить свободное время по своему усмотрению, но, конечно, без разрешения никуда не удаляясь. Так прошло время до 23 мая. Возвращаясь рано утром в казармы, в 1-м и 2-м эскадронах услышана была стрельба в городе. Ускорив движение, в Керчи эскадроны сразу втянулись в бой с красными партизанами, которые воспользовавшись тайными выходами, напали на центр города. Бывший в эту ночь в Керчи 3-й эскадрон по тревоге первым выступил против нападавших; присоединились некоторые небольшие команды штаба и разных воинских учреждений; общими усилиями удалось потеснить врага; по прибытии двух пеших эскадронов Крымцев, а также и некоторых других частей, разгорелся упорный бой. Полковник Барбович приказал Крымцам наступать по главным улицам и далее по направлению к вокзалу очистить окраины города. Под личной командой полковн. Туган-Мирза-Барановского Крымцы повели решительное наступление; у кладбища красные оказали особенно упорное сопротивление, но к вечеру весь город был очищен от банд. У вокзала окончательное поражение бандитам нанес 2-й Конный полк, частично изрубивший их в конной атаке.

После этого боя каменоломщики были уже почти ликвидированы. Часть еще оставалась в каменоломнях, но большинство из них были семьи, больные и раненые. Лишенные продовольствия остатки красных партизан сдались перед самым началом нашего наступления с Ак-Манайских позиций.

В бою 23-го мая был убит доброволец кадет Омер Мурза Тайганский (племянник шт.-ротмистра Муфтий-Заде); ранены были поруч. Эммануель, очень тяжело ручной гранатой поруч. Кулев и около десяти всадников.

После 23 мая часть войск была возвращена на Ак-Манай, в том числе и 2-й Конный полк, к которому снова был прикомандирован наш 3-й эскадрон. 1-й и 2-й эскадроны оставались еще в Керчи, т. к. опасность со стороны Аджи-Мушкая еще не была вполне изжита. За время пребывания дивизиона Крымцев в Керченском районе была объявлена мобилизация; дивизион пополнил свои ряды; в двух пеших эскадронах было уже больше 100 человек, в 3-м эскадроне около 80-ти и в пулеметной команде около 60-ти. В конце месяца мая прибыло для дивизиона 200 полных комплектов английского обмундирования, выхлопотанного нашим командиром во время его пребывания в Екатеринодаре. Наш дивизион стал хорошо и однообразно одетым. Новое обмундирование вводило Керченцев в заблуждение, принимали нас за англичан.

Перед началом наступления с Аджи-Мушкайской позиции Крымско-Азовская армия была переформирована в 3-й армейский корпус, командиром которого назначен был генерал Шиллинг, но ввиду его ранения временным командующим был генерал Добророльский.

5-го июня наши войска на Ак-Манае прорвали позиции красных и перешли в наступление. Очень большую поддержку нашим частям на обоих флангах оказал флот. Вместе с английскими военными судами участвовали в бомбардировке красных позиций и наши суда возрождающегося Черноморского флота, крейсер «Катул» (переименованный в «Ген. Корнилов») и два больших эскадренных миноносца с Черного моря и несколько канонерок с Азовского. Наш 3-й эскадрон в составе 2-го конного полка принял участие в наступлении, а пешие эскадроны с пулеметами утром 7-го июня на станции в Керчи были погружены в вагоны и по железной дороге прибыли в тот же день на полустанок Каличи, откуда походным порядком перешли на станцию Джанкой. Здесь присоединился к пешим эскадронам конный 3-й эскадрон, уже два дня сражавшийся в рядах 2-го Конного полка. В Джанкое полковник Туган-Мирза-Барановский произвел переформирование дивизиона. 1-й и 2-й эскадроны сводились в один, названный спешенным, а 3-й эскадрон переименовывался в конный. Командиром спешенного эскадрона назначен был полковник Талаев, а командиром конного эскадрона полковник Зотов; вместо полковника Зотова начальником пулеметной команды стал ротмистр Давыдов (коренной офицер 18-го драгунского Северского полка), начальником команды связи был назначен шт.-ротмистр Люстих. Полковник Баженов временно прикомандировывался к штабу полка.

По освобождении от красных Джанкоя войска ген. Слащева продолжили наступление на Перекоп. Неизвестно было положение в направлении на Таганаш и на Чонгарский полуостров. По приказанию командующего 3-им армейским корпусом ген. Добророльского, прибывшего также на ст. Джан-

кой, полковник Туган-Мирза-Барановский назначен был начальником Чонгарского отряда, в состав которого кроме Крымцев входили лейб-драгуны. Дивизион лейб-драгун получил задачу наступать от дер. Арабат по Арабатской стрелке на Геническ и выбить оттуда противника. Дивизиону Крымцев приказано было захватить переправы на Чонгарский полуостров и продолжить наступление с целью занятия ст. Ново-Алексеевка. Полковн. Т.-М.-Барановский приказал полковн. Зотову с конным эскадроном захватить Чонгарский мост и наступать далее с целью занятия ст. Ново-Алексеевска. Эскадрону было придано два тяжелых пулемета. Спешенный эскадрон с остальными пулеметами посажен был на два бронепоезда (легкий и тяжелый); бронепоезда подошли к ст. Таганаш; эскадрон высадился и занял станцию и поселок, оставленные пр.-ком.

В этот день 14-го июня необходимо было произвести разведку Сивашской гати, моста у Чонгарского полуострова и ст. Сиваш. Крайне опасная разведка, полковн. Туган-М.-Барановский вызвал охотников. Вызвалось семь всадников и один офицер, но т. к. один из охотников 16-летний кадет Георгий Эммануель был родным братом вызвавшегося начальника разведки, то командир полка не разрешил двум братьям идти вместе в разведку и младшему пришлось остаться в эскадроне. Разведчики пошли по обоим скатам гати; начальник разведки приказал не стрелять первыми. Подошли к мосту, до берега было совсем близко и ясно было видно, что на прибрежной полосе земли до самой ст. Сиваш никого не было. Если заняты были противником два домика грязелечебницы и маленькое здание станции, то больше роты поместиться там не могло. Мост оказался взорванным. Было послано первое донесение. Как только была сделана попытка взойти на мост, со стороны врага был открыт ружейный и пулеметный огонь. Два пулемета вели перекрестный огонь по скатам гати. Сразу был ранен доброволец Иван Штарк, лишь два дня назад поступивший в дивизион, он лежал на железнодорожном полотне и не мог двигаться. Начальник разведки приказал один за другим постепенно отходить; еще трое были ранены, но могли самостоятельно двигаться; раненный в руку, быстро шагая, понес второе донесение с просьбой открытия огня бронепоездами. Иван Штарк был вторично ранен; не раненным оставался лишь вольноопределяющийся младш. унтер-офицер Александр Ховалкин, ему было приказано немедленно отходить, а начальник разведки стал тащить Штарка за груду камней, которая могла бы стать защитой Штарку от огня красных. Видя это, Ховалкин вместо того, чтобы уходить, бросился на помощь начальнику разведки; тянуть Штарка вдвоем было, конечно, легче и уже совсем близко лежала груда камней, приготовленных для ремонта насыпи, как вдруг герой Ховалкин вскрикнул: «Ай, в голову», струя крови брызнула из его виска; Ховалкин лежал убитый вражеской пулей, красные уже были на мо-

сту; начальник разведки, изнемогая от испытанного физического напряжения и видя приближающихся врагов, мог только перекрестить Ивана, который сам понимал, что спасти его уже невозможно. Взяв винтовки Штарка и Ховалкина, начальник разведки стал отходить, задерживаясь у каждой груды камней, чтобы дать несколько выстрелов по противнику. Два пулемета вели непрерывный огонь, но ни одна пуля, чудесным образом, не задела отходящего офицера. Когда он соединился со своими, 1-ым встретившим его был Осман, бывш. турецкий пленный, раненный в разведке и доставивший командиру полка донесение; он схватил руку своего начальника и радостно улыбаясь, крепко стал трясти ее, приговаривая: «молодец г-н поручик!». Командир полка благодарил всех за опасную и отлично выполненную разведку. На другой день об этом было объявлено в приказе с весьма высокой оценкой. Другая разведка, посланная вечером, вернулась, принеся с собой до неузнаваемости изуродованные большевиками трупы двух убитых доблестных Крымцев. Все охотники Сивашской разведки: Ховалкин, Штарк, Лосев, Налимов, Осман и еще шестой, фамилию которого не удалось установить, были командиром корпуса по представлению командира полка награждены Георгиевскими крестами 4-й степени.

Рано утром 15-го июня спешенным эскадроном была занята грязелечебница, а также и ст. Сиваш, которые накануне вечером были оставлены противником. В ночь на 15-е июня у командира эскадрона полковн. Талаева от пережитого волнения в связи с Сивашской разведкой случился сердечный припадок и он был отправлен в госпиталь, где через несколько часов скончался. Капитан Батыренко снова вступил во временное командование эскадроном.

По занятии ст. Сиваш эскадрон немедленно продолжал наступление. На станции Чонгар противником было брошено большое хозяйственное имущество, которое вероятно вследствие спешного отступления не смогло быть вывезенным. К вечеру эскадрон перешел на ст. Сальково, захваченную после кратковременного боя конным эскадроном полковн. Зотова. Конный эскадрон еще вечером 14-го июня переправился через Сиваш по Чонгарскому мосту, что вызвало спешное отступление красных со станции Сиваш. Со станции Сальково конный эскадрон продвинулся дальше и занял ст. Ново-Алексеевку, где состоялась встреча с подошедшими лейб-драгунами, которые, пройдя по Арабатской стрелке, захватили город Геническ.

16-го июня от командующего корпусом получена была телеграмма: Крымцам идти в Таганаш и грузиться в эшелоны. Утром 17-го июня дивизион перешел в Таганаш, но погрузка началась лишь утром 18-го; днем того же дня два эшелона прибыли на ст. Джанкой, где находился штаб корпуса. К 1-му эшелону прицепили «бронированную коробку», так называли тогда

вагоны с защищенными мешками с песком стенками и вооруженные пулеметами и мелкокалиберными орудиями; в 1-й эшелон сел командующий корпусом ген. Добророльский. Эшелоны были двинуты в Севастополь с целью, как было указано в приказе, уничтожения последнего гнезда большевизма в Крыму.

19-го первый эшелон в 4 часа прибыл в Севастополь, а за ним через час и второй эшелон. Советские власти и Севастопольский гарнизон успели бежать из города; в Севастополе еще никаких Добровольческих частей не было, но за несколько часов до прибытия Крымцев, на Севастопольский рейд вошел эскадренный миноносец «Живой», г. г. офицеры и матросы с которого, съезжавшие на берег приветливо встречались городскими жителями. Почти одновременно с прибытием Крымцев вошла в Севастополь сотня 2-го Таманского конного полка Кубанского войска. 21-го июня в кафедральном соборе был отслужен молебен, на котором присутствовал ген. Добророльский, а после молебна на Соборной площади состоялся парад; участвовали в параде эскадрон Крымцев и сотня Таманцев; принимал парад генерал Добророльский и после церемониального марша обратился к войскам и собравшимся многочисленным горожанам с соответствующим словом, указав на цели Добровольческой армии, а также и на то, что отдельного краевого правительства в Крыму не будет. В тот же день ген. Добророльский отбыл в свой штаб в Джанкое.

После объявления мобилизации и совещания командования Добровольческой армии и атаманов казачьих войск произошло объединение всех «Белых армий» под названием «Вооруженных сил юга России» под главнокомандованием генерала Деникина.

Приказом Главнокомандующего Вооруженными силами юга России (В.С.Ю.Р.) № 1285 сформирован Сводно-Драгунский полк из кадров полков: Крымского Конного, 3-го драгунского Новороссийского и 15-го драгунского Переяславского. Временно Переяславцы остаются при Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии.

Вскоре прибыли на формирование Новороссийские драгуны в составе всего лишь около 60-ти человек, но с отличным хором трубачей. Сводно-Драгунский полк намечался в составе 4-х эскадронов Крымцев и двух эскадронов Новороссийцев, но неожиданно прибыл в полк 1-го уланского С.-Петербургского полка ротмистр Рубцов с предписанием штаба Главнокомандующего В.С.Ю.Р. о формировании при Сводно-Драгунском полку кадрового эскадрона 1-го уланского «Петроградского» полка. Наметился еще и 7-й эскадрон.

Формирование шло успешно. По прибытии полка в Севастополь штабс-ротмистр Глазер убыл в служебную командировку, главным образом с целью приобретения седел. Некоторое число лошадей получено было по мобилиза-

ции от образовавшейся корпусной ремонтной комиссии, но с седлами было очень плохо. Временно исполняющим должность полкового адъютанта назначен был поручик Эммануель.

Спешенный эскадрон, насчитывавший уже около 180-ти человек приказом по полку разворачивался в два эскадрона: 1-й и 2-й. Командиром 1-го эскадрона назначался ротмистр Юрицын, командиром 2-го эскадрона — ротмистр Лесеневич. Командиром 3-го эскадрона (конного) оставался полковн. Зотов, начальником пулеметной команды остался ротмистр Давыдов и начальником команды связи остался шт.-ротмистр Люстих. 4-й эскадрон еще оставался в проекте до возвращения из командировки шт.-ротмистра Глазер.

5-й и 6-й эскадроны составляли дивизион Новороссийских драгун. Командирами эскадронов были ротмистр Ляшков — 5-го и ротм. Аладьин — 6-го. Командиром дивизиона был полковник Владимиров. Седьмой эскадрон по желанию полковника Туган-Мирза-Барановского был назван просто «Петроградским», командиром которого стал ротмистр Рубцов.

В начале июля вернулся шт.-ротм. Глазер; его командировка прошла удачно. Полученные по мобилизации лошади и приобретенные седла дали возможность сформировать 4-й эскадрон, командиром которого назначен был шт.-ротм. Глазер. Мобилизация подтолкнула наших «куйдышей» Крымских татар, в довольно большом числе явившихся в полк.

В Севастополе шли занятия, неслась незначительная караульная служба. Наконец был назначен постоянным нашим ветеринарным врачом доктор Владимир Александрович Тиминский. Медицинским врачом при полку временно стал морской врач, открывший полковой околоток при помощи старого и опытного нашего полкового старш. фельдшера Бондаренко. Новороссийцы с успехом сформировали свои эскадроны до полного состава; «Петроградцы» с семи человек довели свой эскадрон до ста. Наши 1-й и 2-й эскадроны были в сверхкомплекте, 3-й и 4-й (конные) были немного меньшего состава. Во всем полку не было ни одного пленного красноармейца. Полк состоял из бывшей учащейся молодежи, немцев-колонистов, Крымских и других татар, из русских хуторян и других благонадежных элементов. Полк был вполне надежный как в политическом отношении, так и в боевом. Всего в полку было больше 850 человек, но при таком большом числе прибывавших людей полк был очень плохо одет. На все требования обмундирования главное интендантство не отзывалось.

Штаб корпуса по-прежнему находился в Джанкое и на должность командира корпуса после излечения от ранения вернулся генерал Шиллинг. Командир корпуса очень интересовался полком и назначил день смотра. Командиры эскадронов заволновались. Как же быть со всеми плохо одетыми и босыми, хотели вывести эскадроны с минимальным числом рядов, но коман-

дир полка решительно запретил это делать и приказал на смотр вывести всех без исключения, а босых поставить в первую шеренгу. На состоявшемся смотру командир корпуса пришел в ужас от обмундирования, но остался вполне доволен строевой выправкой нижних чинов и благодарил командира полка и командиров эскадронов за то, что в такой короткий срок смогли создать такую отличную воинскую часть. Через несколько дней из штаба корпуса получено было сообщение, что из главного интендантства высылается в полк 400 комплектов английского обмундирования.

Вскоре после смотра во второй половине июля решено было командиром полка, бывшего одновременно и начальником Севастопольского гарнизона, вывести несколько эскадронов из Севастополя в другие ближайшие города. 1-й эскадрон перешел в Бахчисарай, 3-й эскадрон в Ялту и 4-й в Балаклаву. 2-й эскадрон, Новороссийские эскадроны и «Петроградский» остались в Севастополе.

3-го августа командиром полка получены были шифрованные телеграммы. Командир лично их расшифровал и лично зашифровал ответ. Сообщил только, что ожидается серьезная военная операция и что надо приготовиться к выступлению.

Все эскадроны, бывшие в других городах, немедленно были вызваны в Севастополь.

Дело это считалось настолько важной тайной, что даже своим ближайшим помощникам командир полка тайны раскрыть до известного времени не хотел. Все же, когда у командира полка не хватало уже времени, чтобы самому справиться со всеми делами в связи с предстоящей боевой операцией, то пришлось поделиться своей тайной с ближайшими своими сотрудниками. Но тайна сама собой раскрылась; приезжавшие из штаба корпуса открыто говорили, что предстоит десантная операция по взятию города Одессы. План этой операции детально разрабатывался; полковн. Туган-М.-Барановский несколько раз ездил в штаб недавно приехавшего нового начальника гарнизона, где происходили совещания с командующ. Черноморским флотом.

4-го августа прибыло, наконец, обещанное обмундирование. Всем эскадронам и командам роздано было пропорционально по числу людей, но на руки выдавать временно не разрешалось до погрузки на транспорт. 6-го августа в день праздника Преображения началась погрузка на транспорт «Маргарита». В ночь с 7-го на 8-е августа «Маргарита» вышла в море и взяла курс на Одессу. На транспорте оказалось много «пассажиров», ехавших по разным делам в Одессу, как будто въезд в Одессу был совершенно свободен и не предстояло очень рискованной боевой десантной операции. У всех были разрешения от военных властей. Вот как сохранялась тайна!

9-го августа вечером транспорт «Маргарита» бросил свой якорь в 15-20 милях от берега окрестностей Одессы. К этому времени подошел и флот: наши русские корабли крейсер «Кагул» (переименов. в «Ген. Корнилов»), большой эскадренный миноносец «Поспешный» и малый старый миноносец «Живой». Подошла и английская эскадра: уже хорошо нам известный крейсер «Карадок», два больших эскадренных миноносца и четыре меньшего размера. В полночь «Маргарита» подошла еще ближе; от берега было всего 3-4 мили. Подошел плоскодонный тральщик «Роза» и пришвартовался к правому борту «Маргариты». Около 3-х часов ночи, уже 10-го августа, на «Розу» высадились 1-й эскадрон ротмистра Юрицына и 2-й эскадрон ротмистра Лесеневича. Эскадроны выстроились по обоим бортам тральщика, вид у эскадронов был отличный; хорошо одеты, бодрые, веселые лица; раздалось дружное пение.

«Пассажиры», наблюдавшие эту высадку, делились своими впечатлениями и восторгались видом и боевым духом славных Крымцев, которые через каких-либо полчаса может быть уже втянутся в жаркий бой с красноармейцами.

Первой задачей эскадронов было: подойти на «Розе» вплотную к берегу и как только тральщик «Роза» врежется в берег, выскочить и занять участок достаточной величины, чтобы обеспечить всем остальным эскадронам беспрепятственную высадку. Под общей командой ротмистра Юрицына дивизион произвел высадку у Сухого лимана приблизительно в одной версте к юго-западу от немецкой колонии Люстдорф. Ротмистр Юрицын сразу, развернув эскадроны, энергично повел их вперед, занял немецкую колонию Люстдорф и захватил стоявшую у колонии четырехорудийную 3-х дюйм. батарею с полной запряжкой и прислугой. Внезапное нападение «белых» для батареи было полной неожиданностью, но командир этой батареи доложил ротмистру Юрицыну, что весь личный состав батареи давно уже, как ждет прихода войск ген. Деникина, что все они рады нашему приходу и выразил желание сразу стать на нашу сторону и оказать нам поддержку. В 4 ч. утра началась общая высадка. Большое волнение на море помешало выгрузке лошадей. Весь полк высадился в пешем строю. Высаживались на баржах по 35-40 человек на каждой. Весь десант произошел быстро, в полном порядке и настолько неожиданно были заняты ближайшие с западной стороны Одессы окрестности, что в городе возникла паника; красные власти и гарнизон бежали. Появление такой внушительной эскадры у Одессы, конечно, имело очень большое значение, может быть даже решающее. Такой удачный успех десанта был следствием общего детального плана совместно составленного командующим морскими силами у Одессы и нашим командиром полка. В основу был

взят принцип неожиданности («удивить — победить»!). К нашему счастью раскрытие тайны, окружавшей Одсескую десантную операцию, происшедшее в Крыму, не коснулось Одессы.

Как только высадились все эскадроны, полковник Туган-М.-Барановский распределил всем задачи и началось наступление на Одессу. Везде жители нас приветливо встречали: особенно теплая встреча была проявлена в нем. колонии Люстдорф (Ольгино), около которой происходила высадка с транспорта. Всадники, драгуны и уланы Сводно-Драгунского полка наверное не забудут гостеприимство, проявленное жителями этой колонии утром 10-го августа 1919 года. Все чины полка смогли, хотя и наскоро, но хорошо позавтракать, что было важно, т. к. весь день и всю ночь на 11-е августа не было возможности подвезти продовольствие чинам полка.

Наступление велось несколькими колоннами:

1-я колонна, «Петроградский» эскадрон, ротм. Рубцова; вдоль моря через Аркадию, Ланжерон, Французский бульвар и далее к центру города.

2-я колонна, 2-й эскадрон ротмистра Лесеневича; через Большой-Фонтан по линии трамвая к главному вокзалу.

3-я и 4-я колонны, полковника Зотова и шт.-ротмистра Глазера под личным управлением полковн. Туган-М.-Барановского; через дер. Чубаевку по направлению к главной тюрьме. Оба эскадрона двигались уступом между 2-м и 1-м эскадронами.

1-й эскадрон составлял 5-ю колонну ротмистра Юрицына; направление на товарную станцию.

В резерве на расстоянии около 400 шагов за 3-м и 4-м эскадронами 5-й (Новороссийский) эскадрон ротмистра Ляшкова.

6-й (Новороссийский) эскадрон ротмистра Аладьина временно оставался у Сухого лимана как прикрытие полка со стороны Овидиополя.

Между колоннами успешно поддерживалась связь ординарцами на тех нескольких лошадях, на выгрузку которых согласился капитан «Маргариты», но без ответственности с его стороны. Каждому эскадрону было выдано по несколько планов города, на которых нанесены были квадраты с №№; такие же планы были и на всех кораблях. С берега подавался сигнал, указывающий какой квадрат необходимо обстрелять. К вечеру подошли к окраинам города. Полковн. Туган-М.-Барановский остановил полк. Вступать в такой большой и незнакомый город ночью было бы большим риском.

С рассветом, получив от всех командиров эскадронов донесение о том, как прошла ночь, командир полка приказал всем двигаться вперед. Штаб командира полка ночью находился возле тюрьмы; полк. Туган-М.-Барановский штабс-ротмистру Росницкому поручил проверить за что кто арестован и выпустить всех напрасно посаженных в тюрьму большевиками. Много было выпущенных, среди них выделялся старый с седой бородой бывш. начальник 15-й пехотной дивизии генерал Безрадецкий.

Эскадроны продвигались по главным улицам Одессы. Это было настоящее триумфальное шествие. Местные жители высыпали на улицу и восторженно приветствовали своих избавителей от большевистского ига; офицеров и солдат забрасывали цветами, кто кричал и смеялся от радости, а были и плакавшие от радости; не мало было и таких, главным образом юных девушек, подбегавших к строю и целовавших первого, к кому легче было подступиться. Особое впечатление производил колокольный звон; во всех церквах раздавался благовест.

Сразу представилось командиру полка несколько офицеров, остававшихся в Одессе, предложивших свои услуги, как хорошо знакомые с местной обстановкой; были у них документы, удостоверяющие их личность; производили они хорошее впечатление. Офицеры эти, главным образом один гусарский шт.-ротмистр, очень помогли нашему командиру полка, а также и командирам эскадронов. Без них трудно было бы ориентироваться, особенно в первое время.

По-видимому все население Одессы было уверено, что их город прочно уже занят войсками Добровольческой армии, но опасность контратаки со стороны красных еще не была устранена.

12-е и 13-е августа были очень тревожные. За товарной станцией со стороны ст. Гниляково подошли два бронепоезда и эшелон красноармейцев, начавших высаживаться из вагонов. Кроме Сводно-Драгунского полка других войск не было. Бывший в Одессе в дни большевиков генерал Розеншильд-Паулин в первый же день освобождения Одессы от красных явился полковнику Туган-М.-Барановскому и сообщил, что в его организации все уже готово для сформирования батальона. С согласия нашего командира, бывшего также начальником гарнизона, батальон действительно сразу собрался и готов был идти на передовую позицию. 1-й эскадрон ротмистра Юрицына, как ближайший к месту высадки красных, по тревоге выступил по направлению подошедшего эшелона. Остальным эскадронам приказано было быть в полной боевой готовности. По сигналу с берега на крейсер «Ген. Корнилов», с крейсера была дана очередь из его мощных орудий. Снаряды попали точно в ука-

занный квадрат; еще одна очередь и у красных началась паника; красная пехота стала поспешно садиться в вагоны и эшелон отошел в северо-западном направлении, а за ним и бронепоезда покинули пределы Одессы.

Чествования «отряда, освободившего Одессу от большевиков», продолжались. В «Лондонской» гостинице устроен был банкет, на который были приглашены все офицеры полка; устроен был сбор денег для того же «отряда»; правление Яхт-Клуба приглашало наших офицеров посещать Клуб на правах действительных членов Клуба и еще много разных знаков внимания было проявлено одесситами. Но не только от жителей Одессы была проявлена благодарность; была получена телеграмма от Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России, в которой генерал Деникин благодарил нашего командира полка полковника Туган-Мирза-Барановского за блестяще проведенную операцию по взятии города Одессы, а участников за проявленные храбрость и энергию.

17-го августа по случаю приезда командира корпуса генерала Шиллинга в Кафедральном соборе был отслужен благодарственный молебен, а после молебна состоялся парад, который был принят ген. Шиллингом. Участвовали в параде моряки с крейсера «Ген. Корнилов» со своим оркестром, затем весь Сводно-Драгунский полк в составе четырех эскадронов Крымцев, двух эскадронов Новороссийцев и одного эскадрона С.-Петербургских («Петроградских») улан; за уланами прошел взвод артиллерии со своими орудиями и зарядными ящиками. Этот взвод не по своей вине опоздал к дессанту; ему следовало прибыть к десанту из Херсона, но Одесса была занята раньше Херсона. Все эскадроны полка представились отлично. В награду за взятие Одессы было пожаловано командиром корпуса по два Георгиевских креста на эскадрон. Три батареи (12 орудий), взятые 1-м и 2-м эскадронами рано утром 10-го августа 1919 года и заявившие о своем желании присоединиться к Добровольческой армии, в параде не участвовали, но им было обещано, что батареи станут основой новых артиллерийских формирований.

Так как полковник Туган-Мирза-Барановский на основании приказа Командующего войсками Новороссийской области помимо должности командира полка временно исполнял также должности начальника гарнизона, градоначальника, а одно время до приезда ген. Шиллинга еще и командующего войсками Новороссийской области, то со всеми этими должностями уже не было возможности справиться; поэтому полковн. Туган-М.-Барановский на время пребывания полка в Одессе передал командование полком полковнику Бако. Начальником штаба гарнизона полковн. Туган-М.-Барановский назначил скрывавшегося от большевиков в Одессе полковника Апухтина, одно время числившегося в списках полка. В Одессе был получен радостный для Крымцев приказ Главнокомандующего В.С.Ю.Р от 10-го августа о выделении

Крымцев из состава Сводно-Драгунского полка в свой отдельный полк. Заключительные слова приказа свидетельствовали, что полк действительно уже сформирован: «Крымский Конный полк шестиэскадронного состава считать сформированным». Командир Крымского Конного полка назначался полковник Туган-Мирза-Барановский. Новороссийцы и Петроградцы образовали Сводно-Драгунский полк.

Гарнизон Одессы постепенно увеличивался. Происходили новые формирования, восстанавливались кадры старых Императорских частей; патриотический подъем в Одессе был на большой высоте и части быстро пополнялись добровольцами, а также и мобилизация проходила успешно. Крымский Конный полк также хорошо пополнил свои ряды. Получением по мобилизации некоторого количества лошадей стало возможным посадить на коней до 45-ти всадников 1-го эскадрона. Пулеметная команда была перевооружена новыми пулеметами «Максима». В полку велись занятия, главным образом тактического значения. Коренной состав г.г. офицеров увеличился прибытием корнета фон Фе, до сего времени находившегося в Кавказской армии. Еще до взятия Одессы, в Севастополе прибыл в полк прапорщик Осман Мемет Ресуль, в 1917 году произведенный за боевые отличия в этот чин; теперь в связи с отменой в «В.С.Ю.Р.» чина прапорщика все прапорщики были переименованы в чин корнета или подпоручика; на этом основании прапорщик Ресуль был переименован в корнеты; все остальные в полку прапорщики были также переименованы в корнеты или, если были офицерами других войск, то в подпоручики с тем, что в случае их официального перевода в кадровый состав полка, они будут зачислены по кавалерии и опять переименованы в корнеты.

В полку с самого начала его включения в состав Добровольческой армии было установлено, что все прикомандированные к полку г.г. офицеры после шестимесячного пребывания в полку могли подать рапорт о переводе их в кадр г.г. офицеров полка; перевод решался общим собранием г.г. офицеров полка и согласием командира полка.

В июле 1919 года в Севастополе общим собранием г.г. офицеров были приняты в полк находившиеся в прикомандировании к полку поручики:

4-го гусарского Мариупольского Императрицы Елисаветы Петровны полка Кононов Николай Николаевич и

6-го драгунского Глуховского Императрицы Екатерины Великой полка Ватель Сергей Антонович.

В августе 1919 года тем же собранием были приняты в полк прикомандированные к полку г.г. офицеры:

Поручик Кондоиди (из запаса, бывший коренной офицер Лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка);

Корнет Глинястый Николай Михайлович (6-го Заамурск. конн. полка);
» Джаксон Дмитрий Львович (10-го Погран. конного полка);
» Александров (Стрелкового полка 10-й кавалерийской дивиз.);
» Пылков (выпуска 1917 г. из Елисаветгр. кавал. училища);
» Веригин (из конной артиллерии).

В первых числах сентября по прибытии в Одессу градоначальника, коменданта города и начальника гарнизона, полковник Туган-Мирза-Барановский, освободившись от всех временно исполнявшихся им должностей, снова принял свой полк.

8-го сентября Крымский Конный Полк во главе со своим командиром полковником Туган-Мирза-Барановским выступил по жел. дороге на фронт.

За неделю до выступления Крымцев на фронт, были выдвинуты на станцию Затишье Новороссийские эскадроны под командой ротмистра Ляшкова. Действующего фронта еще не было; всем войскам было строжайше запрещено при встрече с войсками Украинской народной республики вступать с ними в боевые столкновения. Перед Новороссийскими драгунами на следующей станции по направлению на ст. Бирзула стоял отряд войск Украинской народной республики (Петлюровцев). Выяснилось, что начальником этого отряда состоит полковник Аркас, друг и однокашник ротмистра Ляшкова по училищу. Установились добрососедские взаимные дружеские отношения. Но продолжались такие дружеские отношения недолго. Через три или четыре дня по прибытии на ст. Затишье Новороссийцы, никак не ожидавшие какого-либо нападения, спокойно пользовались послеобеденным отдыхом, как вдруг на станцию на полном ходу влетел бронепоезд, из которого повыскакивали вооруженные гайдамаки и моментально все отдыхавшие драгуны были взяты в плен. Доблестный ротмистр Ляшков застрелился; кой-как избежавшим плена удалось отбиться и бронепоезд поспешил удалиться со ст. Затишье. Это предательское нападение послужило сигналом для открытия военных действий против войск Украинской народной республики. Генерал Деникин отдал приказ немедленно перейти в наступление на всем фронте, занятом украинскими войсками. Главному командованию «В.С.Ю.Р.» не удалось избежать этого столкновения.

Крымцы высадились на ст. Мардаровка 9-го сентября вечером. В час ночи полк выступил в район Окны - Бирзула - Григориополь - Дубоссары, где разбойничали грабительские банды. По ликвидации этих банд, полк с приданными ему двумя пушками 8-й батареи 4-й артиллерийской бригады прибыл

в село Слободзею, где вошел в состав Днестровского отряда ген. Розеншильд-Паулина. Пешие эскадроны (Сводный, состоявший из пеших всадников конных эскадронов, и 2-й) были командированы в распоряжение командира Сводно-Драгунского полка по правую сторону железной дороги Одесса - Бирзула-Жмеринка. Конные эскадроны (3-й, 4-й и не полный 1-й) с двумя орудиями составили особую группу во главе со своим командиром полка, предназначенную действовать левее железной дороги на Жмеринку, обеспечивая левый фланг Днестровского отряда. 15-го сентября в конной атаке, лично веденной командиром полка, было взято село Круты. 16-го сентября противник повел наступление на село Плоть, вытеснив оттуда наш разъезд. Командир полка повел полк в обход противника, занявшего село Плоть; 3-м и 4-м эскадронами атаковал противника с тыла, а 1-м эскадроном с фланга. Противник обратился в бегство, оставив в наших руках большое войсковое имущество, взято было около сорока пленных; все пленные, жители населенных пунктов, находящихся в нашем тылу, по сдаче оружия и казенного имущества отпускались домой, а остальные отправлялись в тыл.

Наступление «Петлюровцев» на фронте Днестровского отряда продолжалось и 17-го сентября. Крымцам было приказано действиями на левом фланге отряда остановить наступление противника. На самом левом фланге нашего полкового фронта село Лабушна было занято сильным отрядом неприятеля. Необходимо было захватить это село и разбить находящегося там врага, а затем выйти в тыл «Петлюровцам», наступавшим на части Днестровского отряда. 18-го на рассвете полк выступил на Лабушну. Командир полка решил применить свой обычный маневр обхода. Обход был совершен с правого фланга, а затем красивой лихой конной атакой 3-го и 4-го эскадронов при поддержке 1-го эскадрона с. Лабушна была захвачена; упорно защищавший ее 11-й «Петлюровский» пехотный полк почти полностью был уничтожен, около ста человек взято в плен, среди которых было несколько офицеров; захвачено два пулемета. Это дело помещено было в сводке штаба Главнокомандующего В.С.Ю.Р.: «Полковником Туган-Мирза-Барановским в конной атаке взято село Лабушна, при чем уничтожен весь 11-й полк противника, частью изрублен, частью захвачен в плен». После боя у Лабушны полк продолжал выполнять свою задачу. 19-го сентября полк продолжал наступление. Около 12 часов дня навстречу полку вышли конные части, приблизительно два эскадрона. Развернув наши эскадроны, полковник Туган-Мирза-Барановский повел их в атаку, но Петлюровская конница атаку не приняла и полевым галопом ускакала за дер. Писаревка, которая была немедленно нами знята; к 2-м часам дня полк двинулся на дер. Сербы и в 5 ч. 30 м. деревня Сербы была взята, как обычно, обходным движением, каковое вероятно было крайне неприятно нашим врагам.

Наступление неприятеля на фронте Днестровского отряда было остановлено и наши части перешли в контрнаступление. В деревне Сербы полку была дана дневка. 20-го и 21-го августа полк оставался в дер. Сербы, ведя лишь разведку перед фронтом. 22-го сентября в 5 ч. 30 м. утра полк выступил на село Бештанков, которое было занято нами обычным нашим маневром обхода; «Петлюровцы» спешно отошли, несмотря на их численное превосходство. 23-го сентября 4-й эскадрон с приданным ему бронеавтомобилем был послан в село Студеное. Разъезд 4-го эскадрона донес, что Студеное занято пехотой противника. Командир 4-го эскадрона ротмистр Глазер, развернув эскадрон лавой, повел его на с. Студеное; броневик «Кречет» по дороге въехал в село и открыл огонь по бывшим в селе «Петлюровцам», которые поспешили спастись бегством. 24-го сентября неприятель крупными силами двинулся к Студеному со стороны дер. Димитрашевка и м. Песчанка. 4-й эскадрон вынужден был оставить с. Студеное и присоединиться к полку, выступившему навстречу неприятельским колоннам. Два орудия противника, выехавшие на открытую позицию, стали обстреливать Крымцев шрапнельным огнем. Командир полка приказал нашему артиллерийскому взводу сбить неприятельскую артиллерию и поддержать своим огнем действия полка. 1-й эскадрон был двинут в обход села Студеное, за ним последовал 3-й эскадрон, а 4-й, при котором находился командир полка, был направлен прямо на Студеное. Одновременной атакой с фронта и с фланга с. Студеное было взято. Противник, преследуемый Крымцами, отступил на м. Песчанка. В этом бою следует отметить блестящую работу артиллерийского взвода и броневика «Кречет».

25-го сентября с рассветом начался бой у м. Песчанка. Условия местности и укрепленное расположение противника затрудняли действия в конном строю; эскадронам пришлось спешиться и при поддержке, ставшего уже совсем своим, артиллерийского взвода, вести наступление в пешем строю. К полудню удалось выбить противника из местечка. В Песчанке захватили автомобиль с двумя штабными офицерами; пленных было мало, т. к. «Петлюровцы», также поддержанные своей артиллерией, более сильной, чем наша, смогли отступить в порядке. После ночлега в Песчанке рано утром 26-го сентября на основании полученного приказа полк выступил по направлению к деревне Христище; по сведениям штаба деревня была свободна от противника, однако высланные наши разъезды были обстреляны из деревни успевшим занять ее неприятелем. Шедший головным 1-й эскадрон, вместе с броневиком и двумя пулеметами, втянулся в бой с вышедшими навстречу цепями «Петлюровцев»; огнем наших пулеметов наступление противника было задержано; неприятель отошел к окраине деревни, где засел в бывших у д. Христище окопах. Подошедшие 3-й и 4-й эскадроны также спешились; 3-й эскад-

рон занял участок в первой линии правее 1-го эскадрона, а 4-й остался в резерве. Целый день противник упорно держался, но к вечеру общими усилиями неприятель был выбит из окопов и вытеснен из деревни в смежный с Христищем лес. Оставив в Христище заставы, полк перешел на ночлег в Песчанку. 27-го сентября приказом командующего Днестровским отрядом все части отряда задерживались на занятых рубежах. Крымскому Конному полку приказано оставаться в Песчанке, высылая лишь один эскадрон в Христище.

30-го сентября после незначительной перестрелки полковником Зотовым с 3-м эскадроном занята была деревня Горячковка.

1-го октября противник на всем фронте войск Новороссийской области перешел в наступление, нанося главный удар между правым флангом Днестровского отряда и левым флангом группы войск генерала Слащева.

Противник сосредоточил максимально возможные силы и, обходя фланги, стал теснить части войск Новороссийской области. В час ночи 2-го октября полку приказано отойти в дер. Сербы, куда полк прибыл в 9 часов утра. В 11 часов утра получено сообщение, что соседняя воинская часть полковника Стояхина отходит под давлением противника. Весь день и всю ночь на 3-е октября Крымцы оставались в районе деревни Сербы, ведя усиленную разведку и своими демонстративными действиями на фланге задерживали наступление «Пелюровцев». 3-го октября по приказанию командующего Днестровским отрядом полк перешел в с. Круты. Проходя через с. Лабушну отдельные всадники и артиллеристы подвергались нападению местных жителей. Настроение этого села было явно враждебное. В Крутах был получен приказ удерживать село, а 5-го октября было приказано подготовиться к переходу в наступление 6-го октября.

Все это последнее время, т. е. весь сентябрь месяц, была отличная погода; было тепло и безветренно; люди не нуждались в теплой одежде, но уже с первых чисел октября погода испортилась, появились ветры и стало значительно холоднее; теплой одежды почти ни у кого не было, и у всадников и артиллеристов появились больные, был даже случай заболевания тифом. Командир полка и раньше уже требовал выдачи полку теплых вещей, но теперь вновь требовал с указанием на грозящую опасность от их отсутствия. Это требование имело успех; хотя и с запозданием, когда уже начались морозы, но все же вещи были получены и даже почти в достаточном количестве.

5-го октября присоединились к полку эскадроны, бывшие в прикомандировании к Сводно-Драгунскому полку. За время пребывания в командировке эскадроны участвовали во многих боях и заслужили благодарность своих временных начальников. В ночь с 18 на 19 сентября эскадроны под командой своих смелых и решительных командиров ротмистра Юрицына и ротмистра барона Палена ворвались в село Большие Крикливцы и разгромили

находившийся в селе неприятельский батальон; многих перекололи, но большинство взяли в плен. 22-го сентября после упорного боя с превосходящим в силах противником взяты были села Лободолуг и Слободолуг; неприятелю нанесено жестокое поражение: большие потери, без счета пленные, два пулемета, много разного войскового имущества. Потери эскадронов были сравнительно небольшие. Ранен был командир 2-го эскадрона ротмистр барон Пален и корнет Миронов. Ротмистр барон Пален был коренным офицером лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка, перед 1-й Мировой войной ушел в запас; по мобилизации поступил в 13-й драгунский Военного Ордена полк, с которым провел всю Мировую войну и заслужил орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени.

В назначенный день для наступления 6-го октября на заре полк выступил по направлению на село Лабушна. Сбив передовые разъезды и сторожевые заставы, полк подошел к селу Лабушна, которое было занято небольшим конным отрядом; при виде 4-го эскадрона, обходящего Лабушну, конный отряд «Петлюровцев» поспешил оставить село. Разъезд 4-го эскадрона захватил в плен дозор в три конных «петлюровца». Местные жители Лабушны пытались оказать вооруженное сопротивление и стреляли из винтовок и пулемета. По занятии полком села, все мужчины, способные действовать оружием, были арестованы и им было предложено под страхом строгих репрессий сдать все имеющееся у них оружие. После недолгих колебаний было сдано около ста винтовок и два пулемета. 7-го октября из Лабушны полк выступил в д. Сербы через Писаревку. Разъезд 3-го эскадрона захватил в плен дозор, двух кавалеристов с двумя лошадьми. В 2 часа дня полк вступил в Сербы, которая была занята нашими разъездами, вытеснившими из деревни разведывательные партии противника; наши разведчики захватили в плен еще четырех кавалеристов, но только при одной лошади.

8-го октября в 12 часов дня полк выступил для занятия села Студеное. Наша разведка обнаружила в Студеном отряд пехоты и конницы, по сведениям от жителей около роты и эскадрона. Около 4 часов дня, завязался бой. Противник открыл сильный огонь из пулеметов. Наши пешие эскадроны при поддержке артиллерийского взвода были двинуты с фронта, а конные эскадроны атаковали Студеное с обоих флангов. «Петлюровцы» после довольно слабого сопротивления оставили Студеное, которое немедленно занято было нами.

9-го октября по приказу Командующего Днестровским отрядом полк выступил по направлению на дер. Димитрашевку с целью дальнейшего движения в тыл противника. Разъезды донесли, что Димитрашевка не занята неприятелем и в 12 часов дня полк вступил в Димитрашевку. Из Димитрашевки было выслано несколько разъездов. Сведения от нашей разведки, а также

и от агентурной, сводились к тому, что противник потерпел неудачу в своей попытке разбить части войск Новороссийской области и что теперь происходит отступление на всем фронте с надеждой на подход резервов из Западной Украины (Галиции). Войска Народной республики Украины сильно потрепаны, но не разбиты и еще имеются боеспособные войсковые соединения. 10-го октября после довольно слабой перестрелки была занята дер. Горячковка. Не задерживаясь в ней, полк двинулся дальше на м. Мясковка, где полк расположился на ночлег. 11-го октября получено приказание идти на мест. Комар-Город. В 7 часов утра полк выступил в указанном направлении.

По выходе из Мясковки разъезд 3-го эскадрона донес, что со стороны Антоновки через Андриашевку двигается большая колонна при 12-ти орудиях. Как потом выяснилось, это была 8-я «Пелюровская» дивизия (одна из боеспособных), отступавшая на Мясковку и далее на северо-запад. Дивизия была атакована полком. Передовые части дивизии были смяты и отступили в беспорядке, но большое превосходство в силах у противника позволило ему перейти в контратаку. В дивизии насчитывалось около 3.000 штыков при 11-ти орудиях. Весь день шел упорный бой. «Петлюровцы» стали охватывать наши фланги. Пешие эскадроны под командой ротмистра Юрицына и капитана Батыренко, заменившего раненного ротмистра барона Палена, стойко держались. На помощь им подошли спешившиеся конные эскадроны: 3-й полковника Зотова и конная часть 1-го эскадрона поручика Кононова. Только 4-й эскадрон оставался на конях. Местность была пересеченная, лесистая и крайне неудобная для действий в конном строю. «Петлюровцы» сильно нажимали, особенно на правый фланг капитана Батыренко. Нашим цепям пришлось постепенно отходить; был момент, когда подошедшим новым частям противника удалось подойти к дороге, по которой отходил наш артиллерийский взвод. На этот раз с артиллерийским взводом был командир всей 8-й батареи полковн. Стоякин. Видя опасное положение своих орудий, не ожидая помощи своих соратников, он поставил пушки на открытую позицию и встретил наступающих врагов картечным огнем. «Петлюровцы» отхлынули назад, но уже был готов 4-й эскадрон, который во главе со своим командиром ротмистром Глазером, несмотря на все невыгоды местности, атаковал в конном строю обходящий левый фланг противника, смял его, многих порубил, затем проскакал в тыл врага и ударил по 3-му Гайдамацкому (Петлюровскому) полку, стоявшему в резерве в полной боевой готовности; от неожиданности в паническом страхе гайдамаки толпой бросились в гущу леса, около которого стояли, и только в догонку эскадрону гайдамаки, считавшиеся лучшим полком в дивизии, открыли беспорядочную стрельбу. Во всей дивизии произошло замешательство. Воспользовавшись этим, командир полка приказал эскадронам ротмистра Юрицына и кап. Батыренко оторваться от противника,

идти на помощь артиллеристам и затем в Горячковку. Полковн. Стоякин смог вывести свои орудия под прикрытием наших пеших эскадронов. 3-й эскадрон и конная часть 1-го эскадрона еще оставались недолго на занятом рубеже для прикрытия отходивших эскадронов и артиллерийского взвода, затем по приказанию командира полка сразу оторвались от врага, сели на коней и прибыли в Горячковку, где собрался весь полк.

Полковник Туган-Мирза-Барановский не одобрял стремление драться до последнего патрона. Как только намечалось, что мы не в силах преодолеть противника, он предпочитал сразу оторваться от врага, отойти на заранее намеченный рубеж и затем перейти в контратаку с обязательным охватом флангов. Продолжение боя у Мясковки вылилось бы лишь в добавочном несении больших напрасных потерь. Бой у Мясковки 11-го октября был самым упорным и ожесточенным из всех уже бывших боев на «Петлюровском» фронте, в которых участвовали Крымцы. Противнику у Мясковки нанесен был большой урон, но и в полку были большие потери, около 12% чинов полка выбыло из строя; в офицерском составе убит корнет Шпаковский и ранен корнет Иорданов. Почти всегда нам приходилось иметь дело с противником значительно превосходящим нас в силе, но никогда еще не было такого ожесточения и чувства взаимной вражды; все же «Петлюровцы» были тоже врагами большевиков, что до некоторой степени смягчало взаимные вражеские чувства противников.

В Горячковке полк стал на ночлег. Были выставлены сторожевые заставы и выслана разведка.

12-го октября перед рассветом полк выступил из Горячковки и неожиданно атаковал Мясковку. Бывшие там «Петлюровцы» поспешили отойти в Андриашевку, где находились главные силы противника, принимавшего накануне участие в бою у Мясковки.

Командир полка не повел в этот день дальнейшего наступления и остановил полк в Мясковке. Командование Днестровского отряда, встревоженное усилением противника на фронте полка, обещало прислать подкрепление. Ожидалось прибытие 2-го Таманского конного полка Кубанского Казачьего войска в составе четырех конных и двух пеших сотен и при двух орудиях той же батареи, что и бывшие при Крымском Конном полку. Высланные разъезды выяснили, что деревни Андриашевка и Антоновка заняты противником, но некоторую часть своих сил «Петлюровцы» увели в м. Томашполь. Весь день 12-го октября шел дождь и дороги стали сплошным болотом.

13-го октября с утра началось наше наступление совместно с прибывшим 2-м Таманским полком, который был подчинен полковнику Туган-Мирза-Барановскому. Крымцы повели наступление на Андриашевку, а Таманцы

на Антоновку. Наступление велось комбинированными действиями в пешем и в конном строю. Со стороны Андриашевки было оказано упорное сопротивление и все наши атаки были отбиты. Таманцы смогли выбить противника из Антоновки, но «Петлюровцы» перешли в контратаку, оттеснили Таманцев в исходное положение и захватили у них две пушки, застрявшие в грязи. В этом бою был ранен командир 2-го Таманского полка войсковой старшина Додонов. Т. к. у Таманцев некем было заменить раненого командира, то спешно был вызван для временного занятия должности командира 2-го Таманского полка ген. штаба полковник Апухтин, бывший начальник штаба у полковника Туган-Мирза-Барановского в Одессе. На следующий день 14-го октября группа полковника Т.-М.-Барановского снова атаковала противника. Перед рассветом Крымцы, зайдя во фланг «Петлюровцам», расположенным в Андреяшевке, легко с двух сторон взяли деревню; противник серьезного сопротивления не оказал. Также и Таманцы заняли Антоновку и вернули свои орудия, так и оставшиеся застрявшими в грязи. Выдвинуты были вперед разъезды. Рано утром 15-го октября штабс-ротмистр Лихвенцов со своим разъездом атаковал неприятельскую заставу на опушке леса у дер. Савчино. Застава разбежалась и скрылась в лесу; 5 человек было взято в плен, оказались они солдатами 6-й «Петлюровской» дивизии. Корнет Кибальченко с разъездом зашел в тыл «Петлюровцев», захватил в плен артельщика «Конной батареи Алмазова», который на телеге вез хлеб для своей батареи; со взятой телегой с хлебом, двумя лошадьми, с артельщиком и ездовым разъезд корнета Кибальченко благополучно присоединился к полку. Разведкой выяснено, что противник из Томашполя уходит в направлении на Могилев-Подольск, но в деревне Савчино сильный отряд для прикрытия отступления оставлен. Действительно; с наступлением сумерок попытка с налета выбить противника из Савчино встречена была упорным сопротивлением. Зато 16-го утром деревня Савчино была занята нами без выстрела. Неприятельский отряд спешно отошел в сторону Могилева-Подольского. Таманцам приказано наступать на Комар-Город и Томашполь. Крымцам — занять село Игнатково и произвести разведку района Игнатково - Яланец - Ямполь и выбить из этого района противника, если таковой там окажется.

18-го октября утром с. Игнатково было занято 3-м эскадроном полковника Зотова, которому также была дана задача обследовать район села Яланец и города Ямполь. Противник нигде не задерживался и отступил по направлению на Могилев-Подольск.

Хотя наше наступление развивалось успешно, но фронт становился все шире, а личный состав полка все уменьшался. Пополнений никаких не прибывало. Поступать по примеру частей Добровольческой армии, пополнявших свои ряды пленными красноармейцами, на «Петлюровском» фронте бы-

ло невозможно. Здесь не было борьбы идей (красных и белых), тут был вопрос чисто народный; нельзя было пленных «Петлюровцев» - украинцев заставлять идти против своих же братьев украинцев. На настойчивое требование командира полка о присылке пополнения из штаба «Войск Новороссийской области» был ответ с предложением сформирования запасного эскадрона, который обеспечит регулярное пополнение полка. Только в Симферополе имело смысл формировать запасный эскадрон; там находился выздоравливающий после болезни полковник Бако; ему было поручено командиром полка организовать формирование запасного эскадрона, а командиром этого эскадрона назначался шт.-ротм. ван Воорендейк.

В хозяйственном отношении во многом полк был в зависимости от разных обстоятельств, связанных с Симферополем, где командир полка приказал заведующему хозяйством полковнику Петропольскому основать главную базу полка. Непосредственный полковой базой на фронте после выступления из Одессы заведывал полковник Мартыно; тут-же находился также обоз 2-го разряда, начальником которого состоял поручик Борис Лесеневич 3-й; эта база находилась на одной из ближайших к фронту железнодорожных станций, но т. к. расстояние от Симферополя до ст. Крыжополь, где в середине октября находилась база, было огромное, да еще с таким большим препятствием, как Черное море, то в Одессе командир полка установил промежуточную базу, заведывание которой поручил старому Крымцу полковнику Константину Давыдовичу Каллингу, бывшему в полку командиром 3-го эскадрона, а затем командиром 2-го Полевого жандармского эскадрона в Варшаве. Снабжение полка продовольствием и боевыми припасами было хорошо налажено стараниями начальника передовой базы, начальника обоза 2-го разряда, а также и начальника обоза 1-го разряда и заведующего оружием поручика Георгия Лесеневича 2-го. Упомянув о братьях Лесеневичах 2-м и 3-м, как раз кстати надо упомянуть и о старшем брате ротмистре Петре Лесеневиче 1-м, вернувшимся в полк по излечении от болезни и снова принявшим свой 2-й эскадрон, который еще представлял собой внушительное боевое подразделение; что касается 1-го эскадрона (пешей его части), то от него осталось около полувзвода, т. к. большинство людей эскадрона ушло на пополнение конной части эскадрона, а также и других конных эскадронов.

19-го октября разъезды выяснили, что противник отступает по всему нашему полковому фронту, но 20-го октября предполагавшийся переход в д. Вилы не мог состояться, т. к. получены были сведения, что в дер. Стена прибыл отряд пехоты с четырьмя орудиями; создалась опасность удара в наш фланг и тыл в случае нашего похода на Вилы, поэтому приходилось сперва ликвидировать эту опасность. Деревня Стена была защищена крутым и глубоким оврагом. Командир полка приказал 2-му эскадрону с четырьмя пуле-

метами наступать на деревню Стена при поддержке нашего артиллерийского взвода, которым теперь командовал капитан Голов, т. к. полковник Стоякин, встревоженный случаем с его орудиями при 2-м Таманском полку, поехал для выяснения обстоятельств этого случая и для проверки исправности орудий. 1-му (конной части) и 4-му эскадронам приказано было обойти овраг и с обоих флангов атаковать защищавшего деревню Стена противника. Крутой и глубокий овраг заставил наши эскадроны потерять много времени, чтобы его преодолеть; 1-му эскадрону удалось переправиться на другую сторону оврага раньше 4-го эскадрона и под командой корнета Кокораки 1-й эскадрон (конная часть) атаковал в конном строю левый фланг «Петлюровцев», оборонявших д. Стена; этой атакой бой был решен в нашу пользу. 2-й эскадрон доблестно наступал на противника, но встретил очень сильное сопротивление, особенно мешала наступлению неприятельская батарея. Нашему полковому адъютанту по вспышке удалось обнаружить место стоянки батареи, о чем он тут же сообщил капитану Голову, который, дав несколько метких очередей по неприятельской батарее, заставил ее замолчать. 2-й эскадрон, получив такое основательное облегчение, поддерживаемый своими пулеметами и артиллерийским взводом, смело бросился вперед, а в это время произошла и конная атака корнета Кокораки с 1-м эскадроном. Победа была на нашей стороне. Противник в полном беспорядке спешно отступал. 2-й эскадрон понес большие потери; выбыло из строя двенадцать человек, т. е. около 20-ти процентов наличного состава эскадрона. В 1-м эскадроне тяжело ранен и эвакуирован корнет Осман Мемет Ресуль. День 20-го октября был, хотя и прохладный, но приятный, безветренный, но в ночь на 21-е подул морозный ветер и поднялась сильная снежная вьюга. Уже с утра появились снежные заносы. Полку надо было рано утром выступать на дер. Вилы; переход этот был крайне тяжелый, несколько раз в снежных сугробах застревали орудия, приходилось припрягать лишние уносы к орудиям и зарядным ящикам, приходилось помогать и вручную. Шестиверстный переход был совершен в течение четырех часов. Вилы были оставлены противником, что дало возможность всем немного отдохнуть после, хотя и малого, но весьма тяжелого перехода. 3-й эскадрон накануне вечером присоединился к полку, выполнив свою задачу по разведке района Игнатково - Яланец - Ямполь. Помимо доклада о результате разведки, полковник Зотов сообщил, что все местные жители утверждают, что «Петлюровцы» готовятся к переправе через Днестр у Могилева - Подольска в Румынию. Агентурная же разведка сообщает совсем иное: не для перехода в Румынию происходит движение войск Петлюры к Могилеву - Подольскому, а с целью собрать ударную группу для нанесения решительного удара по нашему левому флангу, затем зайти в тыл нашим главным силам, разбить их, отбросить остатки к Одессе и закончить войну

с противобольшевитскими русскими войсками. На нашем фронте кроме 8-й дивизии оказалась и 6-я, считавшаяся лучшей в армии народной республики Украины. Будто бы поджидался подход 1-й Сечевой стрелковой дивизии (Галичан). Высланные разъезды подтвердили, что все ближайшие села и деревни заняты противником. Несомненно ожидались крупные действия неприятеля.

22-го октября около 11 ч. утра противник перешел в наступление двумя своими лучшими полками (Дорошенковским и Богдановским) при сильной артиллерийской поддержке. Первая атака противника была отбита с большими для него потерями и «Петлюровцы» отошли в исходное положение. 4-й эскадрон по глубокому снегу атаковал отходящие цепи, которые приняли атаку и встретили эскадрон огнем, но были разбиты и порублены эскадроном, который тоже понес не малые потери; был убит поруч. Соколов и несколько всадников было ранено. Готовились в полку к новому нападению «Петлюровцев» и, действительно, приблизительно через полтора часа противник повторил атаку, но уже более густыми цепями, как потом выяснилось, наступала вся 6-я дивизия, имея в резерве 8-ю. Занимавшие деревню Антоновка, к северо-востоку от дер. Вилы, Таманцы, обойденные с фланга, вынуждены были отойти от Антоновки, после чего «Петлюровцы» всеми силами обрушились на Крымцев, охватывая оба их фланга. Крымцы всем полком в пешем строю стойко держались. Против наступавшего противника блестяще действовали пулеметы ротмистра Давыдова. Все пулеметы заранее получили свои секторы огня, пересекающие один другого и общий пулеметный огонь скашивал наступавшие цепи, но подходили новые цепи; мы также несли потери. Командир полка находился на совершенно открытом месте, наблюдая за ходом ожесточенного боя; около него находились, как обыкновенно и в других случаях, его ближайшие в бою помощники, в том числе и личный ординарец командира вольноопр. старший унтер-офицер Эмиров, который предвидя возможную необходимость спасти командира, подошел к нему и стал справа на полшага сзади, но не прошло и минуты, как Эмиров был убит, не успев произнести ни одного слова. Сильное упорство, значительно превосходящего нас в силе противника, заставило полковника Т.-М.-Барановского отдать приказ об отходе по направлению на Томашполь. Отход был совершен в полном порядке, в первую очередь артиллерийским взводом, расстелявшем все свои шрапнели и гранаты.

Штаб отряда находился на ст. Вапнярка, где стояло и два бронепоезда. Сильно отодвинувшийся назад и загнувшийся наш левый фланг оказался совсем близко от штаба. Командующий войсками отряда полковн. Гвоздаков, конечно обеспокоенный таким положением, приказал закрепиться и удерживать занятый рубеж; обещал прислать подкрепления; в первую очередь подошли две роты: 11-я рота 1-го Симферопольского полка и Житомирская рота

Сводного батальона 14-й пехотной дивизии. На главном направлении на ст. Жмеринка и на г. Проскуров, оказывается, действовал доблестный, хорошо нам знакомый и «земляк» 1-й Симферопольский офицерский полк. В столь ожесточенном бою у дер. Вилы, хотя мы понесли потери, но по сравнению с потерями наших врагов, наши потери незначительны, чему мы обязаны главным образом отличной работе наших пулеметов и довольно плохой стрельбе неприятельской артиллерии. В 1-м эскадроне был ранен корнет Дрига; больше всего было потерь в 4-м эскадроне. Следуя своему правилу полковник Т.-М.-Барановский предполагал переходить в контрнаступление, но против этого был полк. Гвоздаков, рекомендовавший дождаться прихода подкреплений и лишь тогда перейти к активным действиям.

23-го октября противник не возобновил своих попыток разбить наши войска на левом фланге. Стремясь обойти наш левый фланг с целью зайти в тыл и разбить наши главные силы, «Петлюровцы» свой фланг сами подставили нашим войскам Новороссийской области; потерпев там неудачу, теперь были озабочены общим их положением. Окончательное поражение Петлюры было несомненно в ближайшем будущем. Теперь наше командование собиралось нанести сокрушающий удар собравшейся у Могилева - Подольского группе Петлюровских войск. Вот поэтому полковник Туган-М.Барановскому даны были новые инструкции и новое назначение: оставаясь командиром Крымского Конного полка, он назначался начальником отряда, получившего название «Днестровский», в который должны были войти кроме Крымского Конного полка еще 2-й Таманский конный полк Кубанского казачьего войска, 2-й Лабинский конный полк Кубанского казачьего войска, конвой ген. Слащева (две сотни) 11-я рота 1-го Симферопольского офицерского полка, Житомирская рота Сводного батальона 14-й пехотной дивизии и четыре орудия 8-й батареи 4-й артиллерийской бригады (два орудия при Крымском Конном полку и два орудия при 2-м Таманском полку). Обещанные еще другие подкрепления были настолько анекдотичны, что были за ненадобностью возвращены обратно и о них не стоило и вспоминать. 23-го октября противник не проявлял никакой активности. 24-го октября есаул Мезерницкий с конвоем ген. Слащева (две сотни) и двумя сотнями 2-го Лабинского конного полка Кубанского казачьего войска получил особую задачу обхода правого фланга противника. Остальные 4 сотни 2-го Лабинского полка со своим командиром еще не прибыли. 25-го октября все части отряда полк. Т.-М.-Барановского (новый «Днестровский») выступили для занятия района д. Антоновки, которая оказалась свободной от противника. 3-й эскадрон, посланный на д. Вилы, занял эту деревню; также и из д. Вилы противник ушел.

26-го октября полк в составе всего отряда выступил по направлению на д. Володиевцы. Была сильная вьюга, но мороза не было и на дорогах была

густая, липкая грязь; переход был тяжелый и только к наступлению сумерок части отряда подошли к д. Володиевцы. Деревня была занята противником. Командир полка приказал Крымцам, усиленным двумя сотнями Таманцев, атаковать находящихся в Володиевцах «Петлюровцев» и выбить их из деревни. Два наших артиллерийских взвода поддержали нашу пешую атаку. Противник, расположившийся уже на ночлег, никак не ожидавший вечернего нападения, наспех собравшись, поспешно кто на телегах, кто пешком или верхом, выскакивали из деревни. Наши части помешали «Петлюровцам» приступить к своему ужину, который они побросали при спешном своем бегстве. В доме священника, где остановился штаб полка, в столовой был накрыт стол, стоял самовар, на столе какая-то скромная закуска. По словам батюшки у него в доме находился штаб какой-то войсковой украинской части; командир и офицеры штаба собрались было пить чай, как вдруг по тревоге все выскочили из дома, а затем и из деревни. 3-й эскадрон был послан преследовать противника, но на своих измотавшихся лошадях не догнать было мчавшихся на подводах Петлюровских солдат, а орудия их, стоявшие у окраины деревни, снялись сразу же при звуке первых выстрелов. На ночь были выставлены заставы от 11-й роты 1-го Симферопольского офицерского полка и от Житомирской роты Сводного батальона 14-й пехотной дивизии. 1-й эскадрон со взводом пулеметов был послан в лес к юго-западу от дер. Володиевцы для обеспечения нашего левого фланга. Штаб 2-го Таманского полка расположился почти рядом с штабом командира нашего полка. При встрече оба командира делились своими впечатлениями и полк. Апухтин рассказал как ему удалось вдвое увеличить боеспособность Таманцев. При приеме полка оказалось, что две пешие сотни никакого участия в боях полка не принимают, а постоянно находятся при обозе, т. к. у казаков этих сотен совершенно износилась обувь, получить новую не могут по той причине, что казаки на службу приходят в собственном обмундировании и снаряжении. Узнав об этом, полк. Апухтин, немедля, потребовал от интенданства войск «Новороссийской области» 250 пар обуви, указав на срочность этого требования. На это требование сразу получилось благоприятное решение и 2-му Таманскому полку было выдано 250 пар башмаков с обмотками. Хотя и непривычными для казаков были эти башмаки, а особенно обмотки, но все же казаки были рады получить хорошую, крепкую обувь, а к обмоткам можно и привыкнуть. Лучше быть в строю обутыми, чем сидеть босыми в обозе. Сразу 2 пешие сотни в полном составе стали в строй и этим вдвое увеличили боевую силу своего полка, т. к. конные сотни в своих рядах имели не больше, чем по 50 казаков в каждой. Этот эпизод с обувью для Таманцев обрадовал и всех соратников их. Не только Таманцы усилили свой боевой состав, но и весь отряд тоже этим усилился.

Усталые чины нашего нового «Днестровского» отряда устроились на отдых; несколько часов прошло в мирном и безмятежном сне, но около 3-х часов ночи разведывательная партия «Петлюровцев», пользуясь темнотой ночи, незаметно подошла к нашему охранению и ловко без выстрела сняла заставу Симферопольцев, а через небольшой промежуток времени несколько сотен «Петлюровцев» с криками «слава» ворвались в деревню и открыли беспорядочную стрельбу. У нас всегда все было готово на случай тревоги, особенно ночной; также и в эту ночь каждый знал кому что делать. «Петлюровский» ночной налет не представлял собой части какой-нибудь серьезной боевой операции и в 5 часов утра наше положение было полностью восстановлено и противник выбит из деревни. Кроме попавших в плен одиннадцати человек Симферопольской офицерской роты, других потерь никаких не было. В Володиевцах не задерживались и чины нашего штаба в гостеприимный дом священника уже не вернулись, оставив батюшку в удивленном недоумении как это так начальство обеих вражеских сторон быстро вскакивает и исчезает из его уютного домика.

В 7 часов утра полк вместе с другими частями отряда выступил для занятия села Калитинка, а после занятия этого села выхода во фланг неприятелю. Только 3-й эскадрон полковн. Зотова с приданной ему сотней Таманского полка оставлен в районе дер. Володиевцы. В Калитинку прибыли, когда уже стало темнеть, дни стали уже короткие. Утром 28-го двинулись дальше на село Березовка, которая по сведениям разведки утром была занята противником, но уже днем получены от разъездов новые сведения о том, что Березовку противник оставил и в 4 часа дня Березовка была нами занята.

На всем пути отступления «Петлюровцев» виден был у них полный беспорядок; валялись трупы лошадей, разрываемые голодными собаками, множество было брошенных повозок и разного войскового имущества. Несмотря на численное превосходство, наш противник поспешно отступал, не жалея лошадей, которые от недостатка корма и тяжелой работы по вязкой грязи, не выдерживали напряжения и падали. По сведениям агентурной разведки, а также и от местных жителей, настроение у «Петлюровцев» было крайне подавленное, т. к. видели, что не могут противостоять доблестным русским войскам. Общее стремление было поскорее попасть домой; много было отсталых, прятавшихся у крестьян, чтобы потом пробираться к себе домой; да и в плен можно было сдаваться, т. к. пленных отпускали домой, если только их дом находился в тылу наших войск. Кроме того война против русских была вообще не популярной. В этот критический период также произошел переход на нашу сторону Галицийских сечевых стрельцов, что окончательно решило судьбу Петлюровских войск.

29-го октября у дер. Сербы, около десятка верст от Могилева, противник сделал попытку перейти в наступление, но сразу же был остановлен и отошел в дер. Сербы, которую стал довольно упорно оборонять. К 4 часам дня при поддержке артиллерийского и пулеметного огня 2-й эскадрон в пешем строю и 1-й эскадрон в конном строю атаковали противника и выбили его из деревни; также и соседняя дер. Беляевка была занята атакой 3-го и 4-го эскадронов. Таманцы действовали правее Крымцев, где «Петлюровцы» тоже пытались проявить активность. Две пехотные роты, Симферопольская и Житомирская были во второй линии за 2-м эскадроном. Многочисленные пленные, все были отпущены домой. Бой у дер. Сербы был нашим последним боем на Украинском фронте; в дальнейшем мы продвигались вперед, занимая населенные пункты без какого-либо сопротивления со стороны «Петлюровцев» и не преследуя их расстроенные остатки, оторвавшиеся от нас и стремившиеся к Новой Ушице и Дунаевцам, вероятно надеясь на гостеприимство поляков. Как стало потом известным, надежды Петлюры на гостеприимство румын не оправдались; Румынское правительство решительно отказалось впустить на свою территорию расстроенные остатки армии Украинской народной республики.

30-го октября прибыли еще три сотни 2-го Лабинского конного полка Кубанского казачьего войска со своими двумя орудиями; шестая сотня Лабинцев осталась при «Жмеринском» отряде, двигаясь в промежутке между «Жмеринским» отрядом и нашим «Могилевским», служа связующим звеном. По донесению от есаула Мезерницкого, конвой ген. Слащева и две казач. Лабинские сотни под его командой, получив отдельную задачу на крайнем нашем левом фланге, очистили весь район от неприятеля и у села Бабчинцы разбили крупный отряд противника, готовившийся зайти в тыл нашим войскам, наступавшим на Жмеринку; взято было у «Петлюровцев» четыре орудия с зарядными ящиками. В настоящее время отряд есаула Мезерницкого продвигается к Могилеву. В этот же день 30-го октября нами было занято село Сказинцы, последнее перед Могилевым - Подольским.

Хотя по всем признакам никакой обороны города не предвидилось, но т. к. все предыдущее время прошло в слухах о готовности «Пелюровцев» до последней возможности защищать Могилев, то наш командир полка решил повести на город наступление, распределив всем частям отряда полосы наступления, начиная от реки Днестра. Но никакого сопротивления не было оказано и все части отряда, теперь названного «Могилевским», без боя, как на параде, вошли в город, радостно приветствуемые населением. В Могилеве полку был дан шестидневный отдых. Таманцы и Лабинцы в ближайших селах, расположенных к северу от Могилева, также стали на отдых. С артиллерийским взводом, считавшегося нами уже совсем своим, а также и с двумя пехот-

ными ротами, Симферопольской офицерской и Житомирской, пришлось расстаться; все они вернулись в свои постоянные части. Вместо артиллерийского взвода придавалась полку конно-горная батарея полковника Батурского, но она еще не прибыла. В Могилеве осталось брошенным большое войсковое имущество, в том числе бронепоезд и много груженных вагонов; пришлось выставлять караулы до прибытия коменданта города и комендантской команды, которые к нашему благополучию прибыли уже на третий день. На другой день по занятии Могилева присоединился к отряду конвой ген. Слащева и бывшие при нем две сотни Лабинцев. Конвой сразу же убыл в штаб ген. Слащева, а Лабинские сотни вернулись в свой полк. В Могилеве поступило в наши ряды человек двадцать добровольцев; конные эскадроны пополнились несколькими лошадьми и седлами. 1-й эскадрон стал уже весь конный, хотя и с малым числом рядов, всего в строю было 55 всадников; 3-й и 4-й эскадроны были немного крупнее; всего официально считалось 215 шашек. Пешие эскадроны сошли на нет. Все, что представляло собою пешую часть 1-го эскадрона, пошло на пополнение конных эскадронов; 2-й эскадрон в последних боях понеся значительные потери, также пополнил немного конные эскадроны и остался в составе всего лишь двадцати человек. Полковник Туган-Мирза-Барановский не хотел расстраивать эскадронную организацию и оставил 2-й эскадрон как кадр будущего разворачивания эскадрона. Только с 1-го ноября удалось в Симферополе начать формирование запасного эскадрона. Севастопольским воинским начальником была назначена партия мобилизованных солдат для Крымского Конного полка в числе ста человек; по прибытию в Одессу, кроме трех унтер-офицеров, все остальные разбежались.

Все дальнейшее движение полка от Могилева - Подольска до Польской границы произошло без боев. 9-го ноября занят был город Новая Ушица. Здесь получены были сведения о том, что поляками занят г. Каменец - Подольск и что правительство Украинской народной республики спешит по железной дороге на Проскуров, в надежде проскочить его до подхода частей Добровольческой армии. Из Новой Ушицы по приказанию командующего войсками Новороссийской области 2-й Лабинский и 2-й Таманский конные полки Кубанского казачьего войска убыли из отряда для переброски на Киевский фронт. Здесь же присоединилась к полку конно-горная батарея полковн. Батурского. На другой день по прибытии в Новую Ушицу была послана делегация к начальнику польского гарнизона в г. Каменец - Подольск, во главе которой назначен был шт.-ротм. Люстих, его ассистентом поручик фон Фе и переводчиком вольноопр. младший унтер-офицер Юзефович; сопровождало их трое всадников. Принята была делегация весьма корректно и установлены, если и не дружеские, то все-же добрососедские отношения.

Во время пребывания в Новой Ушице дошли до нас слухи о большом

поражении наших войск около Орла. Никто не мог еще представить себе, что это было началом трагедии, закончившейся Новороссийской эвакуацией. Здесь у Польской и Румынской границ мы себя еще чувствовали победителями. После поражения войск Петлюры на фронте армий Новороссийской и Киевской областей происходили перегруппировки. Крымскому Конному полку было приказано в спешном порядке перейти в г. Проскуров на смену 1-го Симферопольского офицерского полка. 25-го ноября после нескольких переходов полк прибыл в Проскуров, только дня три назад, занятый нашими войсками. В городе еще не знали, также как и мы, о начавшейся трагедии «Белых армий». В меньшем масштабе в Проскурове происходило тоже самое, что было в Одессе: приветствия и выражения радости по случаю избавления горожан от произвола «Петлюровцев», торжественные приемы, устройство вечера с открытой сценой и сбором в пользу отряда, занявшего Проскуров, хотя это все в сущности нас не касалось т. к. мы пришли лишь на смену того отряда, который избавил Проскуровских жителей от гнета Петлюровской власти. Но как все это объяснить и исправить? Отряд, занявший Проскуров, уже далеко (1-й Симферопольский офицерский полк), жители даже не знали названия этого «отряда», а про нас уже сложили песню, которую распевала приятным голосом певица со сцены на вечере, устроенном в честь нашего полка. Впрочем все эти приветствия относились, конечно, вообще ко всей Добровольческой армии. Но Крымцы не только были заняты приемом приветствий Проскуровцев, а также продолжали свои боевые действия. 3-й и 4-й эскадроны продвинулись дальше, зайдя в пределы Волынской губернии. Везде население радушно их встречало. «Петлюровцев» нигде не было, также не было еще и красных. Разъезды наши иногда встречали отдельные мелкие группы всадников (от двух до пяти человек), которые сразу же быстро исчезали; вероятно это были разведчики многочисленных банд разных атаманов, хозяйничавших в этом районе. Наши эскадроны дошли до г. Староконстантинова и до м. Любар, откуда были вызваны обратно в Проскуров, где 4-го декабря весь полк был погружен в эшелоны и по железной дороге прибыл на ст. Жмеринка. По всему фронту «Вооруженных Сил Юга России» отступление продолжалось. В Проскурове Крымцы находились далеко впереди остальных частей, поэтому и приказано было сделать сразу такой большой отход до Жмеринки. Полку была дана задача прикрывать эвакуацию Жмеринского железнодорожного узла, а также вести борьбу с бандами, окружающими район Жмеринки. С другой стороны наше командование стремилось установить дружеские отношения с атаманами и даже специально для переговоров с главным атаманом был послан ген. штаба полковник Перевалов, проехавший через ст. Жмеринка куда-то в сторону города Винница. В Жмеринке расстались мы с нашей конно-горной батареей, прислуга которой вся была зара-

жена сыпным тифом. Во время похода от Новой Ушицы до Проскурова ежедневно полковн. Батурский докладывал полковнику Туган-Мирза-Барановскому о том, сколько орудий может стрелять и в Проскурове уже в случае необходимости ни одно орудие не могло поддержать полк своим огнем; вся батарея была погружена в Проскурове в вагоны и по прибытии в Жмеринку отправлена далее в сторону Одессы. В нашем полку тоже были тифозные заболевания, но пока еще лишь отдельные случаи. Заболел и корн. Кокораки; после нескольких дней пребывания в госпитале он скончался. Во время нашей стоянки в Могилеве - Подольском, как прослуживший в полку более шести месяцев, он был принят обществом г.г. офицеров в постоянный состав полка. Вместе с корнетом Кокораки были приняты еще корнет Козырев, корнет Тулумбиев и поручик Утин. Корнеты Кокораки и Козырев бывшие вольноопределяющиеся полка, произведенные в прапорщики запаса и отбывавшие в полку лагерные сборы; корнет Тулумбиев из прапорщиков запаса; поручик Утин до прикомандирования к полку служил в 1-м офицерском генерала Маркова полку.

В Жмеринке полк поместился в казармах 3-й стрелковой бригады, хорошо устроенных и находившихся в сосновом лесу. Городок был плохенький, но мог гордиться своим роскошным вокзалом. В полку работы было много. Эвакуация станции задерживалась и, несмотря на установившиеся союзнические отношения с атаманами, мелкие банды продолжали грабить население; приходилось их разгонять, а при удаче ловить и арестовывать; попадались и более крупнее партии грабителей и доходилю иногда и до перестрелки. Войска Новороссийской области, также как и на всех других фронтах, отходили и, когда наш полк прибыл в Жмеринку, то находились уже на линии Умань-Вапнярка. Как остров среди океана, находились Крымцы среди шаек союзников атаманов. Наконец 17-го декабря получен был приказ выступить походным порядком на Рахны, Вапнярка, Крыжополь, Бирзула. Командир полка приказал только конным эскадронам на легке идти походным порядком. Больные, число которых сильно увеличилось, а также и все остальные пешие посажены были в вагоны; погружены были и все повозки, включая и пулеметные двуколки. Эшелон этот двигался медленно, останавливаясь на всех ночлегах конных эскадронов. На ночлеге в Крыжополе заболел полковой адъютант и вр. исп. должность адъютанта назначен корн. Джаксон. 23-го декабря по прибытии на ст. Бирзула конные эскадроны также были погружены в эшелоны; 24-го отбыли из Бирзулы и 26-го утром полк двумя эшелонами прибыл в Одессу. Предполагалась немедленная посадка полка на пароход Добровольного флота «Владимир», но пароход находился в ремонте и спешная отправка полка в Севастополь откладывалась на какое-то неопределенное время. Прибавлялись новые больные, но все же и некоторые старые больные

поправлялись. Службу полк нес только свою внутреннюю. До сего времени в полку еще не было своего постоянного врача. Обыкновенно навещали полк врачи из ближайших войсковых частей, а по приходе в Одессу был назначен врач, но опять лишь временный. Почти месяц провел полк в Одессе. На 23-е января 1920 года была назначена погрузка полка на пароход Добровольного флота «Саратов», а 22 января, накануне погрузки, из штаба командующего войсками Новороссийской области ген. Шиллинга пришло приказание срочно выслать один эскадрон в распоряжение командира 2-го армейского корпуса, находящегося где-то в районе г. Николаева. Так как не было вполне боеспособного эскадрона, то пришлось составить сводный эскадрон, который под командованием шт.-ротм. Лихвенцова при шести младших офицерах и 69-ти строевых нижних чинов убыл в распоряжение командира 2-го армейского корпуса ген.-лейт. Промтова (бывш. начальника 82-й дивизии 33-го армейского корпуса).

23-го января полк погрузился на «Саратов». Грузить лошадей не разрешили. Пришлось оставить в Одессе большую команду с лошадьми, которая должна быть готовой через несколько дней погрузиться с лошадьми на пароход «Владимир», уже вышедший из ремонта. На «Саратов» также не удалось принять многих больных, переживавших в госпиталях кризис болезни. Вечером 23-го января с сильно поредевшими рядами Крымцы на пароходе «Саратов» по Черному морю отправились в Севастополь, откуда около полугода назад (7-го августа 1919 г.) на транспорте «Маргарита» вышли в поход по тому же родному нам Черному морю для освобождения Одессы от красной неволи. 26-го января 1920 г. Одесса снова оказалась во власти красных.

Наш Сводный эскадрон не без труда нашел среди отступавших обозов штаб ген.-лейт. Промтова. Корпус его отходил от Киева. Так получилось, что войска Киевской области отошли на Одессу, а войска Новороссийской области, имевшие свой тыл в Одессе, отступили на Николаев, Херсон и затем в Крым. 2-й армейский корпус представлял собой огромный обоз больных, большею частью тифозных. По бокам обоза шли отдельные солдаты, ухаживавшие за своими больными боевыми друзьями. Принимая во внимание состояние своего корпуса, ген. Промтов никаких заданий прибывшему к нему эскадрону не давал. Шт.-ротмистр Лихвенцов, видя, что он с эскадроном при этом длинном обозе в сущности не нужен, при первой возможности явился начальнику конной группы генералу Склярову, доложил ему о создавшемся для эскадрона положения и просил генерала взять эскадрон под свое покровительство. Ген. Скляров отзывчиво отнесся к выраженному шт.-ротмистром Лихвенцовым желанию, назначил эскадрон в распоряжение командира 2-го Лабинского казачьего полка и обещал лично с ген. Промтовым этот вопрос

уладить. 2-й Лабинский полк состоял из шести сотен и конной батареи, имевшей только два орудия; восьмым подразделением становился эскадрон шт.-ротм. Лихвенцова. В своем полку казаки радушно приняли Крымцев и эскадрон почувствовал себя не брошенным на произвол судьбы, а как бы у себя дома среди боевых соратников.

Как известно, румыны отказались пустить на свою территорию наши войска, отступавшие в район Одессы и многочисленным, но порядочно расстроенным войсковым частям пришлось совершить очень тяжелый поход сперва по льду реки Днестр, а затем вдоль реки на соединение с польской армией (тоже настоящий ледяной поход).

В составе конной группы ген. Склярова, наш эскадрон, находясь при 2-м Лабинском полку Кубанского казачьего войска, принял участие в этом, так называемом «Бредовском» походе. Красные все время преследовали отходящие войска и на долю конной группы выпала самая ответственная роль по обеспечению благополучного и спокойного похода. Все войска двигались тремя колоннами. По берегу Днестра шли обозы войсковых частей, все больные и раненые на подворах и многочисленные беженцы вторая колонна, средняя, состояла тоже из подвод, но на подводах находились еще боеспособные солдаты; крайняя правая колонна представляла собою конную группу ген. Склярова, полностью сохранившая свою боеспособность. В эту группу входило пять конных полков.

Во всех боях Крымцы показали себя с самой лучшей стороны и не раз получали благодарность от командующего полком храброго есаула Пастернака; получили также и от начальника конной группы ген. Склярова благодарность за храбрость и лихость.

12-го февраля войска ген. Бредова соединились с польской армией, находившейся в состоянии войны с красной армией. Через несколько дней конной группе ген. Склярова польское командование отвело участок фронта между с. Струги и станцией Деражня. Разгорелись ожесточенные бои с большевиками. Конная группа состояла из пяти полков: 2-го Лабинского и 2-го Таманского полков Кубанского казачьего войска, 2-го Конного ген. Дроздовского полка, 42-го Донского полка и 3-го Осетинского; 42-й Донской имел четыре сотни конных и четыре пеших и еще двухорудийную конную батарею; остальные полки состояли из шести сотен (эскадронов), но во 2-м Лабинском полку были еще Крымский Конный эскадрон и двухорудийная конная батарея. Все эти полки в боях против красных состязались в смелости и удали и нашей коннице поляки всецело обязаны удержанию занятых ими рубежей и города Новой Ушицы. Во время похода и в этих боях Крымцы Сводного эскадрона понесли значительные потери, но в это время подоспели остат-

ки той команды, которая была в январе оставлена с лошадьми в Одессе; хотя и без лошадей явились эти остатки, но все же в числе 25-ти человек, что было хорошим пополнением для эскадрона, тем более, что были заводные лошади.

Оставшейся в Одессе команде в составе двух офицеров и сорока всадников при сотне заводных лошадей не пришлось погрузиться на пароход «Владимир», предназначенный для штаба войск Новороссийской области; также, как и все другие войсковые части, не смогла команда переправиться через Днестр и пришлось ей идти вместе с растянувшимся на много верст обозом в северном направлении по левому берегу Днестра. В самом начале похода команда потерпела большую утрату. В м. Маяки, где предполагалось остановиться для кратковременного отдыха, корн. Хараджа 2-й Ив. Мих. заметил, что подводы и заводные лошади его 4-го эскадрона отстали; он сразу поскакал назад, чтобы выяснить, что случилось с ними, но в это время наскочила красная конница, окружила все отступающие на этом месте добровольческие части и всех взяла в плен, в том числе и корнета Хараджу с его людьми. Сразу из команды убыло 8 человек и 15 лошадей. Из офицеров в команде остался лишь один корнет Кибальченко и кроме него еще и полковой адъютант шт.-ротмистр Эммануель, будучи еще больным присоединившийся к команде. Заведовавший промежуточной полковой базой в Одессе полковн. Каллинг к команде не присоединился, т. к. ему было обещано место на пароходе «Владимир». Как потом выяснилось, поместиться он с семьей на пароход не смог и, оставшись в Одессе, подвергся преследованию большевиков. Находясь в советском лагере полковн. Каллинг в скором времени скончался. С большими усилиями добралась команда до Могилева-Подольска в значительно уменьшенном составе; несколько всадников и около двадцати лошадей не выдержали тяжелого похода по многочисленным ледяным подъемам и спускам в лощинах и балках Подольской губернии. Старший из войсковых начальников в Могилеве генерал Моллер объявил, что в Могилеве будет дневка, но неожиданно части ген. Моллера ушли весьма спешно из города. Нашего связного, прибежавшего предупредить своих об этом, опередили «Петлюровцы», напавшие на спящих наших всадников и отобравших у них винтовки, а затем уведших всех оставшихся лошадей. «Петлюровский» комендант города, бывший русский офицер, на энергичный протест корн. Кибальченко заявил, что он ничего не может сделать, так как власти у него нет и посоветовал благодарить Бога за то, что нас всех оставили в живых и даже оставили нам холодное оружие. В команде были еще не совсем поправившиеся после болезни, все были изнурены тяжелым походом, но пришлось решиться идти дальше пешком, порядочно уже отстав от ушедших наших обозов. С большим напряжением своих сил добрела команда до Новой Уши-

цы, занятой поляками. Здесь появилась надежда на возможность присоединиться к эскадрону шт.-ротм. Лихвенцова, о котором не было никаких сведений; приходилось ждать, не имея ни крова ни хлеба. Вот при таких условиях остатки злополучной нашей команды встретили неожиданно защитников и доброжелателей в лице местных евреев. Узнав, что отходящая группа усталых и голодных людей является частью того Крымского Конного полка, который проходил по их местности, не грабил их и не обижал, все они старались чем могли помочь этим Крымцам, среди которых некоторых лично узнали. На всем пути от Могилева до Новой Ушицы и в самой Новой Ушице приютить, накормить и обогреть своих знакомых Крымцев считалось своим долгом. Без преувеличения можно сказать, что эта поддержка благодарных евреев некоторым из команды спасла жизнь.

В Новой Ушице, наконец, удалось связаться с эскадроном. Шт.-ротм. Лихвенцов прибыл в Новую Ушицу с несколькими подводами и доставил команду в составе 23-х всадников в Сводный эскадрон Крымского Конного полка. С командой прибыл корнет Кибальченко и выздоравливающий адъютант полка шт.-ротм. Эммануель.

7-го марта распоряжением польского командования русские воинские части были сняты с фронта. Эскадрон Крымцев в составе 2-го Лабинского казачьего полка походным порядком прибыл на ст. Ярмолинцы, где вечером 9-го марта после сдачи лошадей и огнестрельного оружия, был погружен в вагоны и утром 10-го марта эшелон отошел по направлению на Чортков, Бучач, Монастежиска, Нижньов, Станиславов, Львов, Стрый (все хорошо знакомые места). В Стрые выгрузка и недельный карантин, а затем эскадрон доставлен был в лагерь Дембия у г. Кракова, где вместе со 2-м Лабинским полком был интернирован и оставался в лагере до общей эвакуации русских войск из Польши в Крым.

25 января 1920 г. на пароходе «Саратов» Крымский Конный полк прибыл в Севастополь, а на другой день по железной дороге отправлен в Симферополь, где выгрузившись из вагонов, перешел снова в свои казармы. К этому времени прибыли отсутствовавшие из полка коренные Крымцы полк. Тихановский, бывший до этого в армии ген. Юденича, и шт.-ротм. Дмитриев, находившийся в рядах 10-го уланского Одесского полка. Несколько коренных Крымцев служили в Чеченской конной дивизии, которой командовал наш бывший командир полка генерал-майор Ревишин, а в Крыму во вновь переустроенных «Вооруженных Силах Юга России» и переименованных в «Русскую армию» занял должность начальника 3-й конной дивизии.

Вследствие того, что «Петлюровский» поход без пополнений и эпидемия сыпного тифа довели полк до крайне малого боевого состава, полк

временно был оставлен в Симферополе для укомплектования своих рядов. Очень пострадал полк от тифа. Многие больные тифом скончались по прибытии в Крым, в том числе полковник Волошкевич, шт.-ротм. ван Воорендейк, поруч. Апанасенко Василий, поруч. Одель и старший полковой фельдшер Бондаренко, так много потрудившийся в полку в уходе за ранеными и больными. Первым пополнением был влитый в полк запасный эскадрон, который не мог послать в полк на фронт ни одной, хотя бы самой малой, маршевой команды, т. к. оборона Крыма заняла все внимание командования; только на Крымский фронт посылались войскам пополнения и даже отдельные лица из Крыма на другие фронты не выпускались. Крым был удержан, а в Новороссийске и Одессе произошли эвакуационные катастрофы. Главная заслуга обороны Крыма принадлежит корпусу ген. Слащева, который состоял из восстановившихся Императорских 13-й и 34-й пехотных дивизий. Обе дивизии старые знакомые Крымцев по 7-му армейскому корпусу. Кроме этих дивизий ни одна другая Императорская не смогла полностью восстановиться во время гражданской войны. 13-я и 34-я дивизии в Императорской армии вместе составляли 7-й армейский корпус; таким образом весь 7-й армейский корпус был восстановлен, единственный из всех корпусов Российской Императорской армии.

Пополнение полка шло не очень успешно; все же за месяц полк увеличился почти вдвое и в эскадронах находилось уже по полусотне людей.

В первых числах марта полк выступил на фронт и получил боевой участок у дер. Тюп-Джанкой. Но от полка потребован был еще один эскадрон для борьбы с зелеными в районе Бахчисарай - Альма - Кокоз. Для борьбы с зелеными приняли участие все эскадроны полка по установленной очереди.

Приказом Главнокомандующего Русской армии 5-го мая 1920 г. Крымский Конный полк был сведен в дивизион. 1-й и 2-й эскадроны образовали 1-й эскадрон, а 3-й и 4-й эскадроны 3-й эскадрон. 2-й эскадрон образовался из влитого в дивизион «Татарского конного полка». Этот полк образовался из 2-го и 4-го Чеченских конных полков, которые, выделив всех чеченцев в 1-й Чеченский конный полк, должны были из Крымских татар сформировать «национальный татарский» полк. Этим главное командование надеялось привлечь татар, начавших опять избегать поступления в ряды армии. Командиром полка был назначен полковник Антонов (Крымец); назначены были в этот полк также коренные Крымцы, находившиеся перед этим в Чеченской конной дивизии: полковн. Мартынов, ротм. Петерс, шт.-ротм. Дурилин и шт.-ротм. Думбадзе 2-й; назначен был и корнет Лешков, коренной подпрапорщик Крымского Конного полка, за боевые отличия в Чеченской дивизии про-

изведенный в чин корнета. Видные татарские деятели старались сделать все, что было для них возможно, чтобы привлечь татар в полк, надеясь также на то, что наличие в полку кадровых офицеров Крымского Конного Ее Величества полка, пользовавшихся большим авторитетом среди татар Крыма, тоже окажет свое благоприятное содействие. Но ничто не помогало; отзыв был ничтожный и пришлось этот полк свести в один эскадрон, который под № 2 вошел в состав Крымского Конного дивизиона. Командиром этого эскадрона назначен был шт.-ротм. Дурилин, произведенный затем в чин ротмистра. Новый 2-й эскадрон, формировавшийся г.г. офицерами Крымского Конного Ее Величества полка, имевший своим командиром коренного Крымца, а в рядах эскадрона старых Крымцев, став между двумя эскадронами Крымского Конного полка, естественно почувствовал себя среди своих и сразу воспринял полковые обычаи и традиции. Этому слиянию много содействовал полковник Туган-Мирза-Барановсий, с первого же дня прибытия эскадрона завоевавший в среде новых Крымцев такие же чувства симпатии и уважения, какие были и в старых эскадронах. При дивизионе оставалась наша полковая пулеметная команда и полностью вся полковая организация, но дивизион наш не остался отдельным, а приказом Главнокомандующего Русской армией соединялся с дивизионом 4-го уланского Харьковского полка. Командиром вновь образовавшегося полка назначался полковник Туган-Мирза-Барановский. Харьковские уланы под командой своего старшего офицера полковн. Невзорова прибыли в составе трех эскадронов, но перед этим отдельной части собой не представляли и образовались из расформированной Чеченской дивизии, несколько пополненной добровольцами и мобилизованными. Полковой организации у Харьковцев еще не было, хотя и начинала уже налаживаться. Все же полковн. Туган-Мирза-Барановский не нашел пока возможным нарушать нашу полковую организацию и приказом по полку дивизион Харьковских улан становился вторым дивизионом в полку, а уланские эскадроны получили общие по полку №№ — 4-й, 5-й и 6-й. Соединение Харьковцев и Крымцев произошло на ст. Колай. Приказом Главнокомандующего Русской армии вновь сформировавшийся полк назван был 2-м Туземным конным полком. Такое название показалось всем в полку очень странным, т. к. под именем Туземцев подразумевались еще со времени Великой мировой войны Кавказские Горцы. Вместе с 1-м Туземным конным полком (составленным из Кавказских Горцев) наш новый полк вошел в состав Отдельной конной бригады, включенной в 3-ю конную дивизию ген. Ревишина. Другой бригадой дивизии была Терско-Астраханская казачья. Между 15 и 20 мая 2-й Тузем. кон. полк, состоявший из шести пеших эскадронов, был двинут в Сивашскому мосту и занял участок фронта у ст. Сальково. В это время командный состав полка был следующий: командир полка полковн. Туган-М.-Барановский;

помощники командира: по строевой части полковн. Бако, по хозяйственной части полк. Петропольский; командир 1-го дивизиона полков. Зотов; командиры эскадронов: 1-го подполковн. Лесеневич, 2-го ротм. Дурилин, 3-го подполковн. Тихановский; начальником пулеметной команды ротм. Давыдов; командир 2-го дивизиона полковн. Невзоров; командиры 4-го, 5-го и 6-го эскадронов г.г. офицеры Харьковцы.

Еще в Симферополе обществом г.г. офицеров Крымского Конного полка приняты были в постоянный состав полка: шт.-ротм. Богданович (из запаса, литов. татарин по происхождению), поруч. Кульшин (3-го драгунского Новороссийского полка) и корнеты Миронов, Дрига Григорий, Шанковский, Савельев Николай и Апанасенко Георгий (все начавшие службу в пехоте, но с началом гражданской войны до прикомандирования к полку служили в кавалерийских полках). В списке командного состава полка два командира эскадрона показаны в чине подполковника. Упраздненный в «В.С.Ю.Р.» в 1919 году чин подполковника для того, чтобы уравнять в чинах офицеров армии и гвардии, в 1920 году в Русской Армии был снова восстановлен, но для уравнения теперь офицеров гвардии и армии в чинах, устанавливался и для гвардейских офицеров чин подполковника.

На фронте было спокойно; до 25-го мая ничего особенного не произошло, но день 25-го мая ознаменовался прорывом Сивашской позиции врага. Стоявшие в районе ст. Сальково Крымцы приняли непосредственное участие в атаках на укрепления противника. В 4 часа утра 1-й эскадрон был послан на усиление фланга 1-го Астраханского казачьего полка. В назначенный момент для атаки 1-й эскадрон в пешем строю атаковал окопы противника и под сильным вражеским огнем выбил красных из окопов, занял все укрепления врага и ворвался в село Ново-Дмитриевку, затем продолжил наступление и занял село Ново-Михайловку. 2-й и 3-й эскадроны были в резерве. 2-й эскадрон, уже получивший небольшое число лошадей, выслал разъезд в распоряжение начальника группы танков. При оказываемой поддержке танкам разъезд 2-го эскадрона захватил пулеметное гнездо противника с двумя исправными тяжелыми пулеметами. Первый день наступления ознаменовался полным успехом, но не обошлось, конечно, без потерь. Тяжело контужен подполковник Лесеневич и во 2-м эскадроне поручик Живкович, в 1-м эскадроне ранен корнет Иорданов, убитых к счастью не было, но всего в дивизионе около 20-ти всадников выбыло из строя ранеными и контуженными. 26 мая дивизиону приказано занять село Ново-Троицкое. В 6 часов утра село это было занято без всяких затруднений; взято в плен более ста красноармейцев с командиром батальона во главе. На ночь выставлены были сторожевые заставы от 1-го эскадрона. В 3 ч. ночи заставы были атакованы двумя эскадро-

нами красной конницы 3 раза, но все атаки были отбиты заставами и подоспевшими 1-м и 3-м эскадронами. Атаки красн. кавалер. этим не закончились. 27-го мая рано утром неприятельская кавалерия крупными силами прорвала расположение Астраханского казачьего полка, занимавшего район восточнее села Ново-Троицкое, и напала на штаб дивизии в Ново-Михайловке. Штаб дивизии и находившиеся в селе обозы были разгромлены, а начальник дивизии генерал-майор Ревишин был захвачен в плен. Немедленно с фронта примчались на помощь штабу дивизии наши два эскадрона, но красные поспешили убраться, не приняв боя. В Ново-Михайловке многие пострадали от набега красной конницы. Были убиты находившиеся при штабе дивизии корнеты Миронов и Шанковский, корнет Галенкин весь изрубленный сабельными ударами и 15 всадников тяжело ранены, из которых несколько скончались, насчитывалось пять человек пропавших без вести. Весьма скорбный случай для всей дивизии.

28-го мая весь дивизион находился в сторожевом охранении. 29-го мая 2-я отдельная конная бригада двинулась по направлению на с. Агайман. Терско-Астраханская бригада была выделена из состава дивизии и штаб дивизии переформирован в штаб отдельной конной бригады. Командир полка полковн. Туган-М.-Барановский лично повел весь 2-й Туземный конный полк. Дивизиону Крымцев была дана задача обойти хутора к западу от Агаймана, атаковать и разбить красных на подступах к Агайману и захватить западную часть села. В первой линии шли 1-й эскадрон справа и 2-й эскадрон слева; во втором эшелоне 3-й эскадрон. На своем пути 2-й эскадрон атаковал в пешем строю группу красных, которая, не выдержав стремительной атаки, отошла в полном беспорядке и эскадрон захватил одно 3-х дюймовое орудие. Продолжая дальнейшее наступление, 2-й эскадрон стал обходить правый фланг противника, а 1-й эскадрон стал теснить противника с фронта; подошедший 3-й эскадрон стал обходить левый фланг противника, защищавшего подступы к Агайману; одновременной атакой трех эскадронов красные были окружены и сдались в плен; западная часть села была занята без боя. Восточная часть с. Агайман была занята остальными эскадронами полка. К 1-му июня дивизион в составе 2-го Туземного конного полка под общей командой храброго и решительного полковника Туган-Мирза-Барановского с боями выдвинулся на линию Рубановка, Верхний Рогачик, Ольтофельд. В Ольгофельде стал штаб полка, а эскадроны дошли до Днепра и заняли боевой участок: Водяное - Большая Знаменка - Нижний Рогачик.

Около 20-го июня по приказанию начальника 2-й отдельной конной бригады ген.-майора Шинкаренко командированы от каждого эскадрона по одному офицеру и по нескольку солдат в ремонтную комиссию штаба брига-

ды. Через несколько дней к общей неожиданной радости посажены были на коней 2-й эскадрон и по полуэскадрону 1-й и 3-й, но вскоре лошади 3-го эскадрона были переданы в 1-й эскадрон, чтобы уж сразу были бы готовы два конных эскадрона и один оставался бы пеший с надеждой на то, что долго пешим оставаться не будет. Конно-пулеметная команда и команда связи тоже получили несколько лошадей. В дивизионе Харьковских улан посажены были на коней 4-й и 5-й эскадроны, а 6-й остался пеший. Всего в полку оказалось четыре конных эскадрона и два пеших. Лошади большею частью не были настоящего кавалерийского типа, но за неимением других и эти были вполне удовлетворительны. Седла были старые, вывезенные еще из Одессы; большинство регулярного кавалерийского типа и лишь небольшой процент казачьих. Кроме старых наших всадников, кавалеристов и казаков, составлявших меньшую часть эскадронов, остальные были храбрые и исполнительные молодые люди, но почти совсем не обученные кавалерийскому делу. Хотя при создавшейся боевой обстановке, вести занятия было очень трудно, но большинство молодых всадников проявили много усердия и доброй воли, что дало возможность в кратчайший срок привить им все элементарные понятия о службе в коннице и научить достаточно хорошо владеть конем и о нем заботиться.

Данный полку участок был очень большой. Красные часто пытались переправляться на нашу сторону; требовалась чреэвычайная бдительность и чтобы парализовать попытки врага к переправе через Днепр, эскадроны часто приходилось перебрасывать с одного места участка на другой, а также предпринимать иногда и самим переправы на правый берег Днепра небольшими группами и даже целым эскадроном.

Во время стояния на Днепре командир 1-го дивизиона полковн. Зотов был назначен комендантом Таганашского района, а вместо него командиром 1-го дивизиона назначен был подполковник Тихановский. Во времен. командование 3-м эскадроном вступил поручик Ватель. 1-м эскадроном вместо эвакуированного подполковн. Лесеневича командовал поручик Кононов.

В первых числах июля произошло для Крымцев грустное событие. Назначенный генерал-испектором конницы генер.-лейт. Юзефович вызвал к себе нашего командира полка полковника Туган-Мирза-Барановского на должность начальника штаба инспекции и это назначение было уже утверждено штабом Главнокомандующего. Все эскадроны были растянуты на широком фронте и устроить достойные проводы своему любимому командиру, конечно, не было возможности, но сам полковн. Туган-М.-Барановский объехал по фронту расположения своих Крымцев, чтобы проститься с ними и пожелать им счастья.

Командиром 2-го Туземного конного полка был назначен полковник Невзоров. С первого же дня новый командир принялся изменять в полку все по своему усмотрению. Старшим штаб-офицером назначил Харьковца полковника Скачкова, заведующего хозяйством — полковника Алкалаева (коренного офицера 4-го драгунского Новотр.-Екатериносл. п.), адъютантом был также назначен Харьковец шт.-ротмистр Машкин, а бывший адъютантом корн. Джаксон (Крымец) переводился в строй. Полковая конно-пулеметная команда распределялась по эскадронам 1-го дивизиона и приступлено было к формированию новой конно-пулеметной команды из пулеметчиков Харьковцев; расформированы были также команда связи и обозы; словом полный переворот, заставивший старших офицеров Крымцев оставить ряды полка и хлопотать о другом назначении. Ушли из 2-го Туземного полка полк. Бако, полковн. Петропольский, полковн. Баженов, ротмистр Юрицын, ротмистр Давыдов, шт.-ротмистр Люстих. Кроме них убыли еще в разное время тяжело больные, получившие 4-ю категорию полковн. Мартыно, полковник Нарвойш, шт.-ротмистр Муфтий-Заде, шт.-ротмистр Росницкий и еще в начале 1918 года полковн. Греков. Уходили старые Крымцы, но появлялись новые, старавшиеся подражать старым и поддерживать боевую славу и традиции полка. В июле 1920 года обществом г.г. офицеров Крымского Конного полка по представлению ротмистра Дурилина были приняты в кадр полка г.г. офицеры, вошедшие в состав дивизиона Крымцев вместе с эскадроном, сформированным в г. Алуште из «Татарского национального» полка: корнеты Петрункевич, Станишевский, Томашевский, Овсянников, Гудзь, Добрагаев, Бутурлевич и Лешков, а также шт.-ротмистр Шумилин, бывший в прикомандировании к штабу бригады. Число всадников в 1-м дивизионе доходило в то время до 450 человек. В инспекции конницы уже было обещано, что в скором будущем из 2-го Туземного полка будет сформирована бригада и Крымцы снова будут выделены в отдельный свой полк. К большому нашему огорчению наступившие в скором времени события дали совершенно другие результаты.

В виду переправы красных у м. Каховка, оттеснивших части 2-го армейского корпуса, потребовалась к Каховке спешная поддержка. Снять с фронта всю бригаду не представлялось возможным и поэтому 17-го июля был послан к Каховке сводный отряд.

Этот отряд представлял собою дивизион в составе 2-го эскадрона и полуэскадрона 4-го (оба 2-го Туземного полка), одной конной сотни и одной пешей сотни 1-го Туземного полка и двух орудий. Командиром дивизиона назначен был подполковник Тихановский. Дивизиону приказано было спешно выступить на помощь 13-й пехотной дивизии в село Дмитриевку. Ночью 18,

собравшись в Рубановке, дивизион двинулся ускоренными аллюрами в село Дмитриевку, куда прибыл на рассвете, но штаба 13-й дивизии там уже не было. Под проливным дождем стали искать штаб 13-й дивизии, дороги испортились и орудия и подводы пешей сотни стали отставать. Все же штаб дивизии был найден и получено было приказание утром 19-го июля выступить в направлении на Черную Долину, где появилась конница красных. Бывший в разведке разъезд Чеченской сотни донес, что конница противника в составе не более двух взводов. Командир дивизиона приказал у хутора № 5 пешей сотне занять окопы, а орудиям за окопами выбрать позицию; 2-му эскадрону атаковать появившегося неприятеля; полуэскадрон Харьковцев назначался в прикрытие к орудиям, а конной Чеченской сотне быть в резерве. Ротм. Дурилин, развернув эскадрон, в конном строю повел его в атаку. Оказалось, что сведения разведки были не точны; вместо двух конных взводов, 2-й эскадрон налетел на скрытую в стогах соломы пехоту с пулеметами, приблизительно около роты, а другая красная рота повела наступление на Чеченскую пешую сотню, сидевшую в окопах; обе роты поддерживались артиллерийским огнем. Атака 2-го эскадрона не удалась; понеся значительные потери, эскадрону пришлось отойти. Красные продолжали наступление, но продвинуться вперед и сбить наш дивизион не смогли. Подполковн. Тихановский, спешив конную сотню и полуэскадрон, остановил противника и удержал в течение всего дня знятые нами позиции до смены дивизиона частями 13-й дивизии. До 1-го августа 2-й эскадрон в составе сводного дивизиона продолжал оставаться в распоряжении начальника 13-й дивизии. Работа состояла главным образом в разведке и сторожевой службе. 1-го августа 2-му эскадрону было приказано у м. Малая Каховка занять разрыв между 13-й пехотной дивизией и юнкерским батальоном, против которого начал накапливаться противник. Поддержанные броневиком, красные перешли в наступление и заставили наши пехотные части отходить. Командир 2-го эскадрона ротмистр Дурилин, несмотря на сильный ружейный и пулеметный огонь врага, повел свой эскадрон в атаку на наступающие цепи пехоты противника. Лихо развернувшись, эскадрон в конном строю стремительно атаковал красных. Результат атаки оказался блестящим. Уничтожен был почти полностью батальон пехоты, взяты в плен командир батальона, один командир роты и сравнительно небольшое число красноармейцев, так как большинство было зарублено или переколото пиками; захвачено два тяжелых пулемета и четыре легких. Ротмистр Дурилин получил особую благодарность от видевшего это дело командира конного корпуса ген.-лейт. Барбовича. 3-го августа сводному дивизиону приказано было присоединиться к своей бригаде и 2-й эскадрон снова занял свое место на Днепре среди своих Крымцев. Подполковн. Тихановский во время пребывания при 13-й дивизии сильно простудился и по

возвращении в полк простуда перешла в тяжелую болезнь; подполковника Тихановского пришлось эвакуировать в тыловой госпиталь. Должность командира 1-го дивизиона снова принял полковник Зотов, вернувшийся из командировки. Командиром 3-го эскадрона назначен был шт.-ротм. Эммануель, одиночным порядком вернувшийся в полк из Польши, где был интернирован вместе со сводным эскадроном шт.-ротм. Лихвенцова, оставленного в январе 1920 года в Одессе. За время действий 2-го эскадрона у Каховки 1-й и 3-й эскадроны продолжали службу охранения Днепра. У Нижнего Рогачика и Ушкалки несколько раз отбивали попытки красных переправиться через реку.

4-го августа 2-й и 3-й эскадроны прибыли в с. Рубановку к штабу бригады и стали в бригадном резерве. 7-го августа вследствие нового перехода красных в наступление и движения их в сторону Рубановки, 2-й эскадрон выслан в направлении на Каховку до соприкосновения с противником с целью прикрытия штаба бригады и своевременного оповещения штаба о действиях врага. При штабе бригады находились 3-й эскадрон, сотня 1-го Туземного конного полка и полуэскадрон Изюмских гусар, оторвавшихся от своего полка (3-го кавалерийского). 8-го августа с вечера штаб бригады со всеми бывшими при нем войсковыми частями расположился на небольшой высоте в полутора или двух верстах к юго-западу от Рубановки. 3-й эскадрон и Чеченская сотня считались общим бригадным резервом под командой артиллерийского полковника Гавганидзе. 3-й эскадрон стал впереди штаба в полной готовности к оказанию отпора в случае нападения красных. Считалось, что впереди находится лава 2-го эскадрона и на хуторе в 18 верстах от Рубановки в сторону Каховки застава 3-го эскадрона в составе одного офицера, 17-ти нижних чинов и одного легкого пулемета. Эту заставу выслали из Рубановки с наступлением сумерок 8-го августа по приказанию и. д. начальника штаба бригады полковника П. Ком. эскадрона ротм. Эммануель, указав на нелепость высылки такой заставы, решительно воспротивился этому приказанию и просил его отменить, но полковник П. в довольно резком тоне заявил, что все приказания должны быть исполнены точно без всяких возражений. Пешая застава на подводах выехала; не имея никаких средств связи, чтобы своевременно предупредить штаб о наступлении противника, она была совершенно бессмысленна, а так как по своей силе и почти полной неподвижности она не могла оказать сопротивления массам красной конницы, наступление которой ожидалось, то вывод был ясный: только чудесный счастливый случай мог спасти эту заставу от совершенно напрасной гибели. Ночь прошла спокойно, на рассвете же вдруг появилась лава красной конницы, из-за бывшего в то время легкого тумана замеченная лишь на довольно близком расстоянии от высоты, на которой находился штаб бригады. Лава полевым галопом шла по направлению штаба бригады и находившихся возле шта-

ба частей бригадного резерва. Однако рассвет 9-го августа застал 3-й эскадрон уже в полной боевой готовности и только появилась красная конница, как по команде командира эскадрона, застучали оба эскадронных пулемета, а за ними весь эскадрон присоединился своим ружейным огнем. Повидимому огонь эскадрона был весьма действительным, так как лава красных сразу остановилась и через десяток секунд повернула и поскакала назад. Момент подходящий для кавалерийск. преследования с нашей стороны, но произошло совсем иное. Как только появилась неприятельская лава и раздались звуки открытого 3-м эскадроном огня, штаб бригады, вскочив на коней, полным ходом помчался в тыл, сопровождаемый полуэскадроном Изюмских гусар, не нашедших еще своего полка, за ними проскакал на прекрасной чистокровной лошади мимо 3-го эскадрона начальник общего бригадного резерва, ни одним словом, не отдавший какого-либо приказания и за всеми последовала на полевом галопе и Чеченская сотня. 3-й эскадрон, один, в спешенном строю остался среди поля, не имея никакой поддержки ни справа, ни слева. Как ни обидно было видеть такое поспешное отступление, но пришлось решиться на немедленное отступление и командир эскадрона отдал приказание садиться на тачанки и подводы и, не спеша, двигаться за исчезнувшим уже штабом бригады с его свитой.

2-й эскадрон благополучно вышел из окружения и, обойдя Рубановку, присоединился к полку в Верхнем Рогачике. 10-го августа 2-му Туземному конному полку из Верхн. Рогачика приказано было перейти в Нижн. Серогозы, а затем в с. Торгаевку, где находился штаб бригады, а также и прибывший туда 3-й эскадрон, который с прибытием в Торгаевку 2-го Туземного конного полка был откомандирован от штаба бригады и присоединился к полку. В Нижн. Серогозах полку был произведен смотр командиром конного корпуса ген. Барбовичем, т. к. 2-я отдельная конная бригада в состав кон. корпуса вошла еще 8-го августа. На смотру участвовал 2-й эскадрон; 1-й и 3-й не участвовали, так как 1-й эскадрон был оставлен в Верхнем Рогачике для связи со 2-м Донским казачьим стрелковым полком, а 3-й эскадрон в это время был уже в Торгаевке и нес службу сторожевого охранения. 1-й эскадрон должен был в течение суток оставаться в Верхнем Рогачике, но по истечении суток уже не мог присоединиться к полку, так как красные перехватили путь на Нижние Серогозы. Эскадрону пришлось временно остаться при 2-м Донском стрелковом полку.

В 8 часов утра 11-го августа бригаде приказано было перейти в наступление. Из пеших эскадронов и сотен бригады временно образован был стрелковый полк в составе четырех эск./сотен. Полку этому дано задание наступать в направлении на м. Каховка. Наступление шло успешно, был взят ряд хуторов; 3-й эскадрон занял большой хутор Лохматова. Противник ока-

зывал сопротивление, но под энергичным натиском 3-го эскадрона шт.-ротмистра Эммануель и 6-го шт.-ротмистра Терпиловского быстро сдавал свои позиции и отступал. К вечеру красные перешли в контрнаступление, но все атаки врага были отбиты. Особенно стойко держались те-же 3-й и 6-й эскадроны, также особенно успешно перед этим наступавшие. На ночлег бригада была оставлена в Торгаевке. 2-й эскадрон выставил сторожевое охранение. На сборе старших офицеров бригады ген.-майор Шинкаренко отметил особенные стойкость и мужество 3-го и 6-го эскадронов, проявленные в боевой обстановке этого дня и выразил находившимся на сборе командирам 3-го и 6-го эскадронов свою служебную благодарность.

Перед рассветом 12-го августа бригада выступила из Торгаевки с целью занять село Вознесенку и упорно держаться целый день, чтобы прикрыть правый фланг отходившей 1-й кавалерийской дивизии ген. Выграна. С первыми лучами восходящего солнца появился противник, густыми цепями наступавший по направлению выступившей из Торгаевки 2-й отдельной конной бригады. Бригадный стрелковый полк, развернувшись в боевой порядок, встретил противника пулеметных огнем. Разгорелся упорный бой. Наша артиллерия удачно громила цепи красных; все же огонь врага не ослабевал; особенно сильному огню подверглись пешие сотни Чеченцев и Осетин, что вынудило эти сотни к отступлению. Ком-ры 3-го и 6-го эскадронов решили не уступать противнику и обязательно выполнить поставленную задачу упорно защищать занятый рубеж. Пешие кавалеристы, пулеметчики и конно-артиллеристы довели огонь до максимальной возможности. Несмотря на свое численное превосходство, красные отошли в исходное положение, но вскоре снова повторили свои атаки. Эти атаки тоже были отбиты; тогда красные пустили в ход броневики. Ген. Шинкаренко, предвидя возможность броневой атаки, приказал выставить одно орудие на дороге специально против броневых машин. Наткнувшись на такое орудие и получив попадание, поспешили вражеские броневики отступить под градом пуль, посылаемых из винтовок кавалерийских стрелков прямо по бойницам броневых машин. Везде поспевающий храбрый генерал Шинкаренко, заметив колонну противника, пытавшуюся охватить наш левый фланг, бросил на эту колонну 2-й эскадрон. С полным воодушевлением эскадрон атаковал в конном строю вражескую колонну, но дойти до удара холодным оружием не мог вследствие того, что противник успел укрыться за удобными для него укрытиями и встретил эскадрон жестоким огнем. Все же колонна противника была расстроена и опасность для левого фланга бригадного стрелкового полка была устранена, полк удержал свою позицию и противник не мог продвинуться вперед ни на самое короткое расстояние. Данная бригаде задача была выполнена; фланг дивизии генерала Выграна был защищен.

Когда под вечер на фронте прекратился бой, бригаде было приказано оставить Торгаевку и отойти на ночлег на хутора Ново-Павловка. В этот вечер начальник бригады снова благодарил 3-й и 6-й эскадроны и указал на доблестное поведение эскадронов во время атаки броневиков. В бою 12-го августа был ранен командир полка полковник Невзоров и в командование полком вступил полковник Скачков. Во 2-ом эскадроне был тяжело ранен корнет Бутурлевич и вскоре скончался от ран. Легко ранен был ротмистр Дурилин, но из-за «царапины» не захотел эвакуироваться и остался в строю.

День 13-го августа прошел также в упорных боях. С утра на бригаду была возложена та же задача не дать врагу обойти наш правый фланг. 3-й эскадрон, как всю ночь бывший в сторожевом охранении, был оставлен в резерве. Как только пешие части бригады двинулись вперед, красные сами перешли в контратаку. Начальник бригады приказал во что бы то ни стало выбить противника из занятых им хуторов южнее Торгаевки, для чего приказал всем конным эскадронам 2-го Туземного конного полка, т. е. 2-му (Крымскому), 4-му и 5-му (Харьковским) атаковать в конном строю наступающих красных. Командиры эскадронов ротмистр Дурилин (2-й эскадрон), ротмистр Жуковский (4-й эскадрон) и ротмистр Титов (5-й эскадрон) повели свои эскадроны в конную атаку. Атака была выдающейся по своей доблести. Эскадроны, дойдя до удара холодным оружием, стали рубить и колоть красноармейцев, но те не сдались и не отступили, а в упор отстреливались из винтовок, пулеметов и револьверов, защищались винтовками с примкнутыми штыками и бросали ручные гранаты; происходил жестокий рукопашный бой конных с пешими. Все же поле сражения осталось за конницей; захвачены были даже пленные, но эскадроны понесли очень большие потери; тяжело ранены оба командира уланских эскадронов, во 2-м эскадроне ранен корнет Добрагаев, а во всех трех эскадронах осталось в строю не больше, как по взводу в каждом. Как стало потом известным, нашими противниками в этом бою были Сибирские стрелки. Через небольшой промежуток времени красные снова перешли в наступление. В это время правее нас подошла 6-я пехотная дивизия, но между левым ее флангом, Самурским полком и между 1-м Туземным конным полком образовался разрыв, куда брошен был последний резерв бригады 3-й эскадрон Крымцев. На этот раз наступление противника было без особого напряжения отбито нашим огнем. Красные отошли в исходное положение, а бригаде приказано отойти в Ивановку. Но так как не была известной обстановка в Ивановке, то 2-му эскадрону поручено было обстановку выяснить; оказалась Ивановка свободной от противника. Поздно ночью пешие эскадрены и сотни прибыли в Ивановку. Конные сотни 1-го Туземного конного полка с рассветом лавой заняли бугорки в 5-6-ти верстах к западу от Ивановки. 2-й эскадрон находился в резерве. Командир эскадрона ротмистр

Дурилин и несколько чинов эскадрона поднялись на высокую скирду соломы для наблюдения за впереди лежащей местностью. Было тихо, противник еще не появлялся, никакой стрельбы не было слышно. Неожиданно ротм. Дурилин схватился вдруг за горло и медленно сполз вниз со скирды. Шальная пуля, неизвестно кем выпущенная, сразила доблестного офицера. Никто не думал тогда, что эта рана смертельна, но через несколько дней узнали, что в госпитале в Севастополе во время операции Александр Александрович ротмистр Дурилин скончался. Уцелев в стольких конных атаках и упорных боях, ротмистру Дурилину суждено было погибнуть от столь печальной случайности. В командование 2-м эскадроном вступил корнет Петрункевич. Во 2-м эскадроне осталось всего около 35 всадников; в 4-м и 5-м Харьковских эскадронах осталось еще меньше и оба эскадрона сведены были в один под командой шт.-ротмистра фон Ланге, в начале 1919 года бывшего в прикомандировании к нашему, тогда отдельному, дивизиону.

Около 10 ч. утра на горизонте появились наступающие цепи неприятеля. Конные сотни Кабардинцев и Чеченцев начали отходить, изредка стреляя с коня. Вскоре сотни 1-го Туземного конного полка очутились на одной линии с эскадронами и сотнями бригадного стрелкового полка, но и на этой линии не остановились, а отошли еще дальше и остановились на буграх за селом Ивановка в сторону села Калга. В первой линии находились 3-й (Крымский) и 6-й (Харьковский) эскадроны, а Чеченская и Осетинская сотни 1-го Туземного полка были в резерве. Противник был встречен сильным огнем эскадронов и конной батареи, но остановить его не удалось; огромное превосходство сил красных заставило наши 3-й и 6-й эскадроны отходить по очереди, прикрывая отход одного другим. Противник занял Ивановку и обстреливал артиллерийским и пулеметным огнем отходившие эскадроны. После ранения ротм. Дурилина корнет Петрункевич со 2-м эскадроном был послан в дер. Шотовку для охраны фланга бригады. При виде обходившей наш левый фланг колонны противника, 2-й эскадрон развернулся в лаву и пошел навстречу конной группе красных, которая была значительно сильнее 2-го эскадрона. Атаковать эту группу эскадрон не мог, но своими действиями отвлек неприятельскую конницу от возможного ее нападения на наши пешие части. К вечеру штаб бригады и все части бригады стали на хуторах в 6-7 верстах к северу от Ивановки, а 3-й и сводный (4-й и 5-й) высланы под общей командой шт.-ротмистра Эммануель в сторожевое охранение в 1-2-х верстах южнее ночлега штаба бригады. 2-й эскадрон на ночь был выставлен на левом фланге для прикрытия фланга от возможного нападения красных. 15-го августа ожидалась подходившая на наш правый фланг Корниловская дивизия. В этот день с нашей стороны активных действий не предпринималось, как и со стороны противника. Взвод 3-го эскадрона был в прикрытии к артилле-

рийской батарее. 2-й эскадрон был послан для восстановления связи с дивизией генерала Выграна, что выполнено было в кратчайший срок. На ночь бригада вновь сосредоточилась на тех же хуторах. 3-й эскадрон назначен был в дежурную часть. Днем этого дня присоединились трое наших всадников, бывших в заставе шт.-ротм. Решко. Оборванные, не бритые и голодные, но с винтовками в руках. Как и предполагалось, застава посланная 8-го августа вечером за 18 верст вперед под командой шт.-ротмистра Решко, подверглась нападению красноармейской конницы и погибла. Шт.-ротм. Решко принял все меры предосторожности, никто не спал, все были готовы к отражению возможной атаки; но атака произошла мгновенная, со всех сторон и в полной ночной темноте, никакие меры предосторожности помочь уж не могли. Троим всадникам, вернувшимся в эскадрон, посчастливилось незаметно проскользнуть в поле и укрыться в стогах соломы. Целую неделю потом они пытались найти своих; днем прятались, ночью шли. Находились добрые люди, помогавшие им пропитанием и приютом. Одним из спасшихся был вольноопр. старший унт. офицер Брунс, двое других были наши славные куйдыши Крымские татары. Утром 16-го августа перед выступлением эскадрона, Брунсу и его двум сподвижникам разрешено было остаться весь день в обозе и отдохнуть, но они отказались от отдыха, считая, что их долг находиться в строю со своими друзьями. В этот день 16-го августа бригаде был придан Смоленский пехотный полк. Рано утром бригада выступила по дороге Каховка-Мелитополь с целью зайти во фланг Ивановской группе красных. У хуторов Ново-Николаевка сводный стрелковый полк бригады развернулся и под командой назначенного командующим полком бригадного инженера, георгиевского кавалера полковника Мацылева, повел наступление на окопавшихся на линии Ивановка - Серогозы красных. Конные эскадрены и сотни направлены были на Ивановку, легко ими занятую, а затем заняли и Шотовку. Пешие эскадроны и сотни наткнулись на крупные и стойкие войсковые части красноармейцев. Первая линия все же была сбита и отошла на вторую линию, которая встретила наши наступающие цепи сильным ружейным и пулеметным огнем, поддержанным могучим огнем артиллерии. 3-й эскадрон находился в резерве; приблизительно около полудня полковник Мацылев вызвал эскадрон, приказал развернуться и сам, идя впереди развернутого эскадрона, указывал направление движения; эскадрон влился в общий боевой порядок, очутившись между Чеченской пешей сотней справа и Осетинской слева. Правее Чеченской сотни развернут был Смоленский пехотный полк (6-й дивизии). С обеих сторон было проявлено редкое упорство. 3-й эскадрон во весь рост смело продвигался вперед. Отсутствие штыков оставляло неприятный моральный осадок, но это не останавливало твердое решение атаковать врага в составе всей наступающей группы. Артиллерийский огонь противника

оказался на этот раз очень метким; несколько гранат разорвалось в середине цепи эскадрона, а одна из них непосредственно в ногах добровольца Андрея Анищенко, дня три назад переправившегося с той стороны Днепра с целью поступить в ряды Русской армии. Подброшенный высоко вверх, несчастный Анищенко грохнулся обратно вниз с оторванными до поясницы ногами. К нему подбежал классный фельдшер Иван Никитич Харитонич, но помочь ему уже не мог; через минуту на руках Харитонича Андрей Анищенко скончался. Иван Харитонич, будучи в чине чиновника, поступил добровольцем в начале 1919 года в наш кадровый эскадрон и не захотел пользоваться какими-либо привилегиями, связанными с его чином и званием классного фельдшера. Несмотря на свой, хотя и скромный, чин служил на должности рядового и только когда была нужна экстренная медицинская помощь и не было около представителей медицинской службы, тогда он всегда всей душой отдавался фельдшерской помощи нуждающимся. Эскадрон продолжал двигаться вперед и, подойдя на расстояние около 200 шагов от противника, стало ясным, что соседи наши не думают о необходимости общей атаки на противника и залегли на сотню шагов дальше 3-го эскадрона. Смоленцы также залегли и окопались. В 3-м эскадроне у всех нижних чинов были лопатки для самоокапывания. Командир эскадрона приказал залечь и, продолжая вести огонь, также начать и самоокапываться. С нашей стороны, господствовавшей над позициями противника, хорошо видны были цепи красноармейцев, это были уже настоящие солдаты, напоминавшие собою солдат старой Императорской армии; никакого сходства не было с красноармейцами 1918 и начала 1919 года. Взаимная перестрелка продолжалась очень оживленно, но артиллерия красных перестала громить, лишь изредка пуская отдельные снаряды. Бой 16-го августа дорого обошелся 3-му эскадрону. Из восьми офицеров ранено четыре: командир эскадрона шт.-ротм. Эммануель, поручик Ватель, корнет Глинястый и корнет Александров; выбыло из строя убитыми и ранеными 30 нижних чинов, в том числе трое убитых; в числе раненых был и вахмистр эскадрона подпрапорщик Курт Сеит Эмиров. Эскадрон продолжал оставаться на занятом рубеже, пока не получил приказания отойти, сперва на линию Смоленцев, Чеченцев и Осетин, а затем со всеми частями бригады на позицию к юго-западу от хуторов Ново-Николаевка. В командование 3-м эскадроном вступил поручик Кульшин; с ним осталось в эскадроне еще три офицера: корнет Веригин, корнет Пылков и корнет Савельев Дмитрий, командир пулеметного взвода. Целый транспорт раненых, не только 3-го эскадрона, но и других подразделений 2-го Туземного полка, 17-го августа утром вытянулся по направлению на с. Калга и далее на ст. Акимовка; среди тяжело раненных находился и вольноопр. Брунс. В санитарном поезде на ст. Акимовка он скончался.

17-е августа ознаменовалось прибытием из Польши эскадрона ротм. Лихвенцова. Вместо того, чтобы стать в дивизионе Крымцев 4-м эскадроном, как предполагалось раньше, пришлось эскадрону влиться в остатки 3-го эскадрона и ротм. Лихвенцов стал командиром 3-го эскадрона. В этот же день 17-го августа на всем Днепровском фронте наши войсковые части вновь перешли в наступление и на этот раз, сломив сопротивление противника, отогнали красных до Каховки, но Каховка, ставшая уже настоящей крепостью, осталась за противником. После этой крупной и удачной операции 2-я отдельная конная бригада заняла свой прежний боевой участок со штабом бригады в Верхнем Рогачике. Во всей этой операции, продолжавшейся до конца августа, бригада в составе конного корпуса приняла деятельное участие, в частности 2-й и 3-й эскадроны Крымцев с успехом выполняли поставленные им задачи. 1-го сентября, ко дню прибытия штаба бригады в Верхний Рогачик, присоединился к полку 1-й эскадрон. Приказом Главнокомандующего Русской армией с этого времени 2-й Туземный конный полк был переименован в 9-й Кавалерийский.

1-й эскадрон после того, как был вынужден присоединиться ко 2-му Донскому казачьему стрелковому полку, с этим полком двинулся на села Орлянку и Васильевку, которые были заняты красными. По освобождении этих сел от противника, эскадрон прибыл в с. Малую Белозерку, откуда посылая разъезды, вел разведку на села Днепровку, Балки и Большую Белозерку. 16-го августа красные снова заняли Васильевку, вытеснив оттуда части Русской армии. Около 11 часов утра повели они наступление на Малую Белозерку; наступление красных было отбито совместными действиями 2-го Донского стрелкового полка и нашего 1-го эскадрона. После этого в 2 часа дня разъезд 1-го эскадрона донес, что от Васильевки на Орлянку двигается большая колонна красной конницы. В 3 часа дня эта конница уже бросилась в атаку на Малую Белозерку, но и эта атака была отбита, при чем большую помощь оказали семь наших самолетов. Красные, однако, на этом не успокоились. Обойдя оба наших фланга, атаковали Малую Белозерку; 2-й Донской стрелковый полк оказался окруженным, но 1-й эскадрон в окружение не попал. Желая помочь Донским стрелкам, командующий эскадроном поручик Кононов повел эскадрон в конном строю в атаку на красных, занявших выход из села; красные отхлынули, и эскадрону удалось спасти около половины полка, но другая половина, застрявши в М. Белозерке, была разбита противником и попала в плен с большинством своих пулеметов. Во время отхода уцелевших сотен 2-го Донского стрелкового полка 1-й эскадрон все время прикрывал их отступление. К вечеру 16-го августа Донцы и 1-й эскадрон прибыли в с. Веселое, где остановились на ночлег. 17-го августа от 1-го эскадрона посланы разъезды на Александровку и Менчикуры. Оба села были заня-

ты противником. Остатки 2-го Донского стрелкового полка и 1-й эскадрон вступили в бой с красными, занимавшими эти села, но безрезультатно; огромное преимущество в силах было на стороне красных. Пришлось отойти в Веселое.

18-го августа 1-й эскадрон с присланным из штаба 2-й Донской дивизии броневиком совершил налет на Александровку. Броневик ворвался на главную улицу Александровки, произвел там панику и произошло настоящее бегство. Красные кавалеристы, около двух эскадронов, пользуясь свежестью своих коней, смогли ускакать от преследовавшего их 1-го эскадрона.

20-го августа в с. Веселое прибыли 2-я Донская дивизия и Джунгарский конный полк. Теперь в этом районе перевес сил был на стороне войск Русской армии. Перейдя в наступление, наши части отбросили красных и 1-й эскадрон принял деятельное участие в преследовании. Так как связь с 9-м Кавалерийским полком была уже налажена, то к 1-му сентября под командой поручика Кононова эскадрон смог вернуться к своему полку. До 18-го сентября дивизион Крымцев в составе 9-го Кавалерийского полка продолжал нести службу на побережьи Днепра. 18-го сентября состоялся приказ Главнокомандующего о переводе дивизиона Крымского Конного полка из 9-го Кавалерийского полка в 7-й, а дивизиона Харьковских улан из 9-го Кавалерийского полка в 4-й. Таким образом 9-й Кавалерийский полк оказался расформированным.

По приказанию штаба конного корпуса 20-го сентября дивизион Крымцев прибыл в с. Нижние Серогозы, где находился штаб 1-й кавалерийской дивизии. К большому огорчению Крымцев пришлось расстаться с частью лошадей, переданных в 1-ю кавалерийскую дивизию. Вся 1-я дивизия сидела теперь на конях, а 2-я дивизия в Карасубазаре пополнялась личным и конским составом. 27-го сентября дивизион Крымцев прибыл в Карасубазар и вошел там в состав 7-го Кавалерийского полка. Полком командовал полковник Ковалинский, коренной офицер лейб-гвардии Уланского Его Величества полка. Наш дивизион был переформирован в два эскадрона; один эскадрон стал сразу конным и командиром его назначен был ротмистр Лихвенцов, другой эскадрон временно оставался пешим, его командиром назначался шт.-ротмистр Эммануель, но ввиду его ранения и пребывания в госпитале после операции, временно командующим эскадроном назначен шт.-ротмистр Кульшин. Конный эскадрон оставлен был в Карасубазаре, где вел занятия, а также принимал участие в борьбе с зелеными. Пеший эскадрон назначен был в распоряжение начальника гарнизона города Симферополя и нес там гарнизонную службу.

В состав 7-го кавалерийского полка кроме Крымцев входили также

наши старые соратники по Сводно-Драгунскому полку и Одесскому дессанту Санкт-Петербургские («Петроградские») уланы и Новороссийские драгуны и будущие соратники Смоленские уланы, Сумские гусары и Лубенские гусары. 7-й Кавалерийский полк входил в состав 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии. Дивизией командовал ген. Шифнер-Маркевич, а бригадой полковник Ряснянский. 8-го октября 7-й Кавалерийский полк выступил из Карасубазара в Симферополь, а 9-го октября полк начал грузиться в вагоны. В ночь на 10-е октября эшелоны полка двинулись на север. Все пешие эскадроны дивизии были сведены в Стрелковый полк 2-й кавалерийской дивизии, который по железной дороге был доставлен на станцию Юшунь, а оттуда походным порядком прибыл на Перекопский перешеек в г. Армянск.

В 7-м Кавалерийском полку было восемь эскадронов; Петроградцы и Крымцы имели по одному конному и одному пешему эскадрону; Новороссийцы, Смоленцы и Лубенцы по одному конному эскадрону и Сумцы только один пеший. Пешие эскадроны Сумцов и Крымцев были выделены в стрелковый полк 2-й кавалерийской дивизии, а Петроградский пеший эскадрон получил другое назначение. В составе пяти конных эскадронов 7-й Кавалерийский полк 12-го октября прибыл на ст. Акимовку и по выгрузке перешел в с. Елисаветовку, в 18-ти верстах от Акимовки, где простоял до 14-го октября. 14-го октября 7-й Кавалерийский полк перешел в с. Калга, а 17-го в село Торгаевка. В этот же день около Нижних Серогоз начальник дивизии генерал Шифнер-Маркевич произвел смотр полку, а затем полк представился и командиру конного корпуса ген. Барбовичу. Оба генерала остались довольны видом полка, а ген. Шифнер-Маркевич, обгоняя полк по дороге на Торгаевку вызвал к себе ротмистра Лихвенцова и благодарил его за прекрасный вид эскадрона. Вечером 17-го вся 2-я кавалерийская дивизия сосредоточилась в Торгаевке. На ночь от Петроградского уланского эскадрона в сторону Каховки были выставлены сторожевые заставы. Ночь прошла спокойно. 18-го октября после полудня послышалась сперва отдаленная пулеметная стрельба, а затем все приближающаяся к самому селу. Полк был поднят по тревоге. В 3 минуты эскадрон Крымцев был готов и на полевом галопе выскочил за село в сторону противника, туда же стянулся и весь полк. На расстоянии около версты от полка появилась конная группа в составе приблизительно трех эскадронов. Минуты две колебания, не свои ли это? Но больше и не потребовалось; конная эта группа открыла огонь из пулеметов и орудий, сразу поразив 7-й Кавалерийский полк. Немедля, командир полка повел за собой полк в конную атаку, но конница противника атаку не приняла и ускакала. Командиром полка в это время был полковник Попов Сергей Петрович, коренной офицер 10-го уланского Одесского полка. Полковник Ковалинский был назначен командиром Гвардейского кавалерийского полка. От огня противника в Крымском

Конном эскадроне первыми же пулями был убит прикомандированный к Крымцам поручик Добржанский; тяжело ранен был корнет Мелисаров и пять всадников получили сравнительно легкие ранения. До наступления темноты в 3-4 верстах от Торгаевки находилось несколько наблюдательных разъездов, в том числе и один от Крымцев. На ночь разъезды были отозваны и вся дивизия выстроилась на Церковной площади в ожидании ночного налета неприятеля. Ночь и день 19-го прошли спокойно. Один взвод от Крымцев находился в сторожевом охраннеии. Стояла совершенно необычная для Северной Таврии суровая зима; нормально в это время года была всегда приятная хорошая погода, а в этом году жестокий мороз. Не дурной ли это признак? Обыкновенно летом мы всегда побеждали, а зимой успех бывал у красных. Неужели и в этом году будет успех у красных? Но мы отбрасывали сомнения и верили в окончательную нашу победу. На рассвете 20-го октября весь конный корпус выступил по направлению на Агайман. Все обозы и кухни еще ночью были отправлены в тыл. Вместе с корпусом выступил и вновь сформированный эскадрон легких авто-грузовичков «Форд», вооруженных пулеметами, но без всяких приспособлений для удобства ведения огня.

Не доходя нескольких верст до Агаймана, конный корпус остановился и выстроился в резервную колонну. Казачья дивизия вела бой с крупными силами красной конницы, удерживавшими Агайман. Бой был упорный, но часа через два конница красных отступила и Агайман был взят. Преследовать противника был послан авто-эскадрон. Ночь 7-й Кавалерийский полк провел в Агаймане под усиленным охранением. От Крымцев в охранение были назначены две заставы и выслано было два разъезда.

21-го октября корпус выступил на село Отрада. Крымский Конный эскадрон шел в хвосте колонны. По дороге в полдень корпусу был дан отдых и полки расположились по хуторам. На каждый эскадрон пришлось по одной и в редких случаях по две хаты. Через два часа полки конного корпуса двинулись в дальнейший путь. Крымцы по-прежнему находились в арьергарде и, выступая из хутора, где отдыхали, были обстреляны пулеметным огнем группой красных, наступавших на хутор и уже успевших занять часть этого хутора. По команде командира эскадрона Крымцы развернулись в лаву, а затем спешились и открыли огонь по наседавшим крупным вражеским силам, не считавшимися со своими потерями. Все же эскадронные пулеметы под командой шт.-ротмистра Богдановича заставили противника остановиться. Тем временем корпус успел уже уйти на довольно значительное расстояние. Однако, конные батареи, открывшие огонь по наступающим красным, и прибывшие на поддержку автомобили — «Форды» помогли нашему эскадрону окончательно отогнать противника и затем продолжить движение на село Отрада. Село

Отрада и село Рождественское оказались в руках противника. 1-я дивизия атаковала эти села, выбила из них противника и корпус расположился в селе Рождественском. На рассвете 22-го октября Крымцы были посланы разведывательным эскадроном на с. Петропавловку, находившуюся в 15-ти верстах от Рождественского. Корнет Петрункевич с 3-м взводом установил, что Петропавловка занята красными и в то же время другим разъездом замечено было движение большой колонны неприятеля от Петропавловки по ложбине к Рождественскому. Обо всем замеченном командиром эскадрона немедленно было послано донесение. Кроме движения главных сил по ложбине, противник обнаружен был еще на одном из хуторов по направлению на Петропавловку; при виде приближающегося эскадрона противник, оказавшийся небольшим конным отрядом, поспешил ускакать. Ведя непрерывное наблюдение за колонной, продвигающейся по лощине, эскадрон постепенно отходил на Рождественское, находясь все время в сфере действительного огня и под угрозой быть отрезанным от своих. К вечеру, получив приказание, эскадрон прибыл в Рождественское, где застал конный корпус построенным в ожидании ночной атаки противника.

На рассвете 23-го октября 1-я и 2-я кавалерийские дивизии, а также и части 1-го и 2-го армейских корпусов, начали отход на ст. Сальково. Крымский Конный и Смоленский уланский эскадроны были оставлены для прикрытия отступления. В течение всего дня оба эскадрона принимали на себя атаки противника, разворачиваясь в лаву и отбиваясь пулеметным и ружейным огнем. После 10 часов утра при сильной артиллерийской поддержке красные большими силами пошли в атаку на Крымцев, а эскадрон противника стал обходить левый фланг Крымского эскадрона. Разгорелся упорный бой. Красные были во много раз сильнее в числе своих бойцов и в количестве поддерживавших их орудий. Под сильнейшим давлением противника Крымцы стали постепенно отходить. В этот момент подскочил к эскадрону командир бригады полковник Ряснянский и приказал снова перейти в атаку, чтобы дать возможность последним частям главных сил отойти в порядке. Ротмистр Лихвенцов повернул эскадрон назад и Крымцы снова атаковали красных. Пораженные неожиданной смелой контратакой Крымцев, красные остановились и бросились назад, но вскоре пришли в себя и опять продолжили свое наступление. Пока главные наши силы совершали свой отход, Крымцы и Смоленцы весь день провели под жестоким огнем врага, отбивая его атаки. Оба эскадрона понесли очень большие потери. Только лишь вечером 23-го октября после всех Крымцы вошли на полуостров за проволочные заграждения, у которых осталась Дроздовская стрелковая дивизия.

24-го и 25-го октября эскадрон Крымцев простоял в деревне Киат. 26-го утром в составе полка выступил по направлению на Перекоп. К вечеру

полк прибыл в с. Воиновка, а ночью перешел на хут. Бема, где 7-й Кавалерийский полк оставался в резерве до 5-ти часов вечера, когда 2-я бригада 2-й кавалерийской дивизии (7-й и Кавказский полки) брошена была в конную атаку на красную пехоту, сидевшую в занятых ею наших окопах. При виде атаки красные выскочили из окопов и забежали за проволочные заграждения, оградив себя не только проволочными заграждениями, но и всей системой глубоких окопов, ходов сообщения, траверсов и пр., построенных нашими войсками. Бригада не была в состоянии преодолеть все эти препятствия и вынуждена была повернуть обратно. Крымский Конный эскадрон во время атаки находился уступом на правом фланге. От артиллерийского огня противника было ранено несколько всадников и лошадей, головкой снаряда контужен был по спине неутомимый классный фельдшер Харитонич, но остался в строю. После этой атаки весь 7-й Кавалерийский полк до 2-х часов ночи провел в сторожевом охранении, рассыпавшись в конном строю по всему фронту. После 2-х часов ночи полк был сменен частями 1-й кавалерийской дивизии и отправлен в д. Карпову Балку в 4-5 верстах к юго-востоку от Армянска. В этой деревне уже находился Кавказский кавалерийский полк. На всю бригаду отведена была всего лишь одна хата. Мороз был очень сильный и согреться людям было негде. Сиваш, никогда зимой не замерзающий, теперь в конце октября полностью замерз. Это было большим несчастьем для Русской армии.

На рассвете 28-го октября, когда эскадроны начали водить более суток не пивших лошадей на водопой, неожиданно бригада подверглась нападению с тыла красной конницей, проскочившей по льду Сиваша между охранением 1-й кавалерийской дивизии и казаками ген. Фостикова. После краткого замешательства в частях конного корпуса быстро был восстановлен порядок и конница красных была отброшена от Карповой Балки и Юшуня.

Новые красные соединения снова переправились по замерзшему Сивашу и сразу стремительно бросились в наш тыл. Конный корпус должен был отходить параллельно по отношению к наступающим красным. Весь день 28-го октября происходили бои. Враг отбрасывался назад, но новые массы «Буденовцев» снова теснили полки нашего конного корпуса.

Эскадрон Крымцев наравне со всеми стойко выполнял свой долг. В этот день тяжело ранены были командир эскадрона ротм. Лихвенцов и шт.-ротмистр Богданович. Ряды эскадрона уменьшались, но раненых всех вывозили. После ранения ротмистра Лихвенцова во временное командование эскадроном вступил корнет Дрига.

29-го октября Кавказский кавалерийский полк с приданным ему нашим Крымским эскадроном двигался в арьергарде. Крымцы отходили последними,

подвергаясь обстрелу врага. В ночь на 30-е октября конный корпус оторвался от противника и весь день провел в походе вне сферы неприятельского огня. Ночь с 30-го на 31-е корпус провел на ст. Сарабуз; 31-го октября прошел через Симферополь и Алушту и к вечеру 1-го ноября прибыл в город Ялту. Пришвартовавшись к молу стояли небольшой транспорт «Крым» и маленький пароход «Русь». Сразу же началась погрузка.

В Крымском Конном эскадроне после всех боев вместе с г.г. офицерами осталось не больше тридцати человек; на пристани присоединилась еще небольшая команда выздоравливающих и бывших в командировках, прибывшая к погрузке вместе с Запасным кавалерийским полком. По приказу генерала Врангеля всем, кто не хотел эвакуироваться, разрешалось остаться на родине, но таковых на весь корпус было не больше пяти человек, которые до отплытия судов стояли на берегу, провожая своих друзей в неизвестность. Из желающих уехать никто не остался на берегу; погрузка прошла в полном порядке. Тяжело было на душе при виде остающихся на берегу лошадей, наших боевых друзей. Седла взяли с собой; несколько орудий наши конно-артиллеристы сбросили в море.

Днем 2-го ноября, перед отплытием наших судов от Крымского берега, на крейсере «Ген. Корнилов» (бывш. «Кагул») прибыл Главнокомандующий ген. Врангель, обратившийся к находившимся уже на транспорте чинам корпуса с соответствующим переживаемому трагическому моменту словом; затем на шлюпке подошел к берегу Набережной и сказал несколько патриотических слов собравшейся толпе, которая приветствовала ген. Врангеля громким «ура!». После этого Главнокомандующий отбыл на крейсере в Феодосию, где грузились Кубанские казаки, а транспорт «Крым» и пароход «Русь» отделились от Ялтинской пристани и взяли курс на Константинополь. На «Крыме» покинули Крым, последний уголок нашей Родины!

На этих судах не было хотя бы остатков нашего пешего эскадрона. Значительно позже стала известной постигшая его судьба. По прибытии на Перекопский перешеек наш стрелковый эскадрон вошел в состав Сводного стрелкового полка 2-й кавалерийской дивизии, который был направлен на «Чувашский» полуостров. 28-го октября, когда массы красной конницы переправились по льду Сиваша и напали на части конного корпуса с тыла, то «Чувашский» полуостров сразу оказался отрезанным от своего тыла. Пробиться через атакующую красную кавалерию было совершенно невозможным; в неравной борьбе весь наш эскадрон погиб у «Чувашского» полуострова в составе 5-ти офицеров и 120-ти всадников. Кроме Крымцев погибли еще эскадроны Рижских драгун, Сумских гусар и Иркутских гусар. В нашем пешем эскадроне находились командующий эскадроном шт.-ротмистр Кульшин, кор-

нет Александров, корнет Веригин, корнет Кибальченко и на днях произведенный за боевые отличия корнет Ватель 2-й Борис.

4-го ноября утром «Крым» стал на Константинопольском рейде, где находилось уже много судов с эвакуированными из Крыма чинами Русской армии и беженцами. Простояв на месте десяток дней, транспорт «Крым» отправлен был дальше и 15-го ноября Конный корпус выгружен был в порту Галлиполи. Местом расквартирования прибывших Русских войск была выбрана долина в 7-8 верстах от города в пустынной местности вдоль мелководной речки. На левом берегу предполагалось разместить части пехоты и артиллерии, сведенные в одну дивизию, а против них на правом берегу кавалерийские части, также сведенные в одну дивизию. Обе эти дивизии, а также и части, оставленные в городе, образовали вместе 1-й армейский корпус.

Из порта к месту своего будущего расквартирования войсковые части шли пешком, неся на своих плечах тяжелые палатки барачного типа. Крымцы, как и все, тоже с палатками на плечах отправились к назначенному им месту. 7-й и Кавказский кавалерийские полки были сведены в один 4-й кавалерийский полк; командиром этого полка стал командир бригады полковник Ряснянский. Командир 7-го кавалерийского полка полковник Попов назначен был старшим штаб-офицером в 3-й кавалерийский полк, который образовался из 2-го и 4-го кавалерийских полков 1-й бригады. Вся 2-я кавалерийская дивизия стала 2-й бригадой Кавалерийской дивизии, образовавшейся от слияния 1-й и 2-й дивизий конного корпуса. Командиром 2-й бригады стал ген. Шифнер-Маркевич, а начальником дивизии ген. Барбович, его начальником штаба стал ген.-м. Крейтер, бывший начальник штаба конного корпуса. В 4-м Кавалерийском полку образовалось 6 эскадронов: 1-й эскадрон офицерский, 2-й — Сумцы и Лубенцы, 3-й — Крымцы и Петроградцы, 4-й — Новороссийцы и Смоленцы, 5-й — Кабардинцы и 6-й — Кавказские драгуны (Тверцы, Нижегородцы, Северцы и Переяславцы). Крымцы вошли в 3-й эскадрон полуэскадроном, хотя Петроградцев было больше, т. к. у них уцелел пеший эскадрон, не разделивший участь других пеших эскадронов 2-й дивизии у Перекопского перешейка. Командиром 3-го эскадрона назначен был Петроградец полковник Рубцов, а помощником командира эскадрона Крымец ротмистр Эммануель.

Главнокомандующий генерал Врангель выразил свое глубокое убеждение в том, что мы, защищавшие от большевиков не только интересы России, но и всего мира, не должны теперь просить, а требовать от союзных великих держав оказать нам помощь в дальнейшей борьбе с большевизмом и что помощь безусловно будет оказана. Поэтому сохранение армии для дальнейшей борьбы с поработителями нашей родины является первой и главной нашей проблемой.

Необходимость сохранения армии внедрилась и во всех частях Русской армии от командиров до рядовых бойцов включительно.

В Галлиполи Крымцы вместе с другими частями дивизии провели 10 месяцев. Условия жизни на Галлиполийском полуострове были уже описаны во многих книгах и журналах и не стоит о них еще раз вспоминать. Несмотря на многие лишения, дух в войсках был бодрый, вера в своего Главнокомандующего оставалась прежней. Решительными мерами ген. Кутепову с помощью его начальника штаба ген. Штейфона удалось поднять дисциплину до предельной высоты. Всем, кто не хотел оставаться в рядах армии, разрешалось уходить в беженский лагерь.

После прибытия некоторого числа Крымцев одиночным порядком состав нашего полуэскадрона («ячейки», как стали называть в Галлиполи остатки полков) увеличился до 45-ти человек. Кроме того в офицерском эскадроне было 8 г.г. офицеров, в пулеметном эскадроне находился корнет Савельев Дмитрий. Старшим Крымцем был подполковн. Тихановский, находившийся в Запасном кавалерийском дивизионе, но ожидавший перевода в 4-й Кавалерийский полк. Старейшим Крымцев в Галлиполи был полковник Александр Николаевич Эммануель, бывший начальником Осетинской конной дивизии, отступившей с Астраханского направления в Грузию, а в Крыму по прибытии из Грузии полковник Эммануель, не желая сидеть сложа руки в резерве чинов в ожидании назначения командиром кавалерийской бригады, согласился принять сформированный при 34-й пехотной дивизии Симферопольский конный дивизион, которым командовал во всех боях с начала сентября до эвакуации из Крыма в Галлиполи, где дивизион вместе с дивизионом 13-й пехотной дивизии был влит в 1-й Конный Алексеевский полк, сведенный в Галлиполи в дивизион, командиром которого был назначен полковник Эммануель, а адъютантом дивизиона стал коренной Крымец шт.-ротмистр Росницкий. Запасным дивизионом командовал полковник Апухтин, числившийся во время мировой войны в Крымском Конном Ее Величества полку. В команде Галлиполийского порта находился шт.-ротмистр Воблый. Еще несколько офицеров Крымцев прибыли в Галлиполи, но не остались, а убыли в Константинополь. В 4-м кавалерийском полку находился и верный друг полка ветеринарный врач доктор Тиминский. На острове Лемнос в должности начальника штаба Кубанского корпуса находился бывший наш командир полка полковник Туган-Мирза-Барановский, навестивший своих Крымцев во время его служебной командировки в Галлиполи.

Во время первого месяца пребывания в Галлиполи произошло печальное событие. Заболевший сыпным тифом ген. Шифнер-Маркевич скончался. Командиром 2-й бригады стал командир 3-го полка ген.-м. Гернгросс; начальником штаба бригады был полковник Ивановский. Очутившись в изгнании,

чины Русской армии, не желая напрасно терять время, под руководством своих командиров и опытных инструкторов взялись за усовершенствование своих военных знаний. Были образованы военные училища, разные специальные курсы, устраивались маневры. При штабе кавалерийской дивизии устроили курсы для подготовки эскадронных командиров, вскоре переименованных в кавалерийскую школу, но фактически это были курсы с полной программой кавалерийского училища. За 8 мес. при отсутствии строевых занятий, теоретическая подготовка с применением опыта мировой войны была вполне основательной. Курсы эти среди г.г. офицеров кавалеристов были очень популярны и посещали их не только окончившие ускоренные выпуски, но и несколько офицеров, выпущенных из училищ еще в мирное время. Из офицеров Крымцев окончили эти курсы ротм. Дмитриев и ротм. Эммануель. Хотя и не было лошадей, но производились занятия рубкой и уколами пикой. Организовано было состязание. Лучший по рубке эскадрон в полку выходил потом на дивизионное состязание. В 4-м Кавалерийском полку лучшим по рубке оказался 3-й эскадрон (Крымцы и Петроградцы). На дивизионном состязании выступление эскадронов происходило по жребию; последним выступал Запасный дивизион. Перед выступлением эскадрона Запасного дивизиона Крымцы и Петроградцы оказались первыми среди четырех полков и конно-артиллерийского дивизиона; казалось, что победа уже обеспечена 3-му эскадрону 4-го полка, но вышел эскадрон Запасного дивизиона и только на ничтожное число очков оказался лучше Крымско-Петроградского эскадрона, которому пришлось удовлетвориться вторым местом.

Постепенно шло время и, наконец, приблизился срок оставления Галлиполийского полуострова. Пехотная дивизия должна была быть перевезена в Болгарию, а Кавалерийская в Югославию, где должна была быть принятой на службу в пограничной страже. За несколько дней до выезда ввиду малочисленности 4-го полка, полк был переформирован в три эскадрона и полуэскадрон офицерский. В состав 3-го эскадрона вошли еще и Лубенцы. Эскадрон был переименован во 2-й; командиром эскадрона назначен Лубенец полковник Чегринцев, помощником командира эскадрона полковник Рубцов. Крымцы вошли в эскадрон взводом, командиром которого назначен был ротм. Дмитриев. Ротм. Эммануель получил назначение командира взвода в офицерском полуэскадроне.

28-го августа 1921 г. 2-я бригада (3-й эшелон дивизии) была погружена на турецкий пароход «Кирасун», который доставил 29-го августа бригаду в Салоники. После выгрузки с «Кирасуна» бригада тотчас же была посажена в вагоны и к вечеру прибыла в пограничный с Грецией городок Джевджелию. 1-я бригада уже была на границе.

Офицерский эскадрон остался на неопределенное время в Галлиполи.

Югославское правительство, принимая дивизию в пограничную стражу, ограничило в ней число офицеров, не считая возможным назначать офицеров на солдатские должности. Подполковник Тихановский, бывший в 4-м полку на должности помощника командира офицерского эскадрона, остался на этой же должности и не мог выехать вместе с полковой «ячейкой» в Югославию. Не смогли уехать и бывшие в офицерском эскадроне наши офицеры.

В Джевджелии оставались 15 дней; прошли через все требуемые инстанции: баню, дезинфекцию, медицинский осмотр, выдачу обмундирования и проч. После Галлиполийского полуголодного пайка было приятное ощущение от хорошей сытной еды. На медицинском осмотре некоторые чины бригады были забракованы; большинство из них поступили в жандармерию, в том числе наши корнеты Черемисинов и Лешков. Во время десятимесячного пребывания в Галлиполи «Крымская ячейка» в своем составе сильно уменьшилась: двое поступили в Николаевское кавалерийское училище, трое уехали в Чехо-Словакию продолжать свое образование, трое уехали в Бразилию, трое уехали в свои родные места, не окупированные большевиками; в конечном итоге в пограничную стражу было принято всего 20 человек, в том числе 7 офицеров: ротмистра Эммануель, Дмитриев и Глинястый, шт.-ротм. Петрункевич, поруч. Савельев Николай и корнеты Станишевский и Савельев Дмитрий.

15-го сентября 2-я бригада двумя эшелонами отправилась в путь к границам Австрии и Италии. Крымцы в составе 4-го полка были в первом эшелоне, который взял путь на Скоплье, Ниш, Белград и Загреб, где произошла остановка при штабе 4-го пограничного округа («отсека»). При «команданте» отсека должен был находиться русский «референт» (советник) наш командир бригады ген.-м. Гернгросс. В Загребе произошла разбивка по «четам» (ротам). Крымцы были сведены в эскадрон со Смоленцами, командиром которого стал Смоленец подполковник Собакин-Фадеев. По жребию Крымско-Смоленскому эскадрону (чете) достался № четы 16-й. Стоянка этой четы находилась в Словении в редкой по красоте местности в области Юлийских Альп и хребта «Караванки» по границе с Австрией. Командиром четы был капитан 2-го класса серб; командиром одного взвода был также Югославский офицер, а другого взвода русский офицер (к-р- эскадрона), имевший звание контрактуального чиновника и носившего нашу русскую форму. По железной дороге через города Любляна и Крань новый эскадрон-чета был доставлен на станцию Довье-Мойстрана. В деревне — курорте Мойстрана расположился штаб четы. В городе Кране находился штаб 4-го «пододсека» (отдела), при «команданте» которого находился также русский «референт» наш командир 4-го кавалерийского полка полковник Попов, ставший командиром полка вследствие отъезда полковника Ряснянского в Чехо-Словакию. Все офицеры в чете были на унт.-оф. должностях, а некоторые были даже рядовыми. Солдаты

наши независимо от их звания все были рядовыми. Служба была не тяжелая, условия жизни были вполне удовлетворительны; с непривычки постоянное движение по горной местности в первое время некоторых очень утомляло.

После первого года службы в пограничной страже официально разрешалось желающим подавать прошение об увольнении из службы. Только четверо воспользовались этим разрешением: вольноопределяющиеся мл-унт-офицеры Владимир Андреевский 3-й и Василий Третьяков ради поступления в Николаевское кавалерийское училище, эвакуированное из Галлиполи в Королевство С.Х.С. (Сербов, Хорватов и Словенцев) и корнеты Станишевский и Дмитрий Савельев, пожелавшие закончить университетское образование.

Но в это время уже вышел приказ Генерала Врангеля о необходимости перехода чинов армии на собственное обеспечение своего существования и никто уже не был связан обязательством оставаться при своих войсковых частях. В дальнейшем для сохранения связи между всеми чинами армии генералом Врангелем был создан Русский Обще-Воинский Союз.

В своей среде Крымцы объединились в полковом объединении Крымского Конного Ее Величества полка, в которое вошли все чины полка когда-либо служившие в полку независимо от того, где кто находится. Большинство Крымцев после первого года эмиграции осело во Франции и в Королевстве С.Х.С. (Югославии). Во главе объединения стал бывш. командир полка Свиты Его Величества ген.-майор Николай Антонинович Княжевич. Главный центр объединения обосновался в Париже. К состоявшим уже в объединении в течение первых лет в эмиграции присоединились и выпущенные из Николаевского кавалерийского училища корнеты Янушевский Анатолий, Соколовский Григорий, Бородзич Сергей, Андреевский Владимир, Григорьев Владимир, Келлер Анатолий и Третьяков Василий. Все они основательно прошли полный курс училища и все они были участниками гражданской войны в своем полку, кроме Анатолия Келлера, поступившего в Николаевское Кавалерийское Училище по окончании кадетского корпуса.

Очутившись вне пределов своей Родины, Крымцы продолжали считать себя на службе своему Отечеству и верить в возрождение Великой Императорской России и в ней родного Крымского конного Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка. Священная светлая память о трагической, мученически погибшей **Царской Семье** всегда останется у Крымцев до конца их жизни.

23 августа 1976 года.
Вайнлэнд, Н. Дж. С.Ш.А.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Русское Национальное
Издательство и Типография
Владимира Азара.
Технический редактор А. В. Гибанов.
Художник Д. Четвериков.

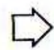

**Русское Национальное Издательство
и книжное дело ГЛОБУС.**
GLOBUS P. O. Box 86 San Francisco, CA 94127

ИЛЛЮСТРАЦИИ

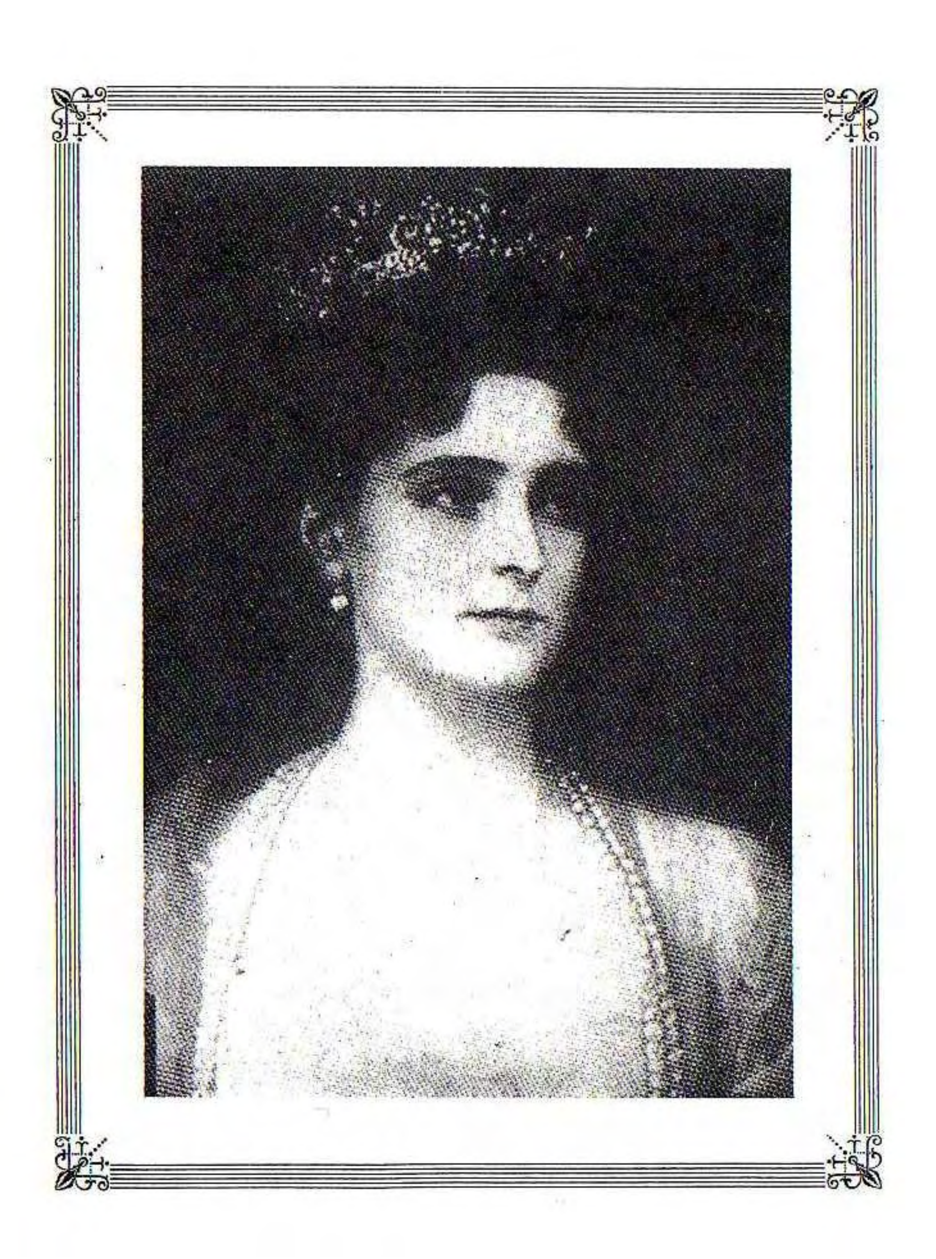
Его Императорское Величество
Государь Император Николай II Александрович.
5-го ноября 1909 года
изволил зачислить Себя в списки
Крымского Конного Ее Величества полка.

Ее Императорское Величество
Государыня Императрица Александра Θеодоровна
с 1909 года Августейший Шеф полка.

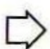

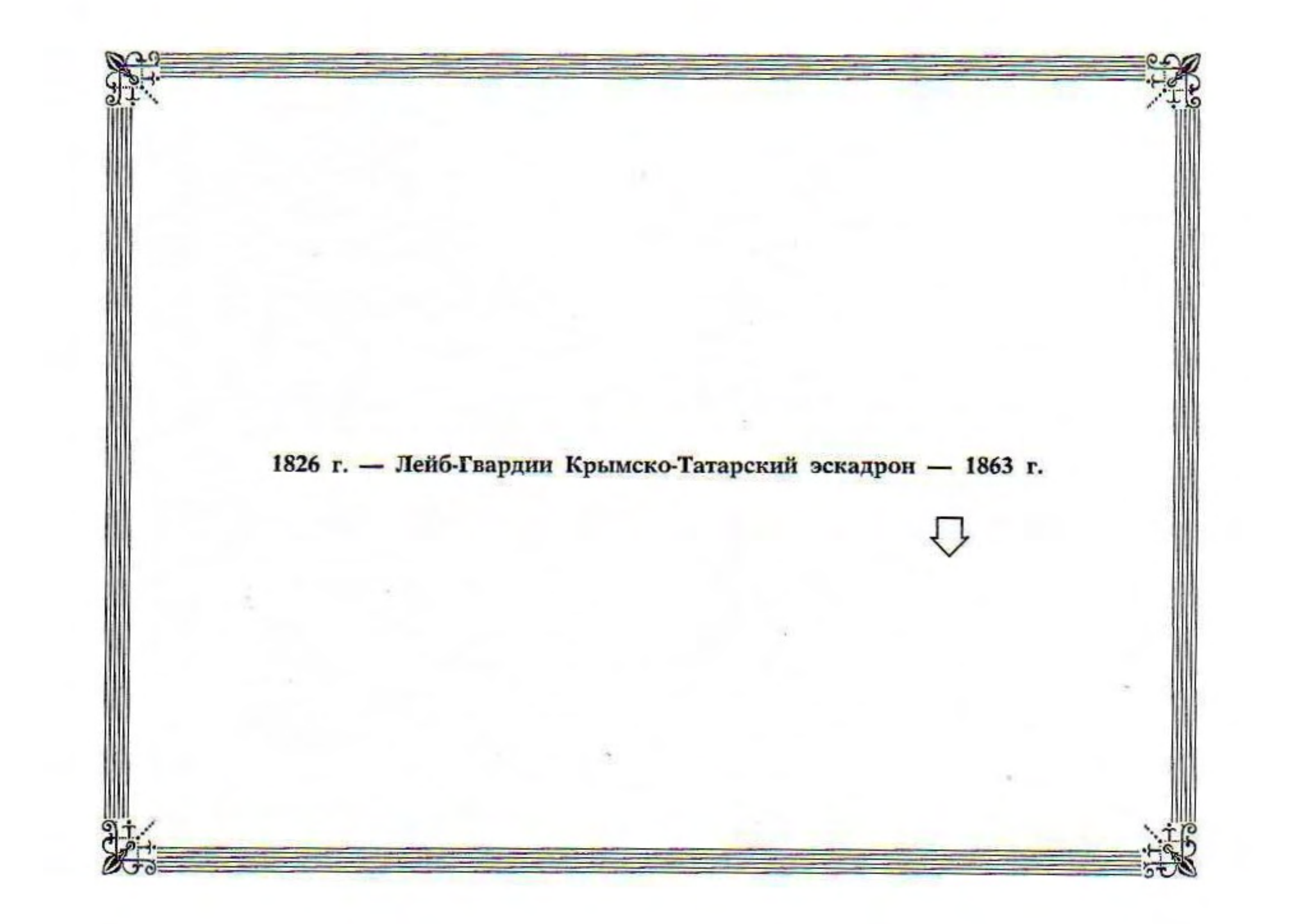
Их Величества со Своей Августейшей Семьей.
Ливадия 1909 г.

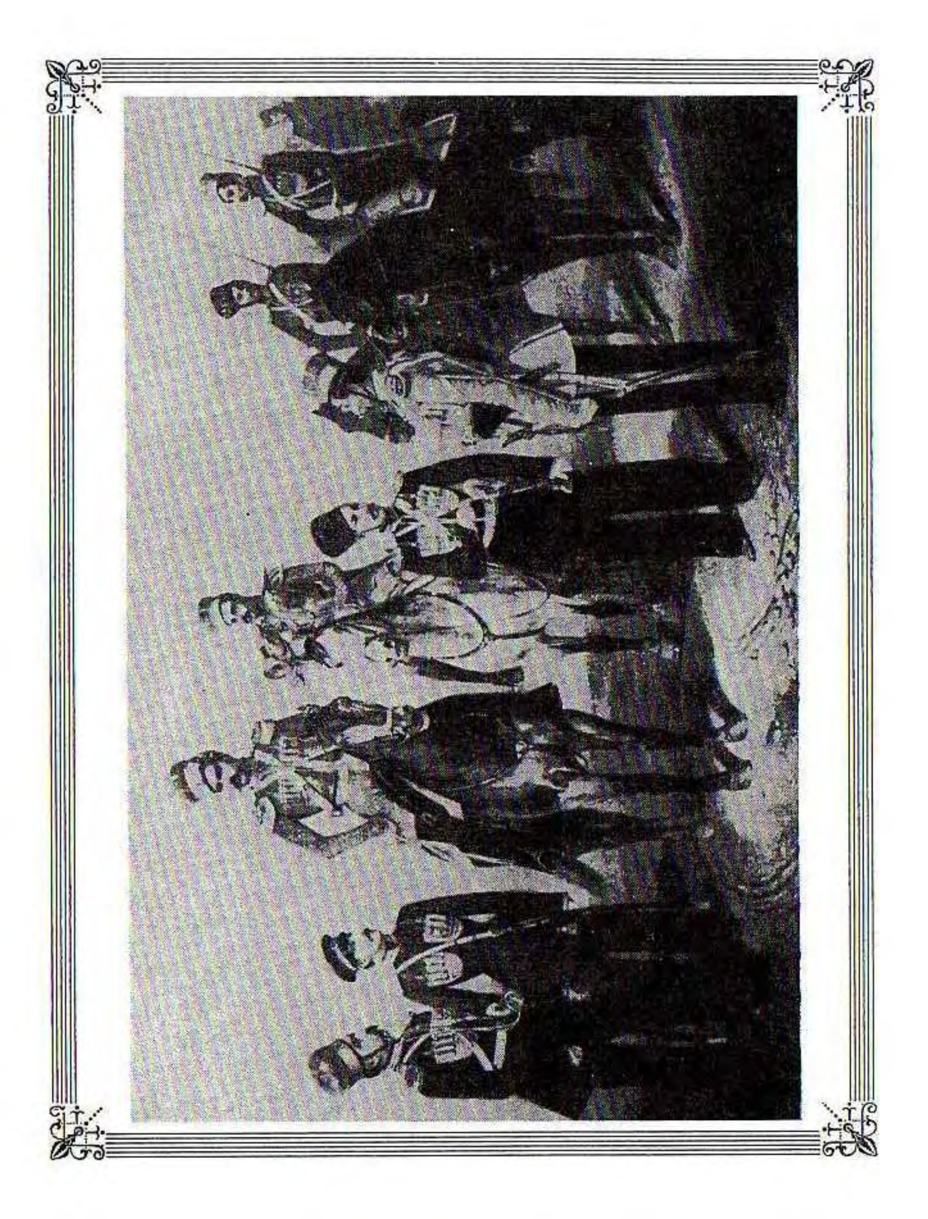
Государыня Императрица Екатерина II Великая
Основательница Крымско-Татарского
Национального войска — «Бешлий»,
Предков Крымского Конного Ее Величества
Государыни Императрицы
Александры Θеодоровны полка. 1784 г.

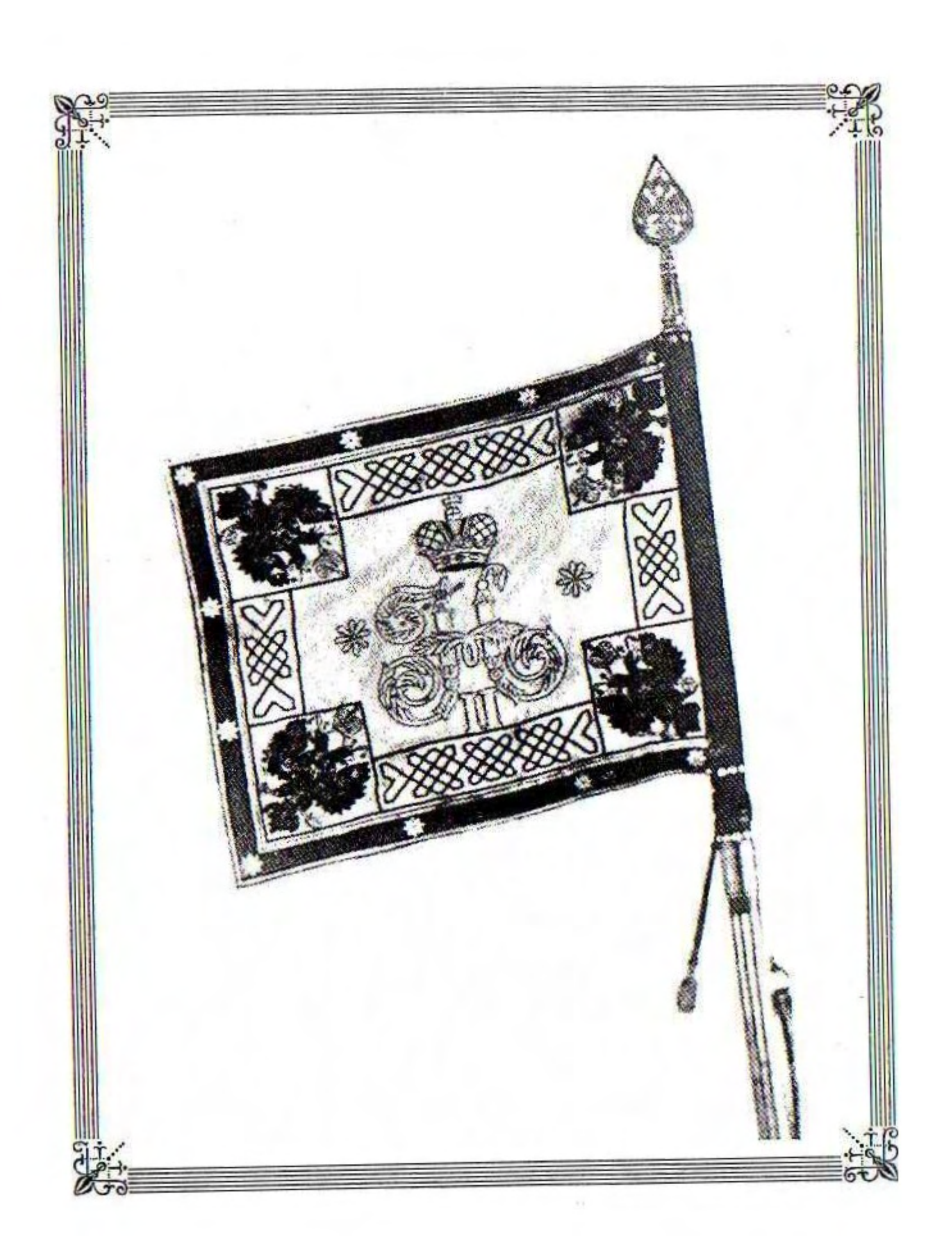

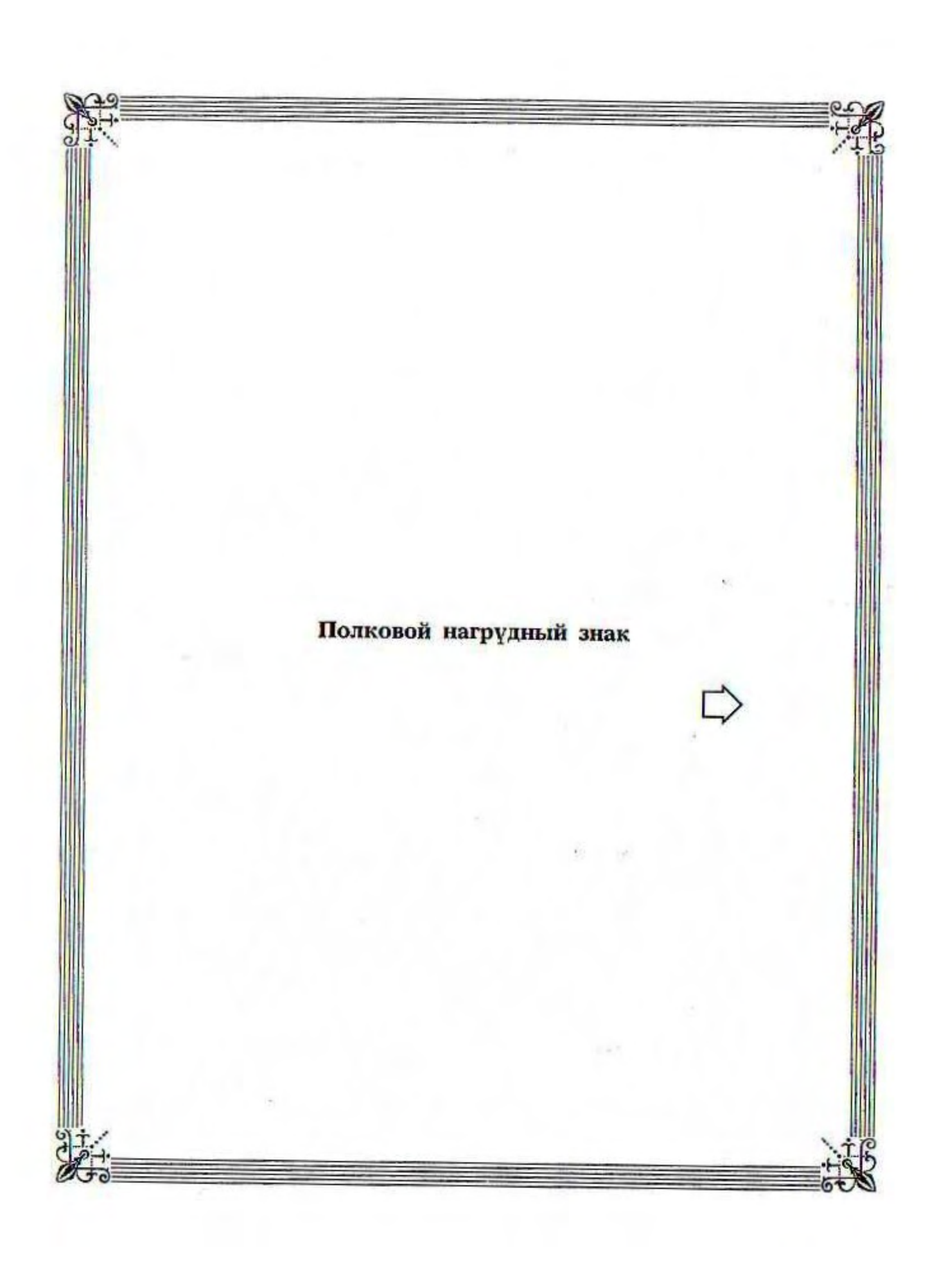

1826 г. — Лейб-Гвардии Крымско-Татарский эскадрон — 1863 г.

Штандарт, пожалованный Крымскому дивизиону в 1897 году.

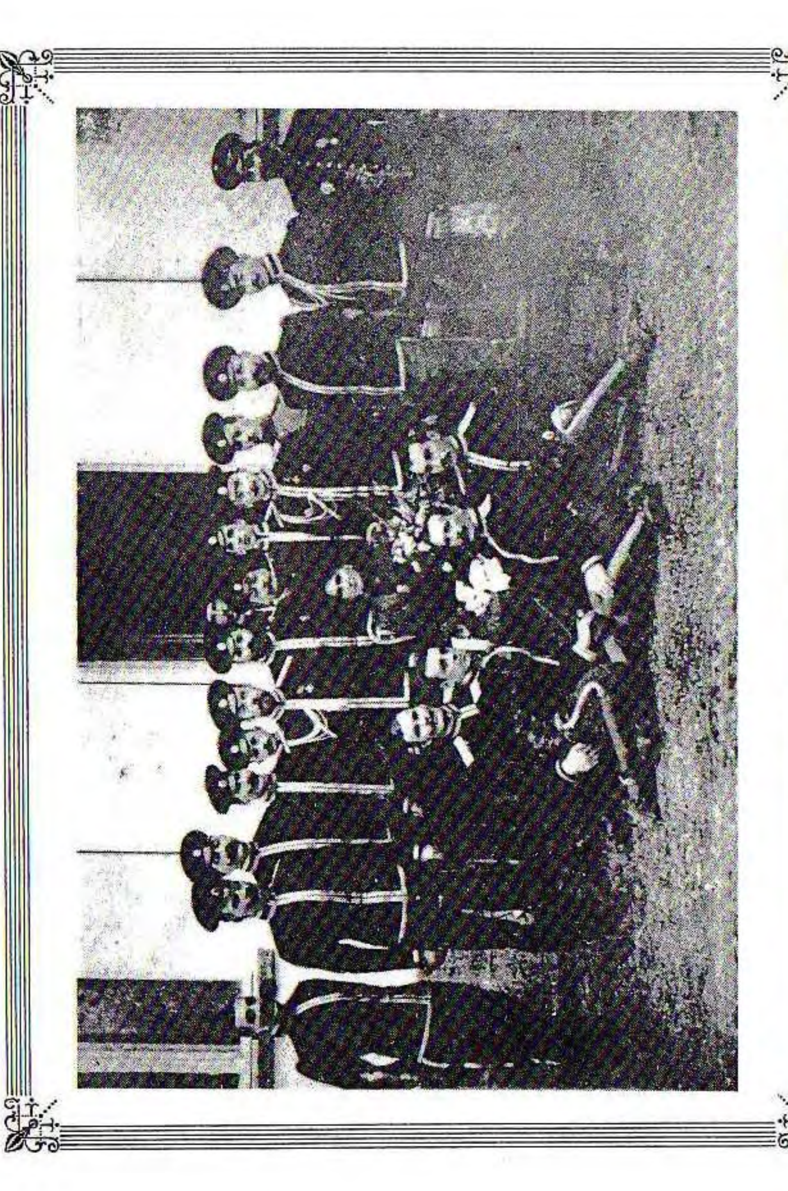

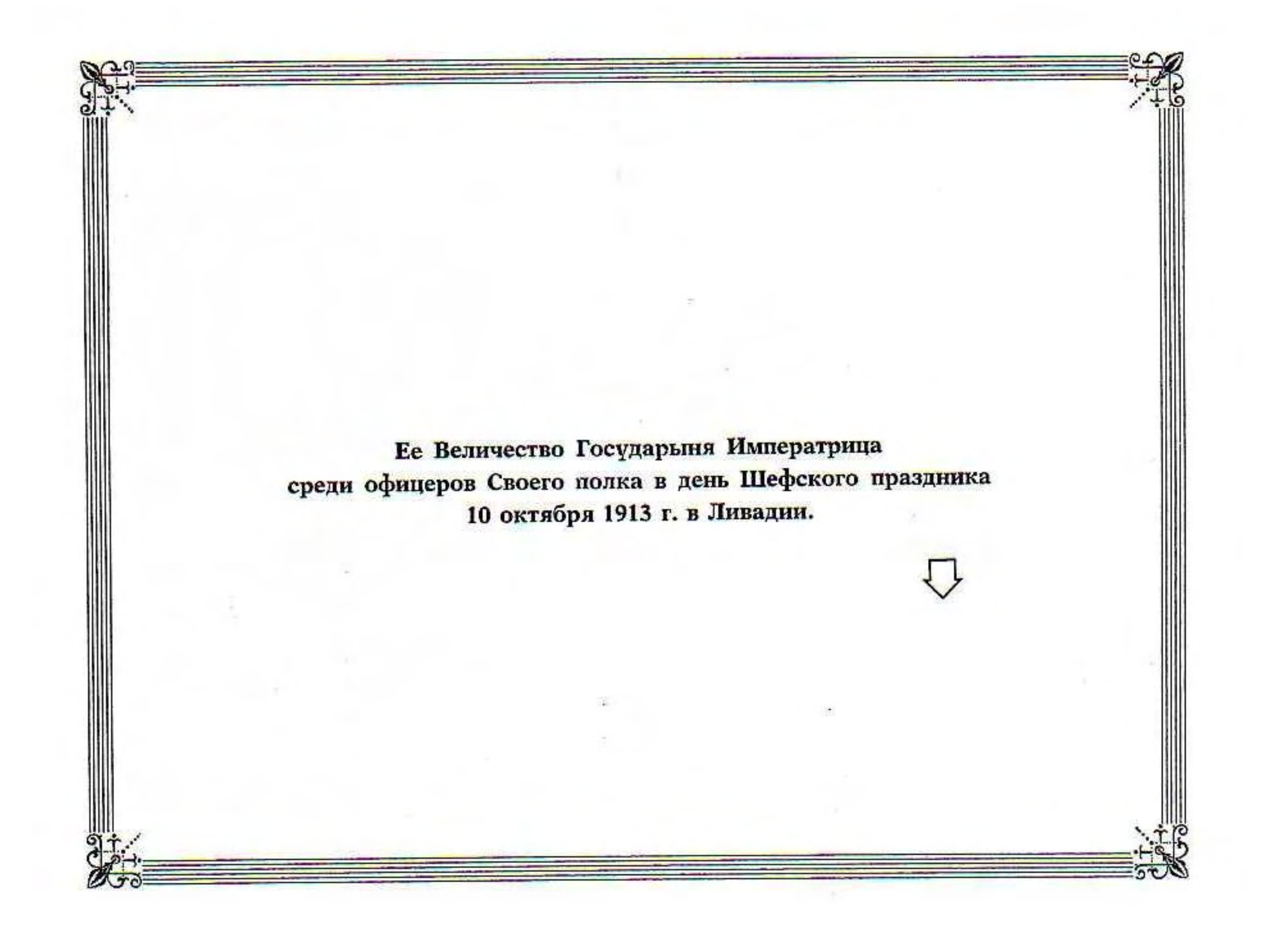

Полковой нагрудный знак

Их Величества Государь Император и Государыня Императрица среди офицеров полка в имении Ореанда. 1911 г.

**Ее Величество Государыня Императрица
среди офицеров Своего полка в день Шефского праздника
10 октября 1913 г. в Ливадии.**

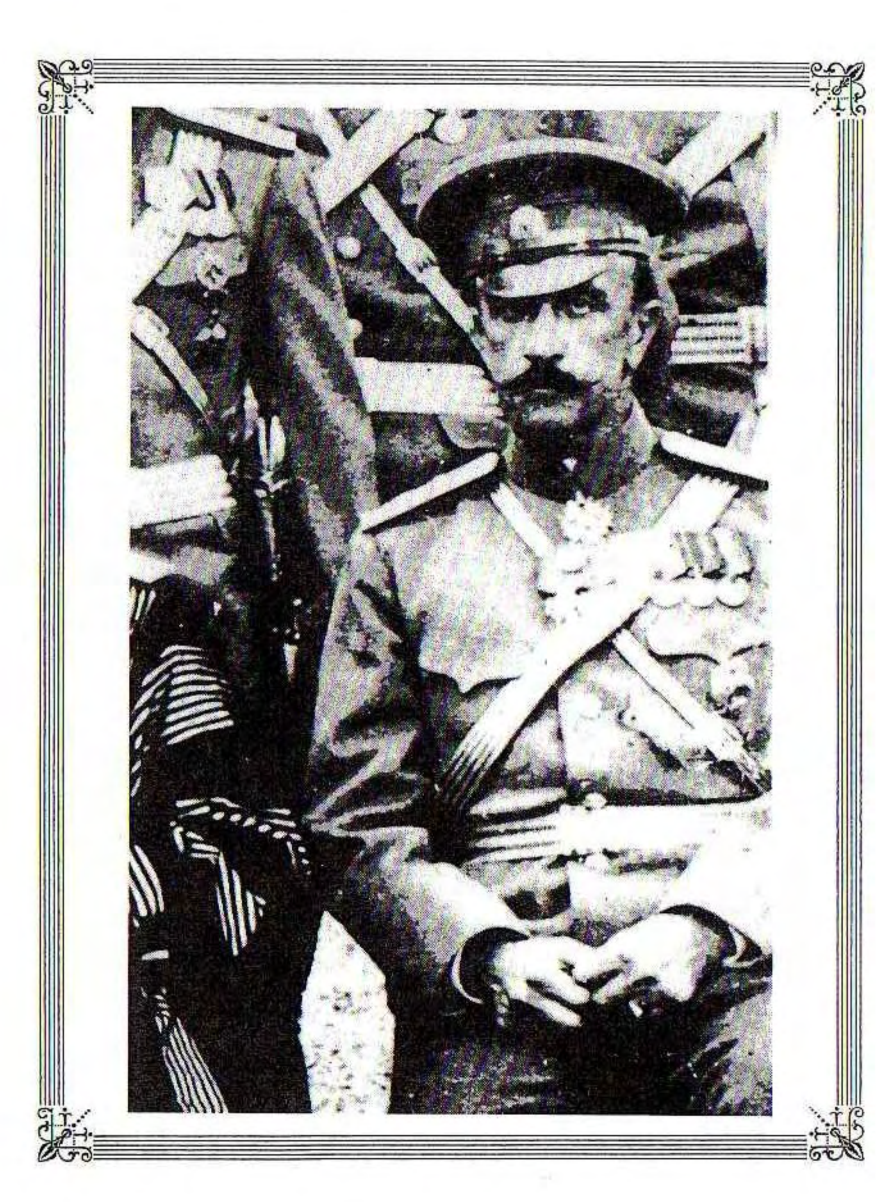

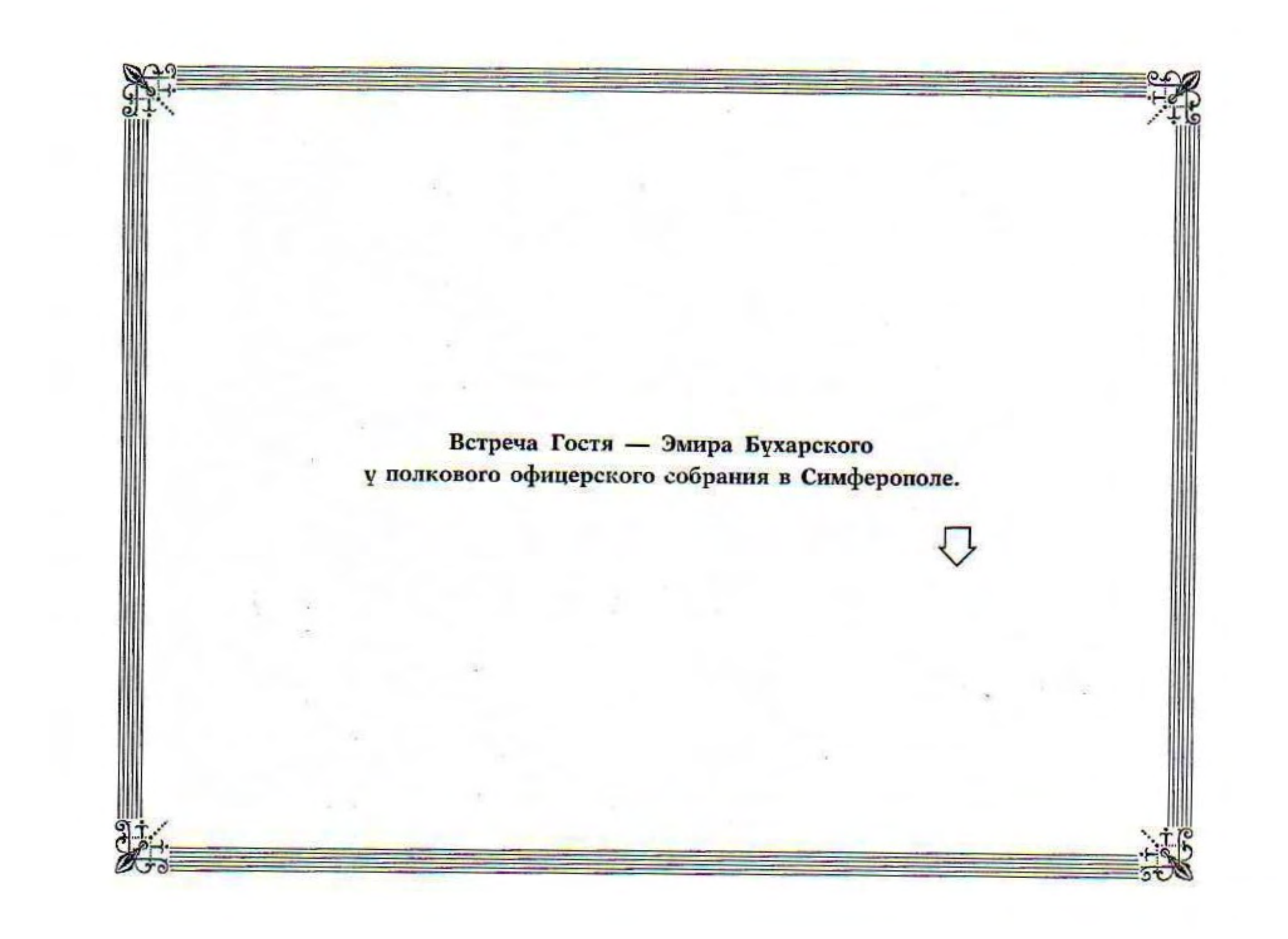

Командир полка
Свиты Его Величества
ген.-майор Н. А. Княжевич
1908 — 1912 г.г.

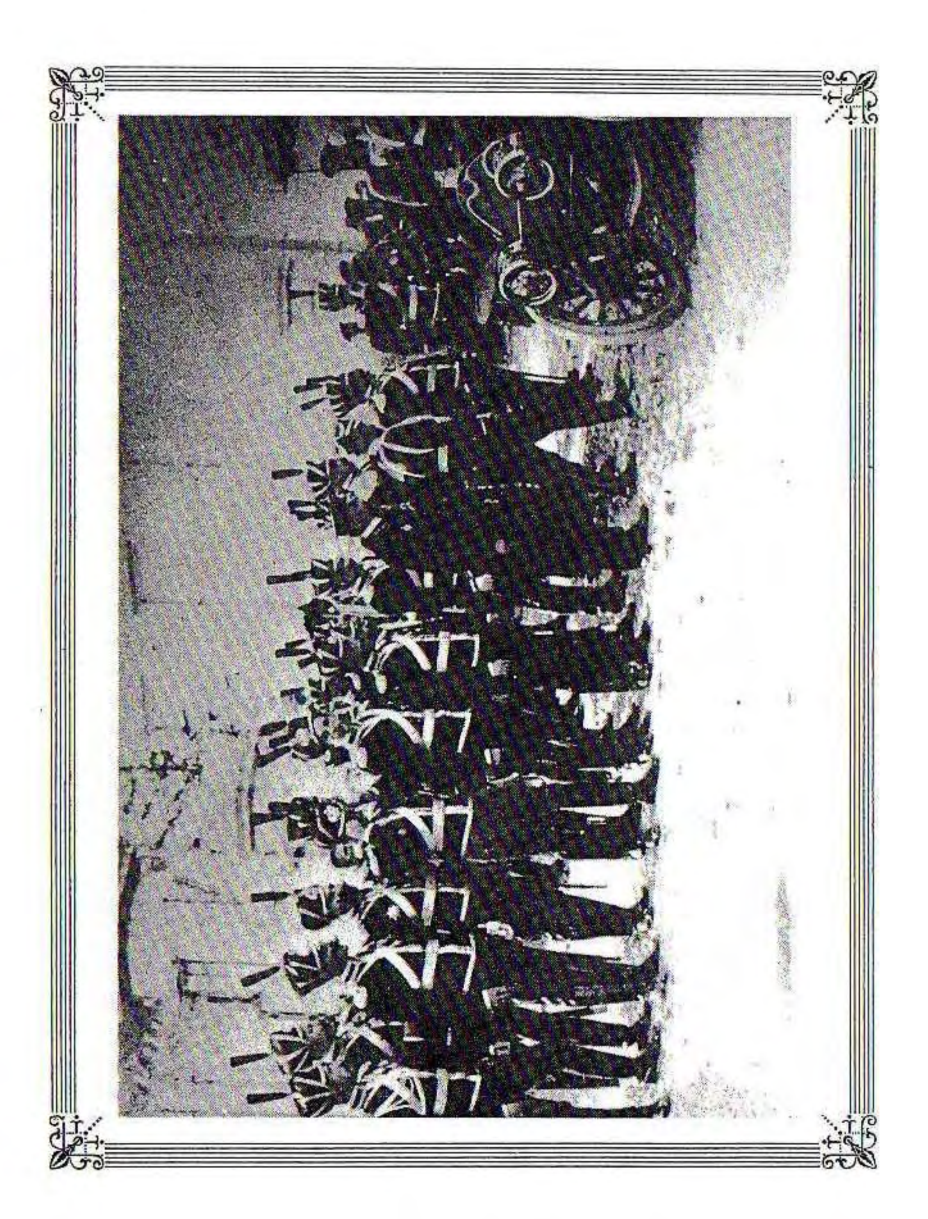

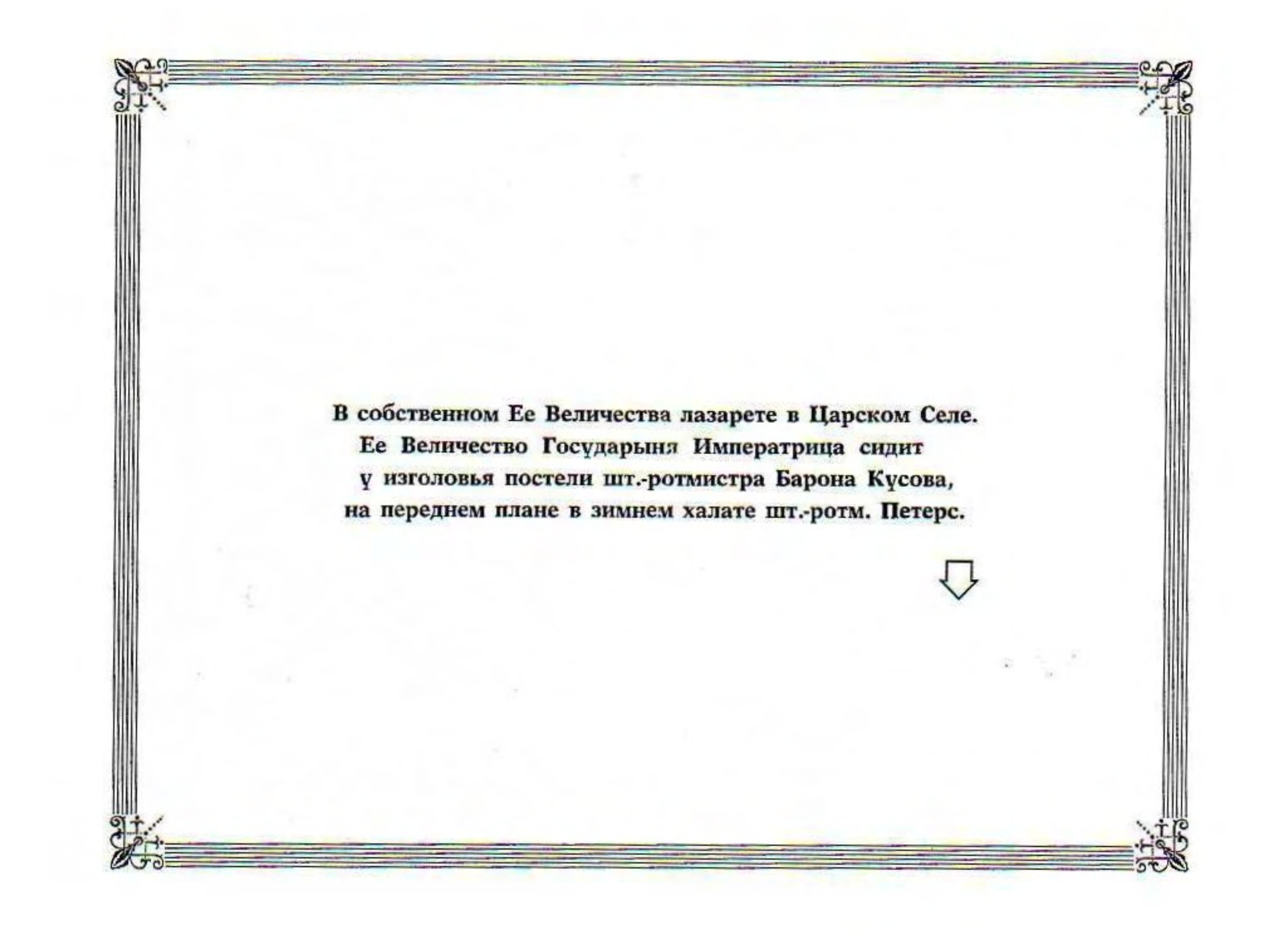
Командир полка
полковник С. А. Дробязгин
1912 — 1915 г.г.

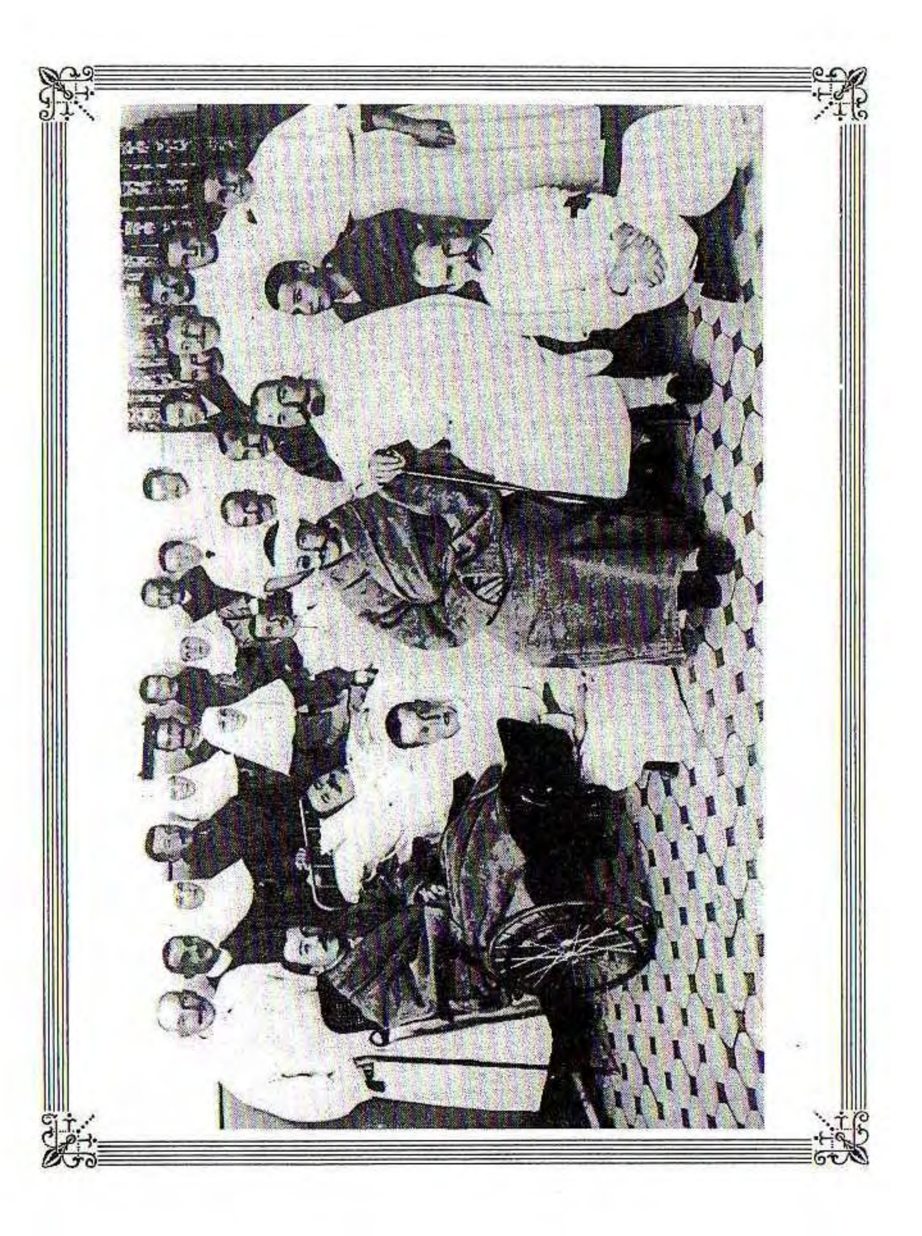

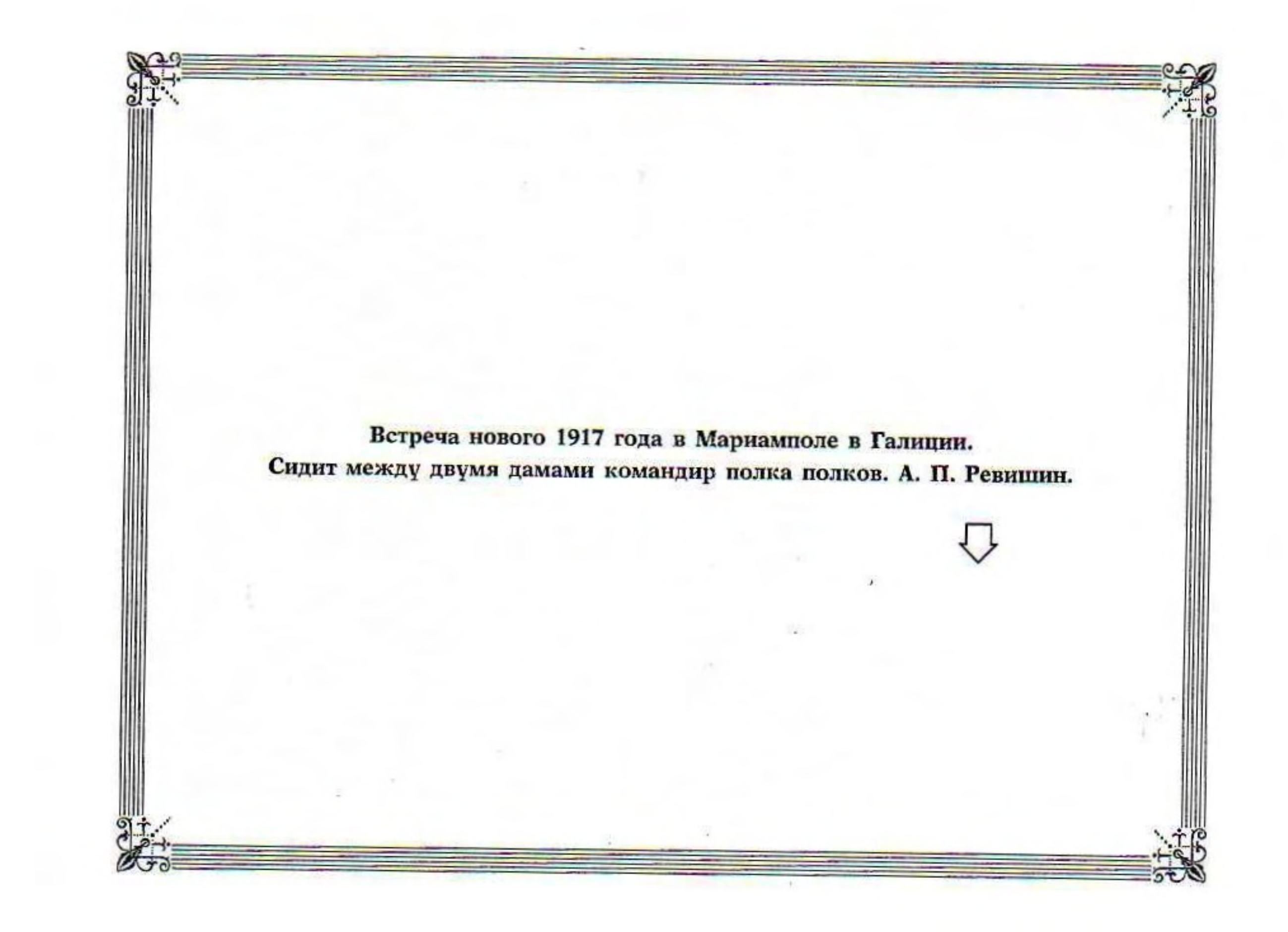
Встреча Гостя — Эмира Бухарского
у полкового офицерского собрания в Симферополе.

В собственном Ее Величества лазарете в Царском Селе.
Ее Величество Государыня Императрица сидит
у изголовья постели шт.-ротмистра Барона Кусова,
на переднем плане в зимнем халате шт.-ротм. Петерс.

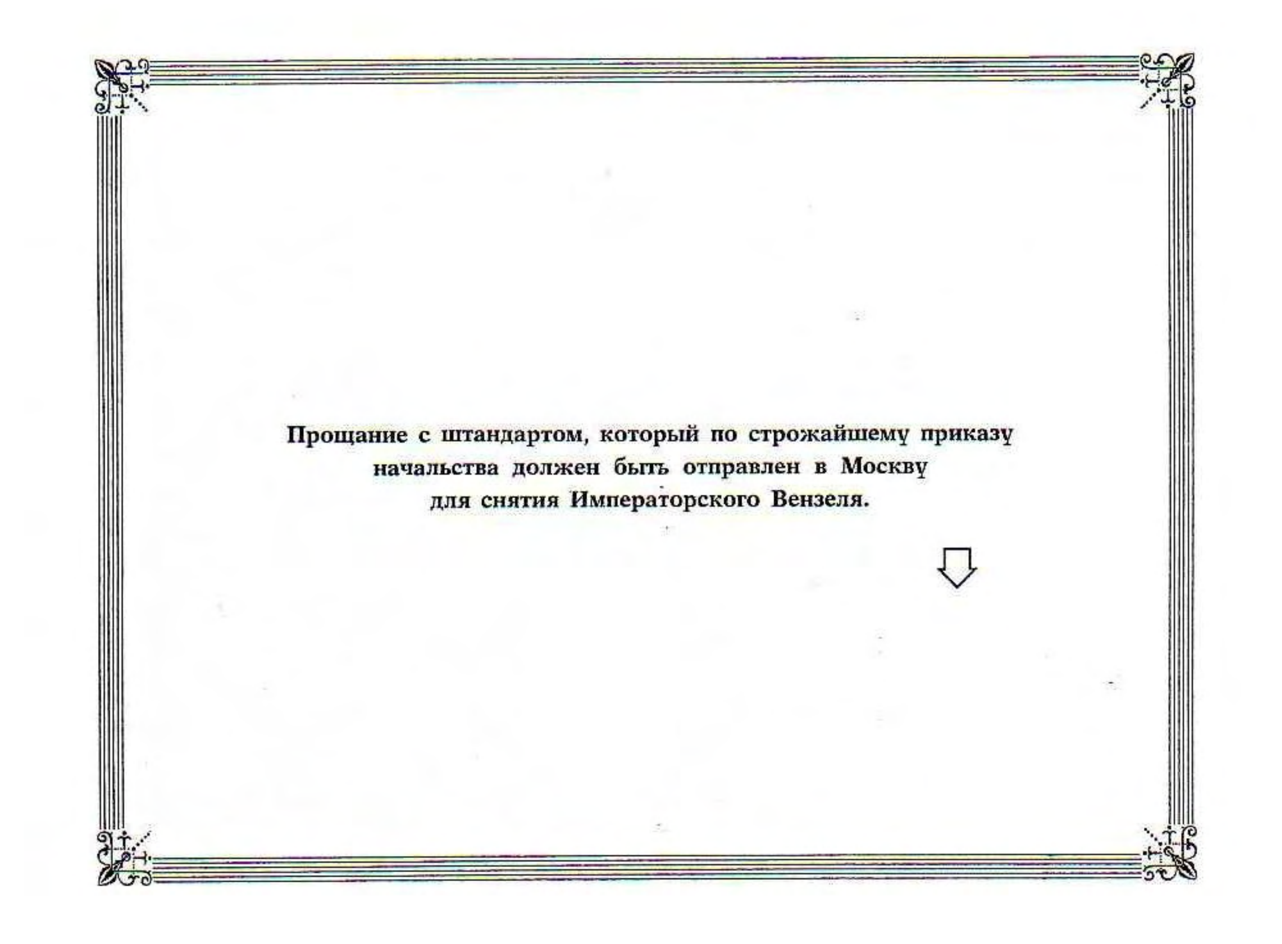

Встреча нового 1917 года в Мариамполе в Галиции.
Сидит между двумя дамами командир полка полков. А. П. Ревишин.

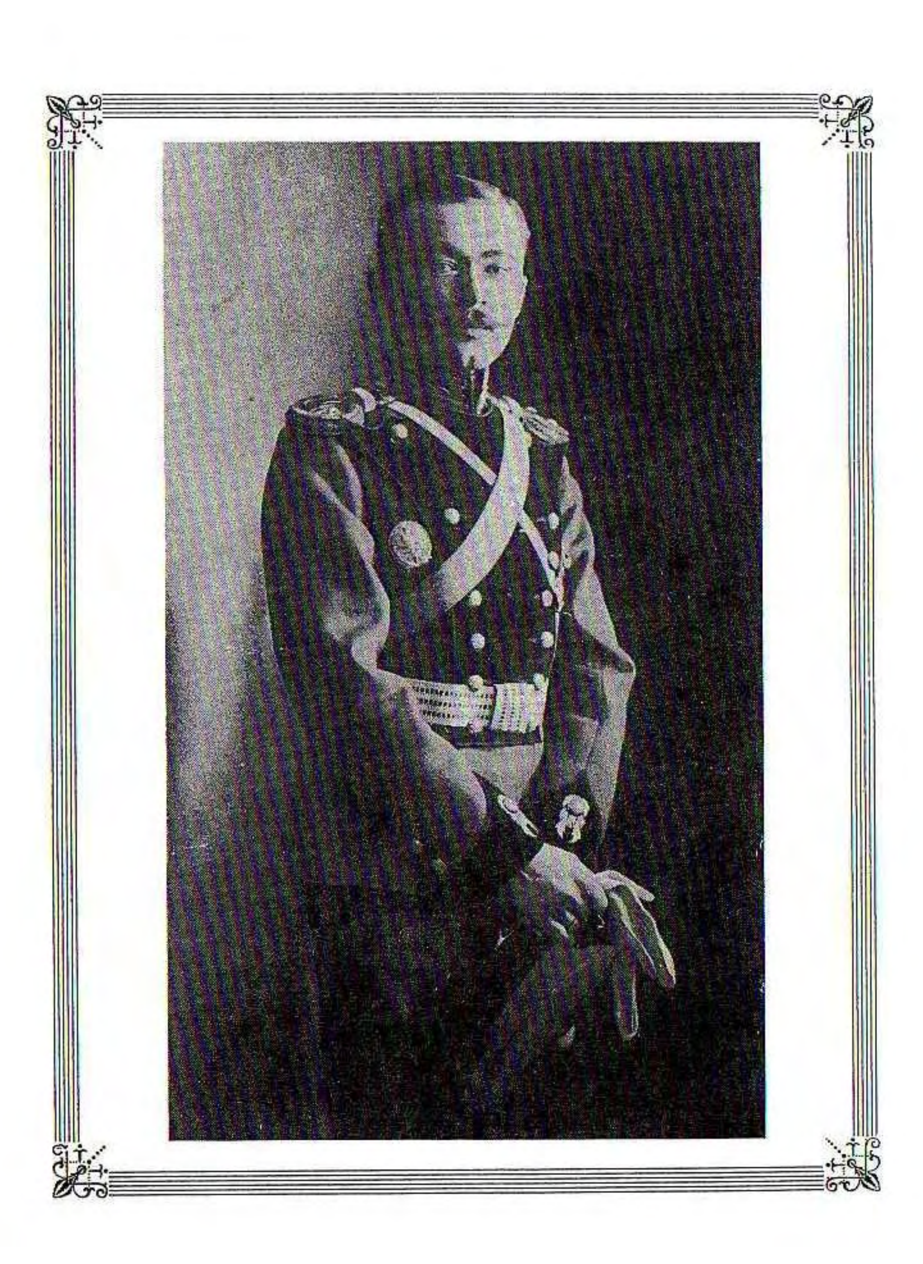
Прощание с штандартом, который по строжайшему приказу начальства должен быть отправлен в Москву для снятия Императорского Вензеля.

Командир полка
полковник Д. И. Туган-Мирза-Барановский.
1919 — 1920 г.г.
В форме лейб-гвардии Конной Артиллерии
по окончании Николаевской Военной Академии.

«Последние Крымцы» на службе в Финансовом контроле Королевства С.Х.С.

Встреча нового 1923 г. в присутствии гостя одного из старейших Крымцев полковника Александра Николаевича Эммануель.

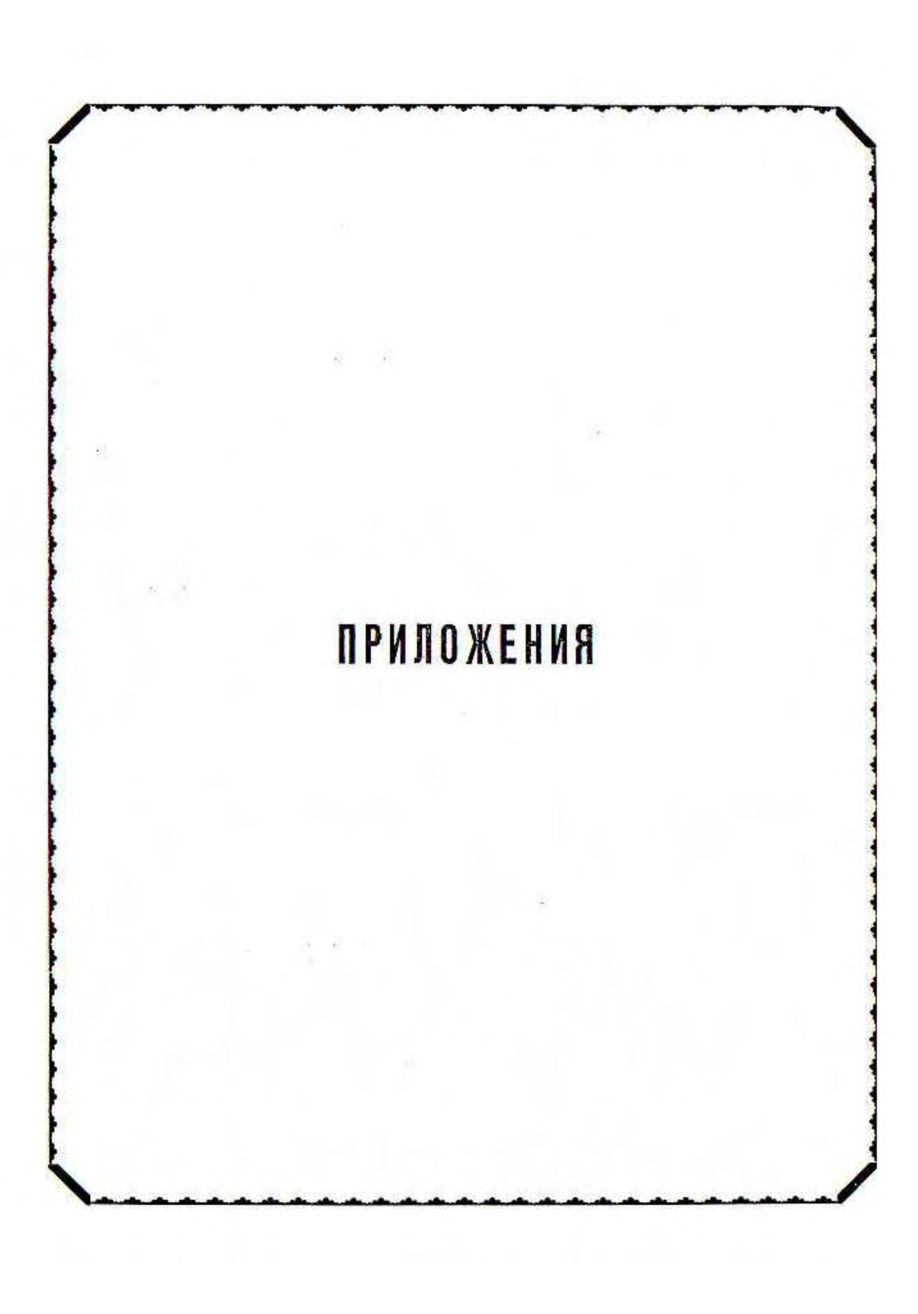

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ №1

Полковая песня Крымского Конного Ее Величества Государыни Императрицы Александры Θеодоровны полка

Лихое племя Чингис - Хана,
Пришельцы дальней стороны,
Заветам чести и Корана
Мы до сих пор еще верны.

Мы знаем все, не забывая,
Как наших славных куйдышей,
Великих правнуков Сарая,
На Русь привел Шагин - Гирей.

В союзе тесном наша сила,
И вот, как в прежние века,
Нас ВАЛИДЕ опять сроднила
Под стягом Крымского полка.

Когда при зареве рассвета,
К труду готовясь в ранний час,
Зовет татарин Магомета,
Творя свой утренний Намаз,

Он говорит в молитве жгучей:
— Где ни была-бы Ты, везде
Тебя хранит Пророк могучий,
Господь с Тобою, Валиде. —

Когда у нас под небом Крыма,
Где горизонт зеркальных вод
С лазурной далью слит незримо,
«Штандарт» у мола пристает,

Тогда на радость саклям знойным
На встречу Ялтинской волне
Татары грянут хором стройным
— Селям алейкум, Эминэ!

Когда дорогой у откоса
Унылый слышен скрип можар,
Идущих в зелени Фороса
Из Симеиза и Байдар,

И там, где веют дружно ветры,
Где всюду вырос дикий злак,
Уходит в облако Ай - Петри
И рвется к небу Чатыр - Даг,

И разбегаясь ярко краски
Скользят от моря к склонам гор,
И льется где-то, точно в сказке,
Крикливых чаек разговор,

Когда на берег полусонный
Лениво смотрит лунный взор
И светит в даль неугомонный
Своей лампадой Ай - Тодор.

И в душной неге аромата,
Где розы пышно расцвели,
При свете розовом заката
Дюльбер виднеется вдали.

Когда уснет Алупка в лени
В цветах глицинии густой,
И спит на мраморной ступени
У моря лев сторожевой,

И не играют зыби даже
На море Черном без конца,
Тогда не дремлет только стража
У Ливадийского дворца.

Так время шло и мирно речи
В кругу веселых куйдышей,
Не предвещая близость сечи,
Лились у дружеских огней.

Хвалясь без удержу тогда-то,
Народ, пытающий судьбу,
Стальными звуками набата
Россию вызвал на борьбу.

И в путь далекий собираясь
От жутких высей Крымских скал,
Мы говорили, расставаясь:
Сулухменхал, сулухменхал!

Забиты двери в минарете
И он затих теперь один,
За нашим строем из мечети
Ушли мулла и муэдзин.

Любимцы славы, удалые
На бой расходятся полки.
Вперед, наездники Батыя,
Издавна меткие стрелки!

Вперед наш полк! За Русь Святую,
Вперед за Батюшку Царя!
Вперед за ВАЛИДЭ родную,
Молитву Господу творя.

Стучат лихих коней подковы,
Трубит атаку Ибрагим.
Мы до последнего готовы
Костьми полечь,... но победим!

Песнь, посвященная Державному Шефу и составленная на походе прапорщиком В. В. Шеие и вольноопредел. С. В. Марковым. 1914 - 1915 г.г.

Поется на мотив «Алла - Верды».

ПРИЛОЖЕНИЕ №1-А

Объяснение некоторых слов в полковой песне.

Коран.......... У Мусульман то же, что Евангелие у Христиан.
Куйдыш.........Друг, земляк.
Шагин Гирей.... Крымский хан, стоявший за присоединение к России.
Валиде.......... Мать народа; прозвище, данное Государыне Императрице Александре Феодоровне Крымскими Татарами.
Намаз........... Молитва.
«Штандарт»..... Императорская яхта - крейсер.
Селям алейкум...Здравствуй.
Эмине............Дорогая.
Можара......... Татарская телега.
Форос............Проход между скал в горах.
Байдары.........Село около Фороса (Байдарские ворота).
Симеиз..........Деревня - курорт.
Ай - Петри.......Очень популярная среди туристов гора.
Чатыр - Даг......Самая высокая Крымская гора.
Ай - Тодор...... Мыс и маяк на крайнем юге Крымского побережья.
Дюльбер........ Очень красивый дворец Вел. Князя Петра Николаевича.
Алупка..........Село - курорт.
Лев сторожевой..Скульптурное изображение одного из двух спящих львов на нижней площадке лестницы Воронцовского дворца в Алупке.
Ливадийск. дворец Дворец Государя Императора в имении «Ливадия».
Сулухменхал.....Прощайте.
Мулла...........Мусульманский священник.
Муэдзин.........Мусульманский псаломщик.
Мечеть..........Мусульманский храм.
Минарет.........Башня при мечети, с которой муэдзин призывает верующих к молитве.

ПРИЛОЖЕНИЕ №2

О награждении Крымского Конного Ее Величества полка шт.-ротмистра А. И. Лихвенцова орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени.

Будучи в командировке в Одессе 6-го ноября 1917 года, шт.-ротм. Лихвенцов в штабе Одесского воен. округа узнал от своего знакомого, служившего в штабе округа, что в официальном военном органе газете «Русский инвалид» помещен приказ о награждении шт.-ротмистра Лихвенцова за боевые заслуги в партизанском отряде у д. Невель на Западном фронте, орденом Св. Георгия 4-й степени. Прочтя этот приказ шт.-р Лихвенцов, очень обрадованный, поспешил в магазине офицерских вещей приобрести орден Св. Георгия и возвратился в полк с белым крестиком на груди, предполагая, что и в полку этот приказ тоже получен. Но приказа в полку не было. Шт.-ротм. Лихвенцову нужно было хотя бы указать № и число приказа, но А. И. Лихвенцов не догадался записать № приказа или газеты «Русский инвалид» и для того, чтобы иметь право надеть на себя знаки этого высшего военного боевого ордена ему пришлось ждать приказа, который во времена революционной разрухи так в полк и не пришел. Только во время пребывания в эмиграции удалось найти в «Русском инвалиде» приказ по «Армии и Флоту», выдержка из которого ниже помещается.

ПРИКАЗ АРМИИ И ФЛОТУ
о военных чинах сухопутного ведомства
19-го марта 1917 года.

«РУССКИЙ ИНВАЛИД» 1917 г. № 136. 13-го Июня.
Официальный Отдел ст. 1.

Орден Св. Великомученика и Победоносца
ГЕОРГИЯ 4 степени.

Штабс-Ротмистру Крымского конного полка АЛЕКСАНДРУ ЛИХВЕНЦОВУ, за то, что, будучи в чине корнета, в ночь с 14-15 ноября 1915 года при нападении группы партизанских партий на деревню Невель, где находился штаб 82 германской пехотной дивизии, во главе 25-ти партизан своей партии занял значительно удаленную от главных сил теснину, упорным боем удержал ее, опрокинув в несколько раз сильнейшего против-

ника и огнем способствовал победе над неприятелем, обеспечив тыл главных сил партизан, без чего последние попали бы в тяжелое положение.

Таким образом с небольшими силами, действуя с беззаветной храбростью и непоколебимой твердостью корнет Лихвенцов оказал незаменимое содействие успеху главных сил, работающих в деревне Невель.

Под этой реляцией находится собственноручная надпись генерал-майора Макеева:

С подлинным верно:

Свидетельствую, что в «Русском Инвалиде» от 13-го Июня 1917 г. в № 136 приказ армии и флоту в вышеизложенной редакции — имеется.

Генерал-Майор Макеев.

4-ое Июля 1941 года.
Белград

Можно надеяться на то, что вышеизложенная выписка из «Русского Инвалида» достаточно убедительна в том, что шт.-ротмистр Лихвенцов действительно был награжден нашей высшей наградой за боевые заслуги — орденом Св. Георгия Победоносца 4-й степени.

ПРИЛОЖЕНИЕ №3

О пребывании б. командира полка ген.-майора князя Мурузи во время гражданской войны на Северном фронте и о награждении его орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени.

После того, как командир Крымского Конного полка полковник князь Мурузи покинул полк и уехал 12-го ноября 1917 года из Херсона в Петроград, о нем до конца гражданской войны никаких вестей не было. Только в эмиграции стало известным, что князю Мурузи в конце ноября удалось выехать из Петрограда и через некоторое время прибыть на территорию, занятую войсками Северной армии генерала Миллера. Князь Мурузи стал одним из наиболее видных участников борьбы на Северном фронте и занимал должность командующего войсками «Железнодорожного фронта», считавшегося главным. В эмиграции стало также известным, что ген.-майор кн. Мурузи за свои боевые заслуги был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В то время, как в «Вооруж. силах Юга России» никаких Императорских орденов не давали, на Северном фронте генералы и офицеры всеми орденами Царскими награждались.

Полковнику П. Н. Лесеневичу удалось побывать у находившегося в Париже князя Мурузи и потом, после смерти князя, от вдовы его получить для справок целый ряд документов, в том числе и послужной список генерала князя Мурузи, из которого П. Н. Лесеневичем были выписаны сведения о награждении Генерального штаба генерал - майора князя Александра Александровича Мурузи орденом Св. Георгия 4-й степени. Послужной список составлен был 24-го ноября 1919 года.

Выдержка из послужного списка:

«Выписка из приказа Главнокомандующего всеми Русскими вооруженными силами на Северном фронте №351, 5 ноября 1919 года:

1.

Объявляю утвержденное мною постановление Георгиевской Думы о награждении орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4 степени:

Удостоить награждением орденом Св. Великомуч. и Побед. Георгия 4-й степени Командующего войсками Железнодорожного района генер. штаба генерал-майора князя Александра Мурузи за то, что, лично руководя войсками на железнодорожном фронте в боях с 29 августа по 14 октября

1919 года, он, находясь постоянно под действительным огнем, одержал над неприятелем, превосходным в силах, полную победу, последствием которой было решительное поражение противника, овладение важным стратегическим пунктом ст. Плесецкая и захват более двух тысяч пленных, 20 орудий и 40 пулеметов, помимо прочего военного имущества, что и предусмотрено по п. п. 1, 2 и 10 лит. А, отд. 11, Георгиевского статута.

(По отделу Дежурного Генерала).

Генер. штаба Ген. - лейтенант Миллер.»

Кроме ордена Св. Велик. и Победон. Георгия в послужном списке ген.-майора князя Мурузи упоминаются еще и следующие высокие награды: Георгиевское оружие; Англ. военный крест и Англ. орден Михаила и Георгия; Офицерский орд. Почетного Легиона и Французский военный крест с двумя пальмами. (Прик. по 4-й и 5-й армиям).

ПРИЛОЖЕНИЕ №4

О попытках спасения Царской Семьи из Тобольска и Екатеринбурга.

Выписка из памятки (юбилейной справки) полковника Г. А. Бако.

«1784 — CL — 1934.
Крымский Конный Ее Величества
Государыни Императрицы
АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ полк.»

«Судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде, Соколов, производивший, по поручению Верховного Правителя — адмирала Колчака следствие об убийстве Царской Семьи, выпустил книгу, в которой он упоминает о трех попытках спасения Царской Семьи и две из них принадлежат юным Крымцам: Штабс - ротмистру Седову и корнету Маркову.

25-го апреля 1918 года, когда комиссар Яковлев увозил Царя и Царицу из Тобольска, по дороге в Тюмень шт. - ротмистр Седов встретил Царскую Семью, был узнан Императрицей и удостоился получить благословение... Штаб - ротмистр Седов, — ныне Иеромонах отец Серафим, ушел от мирской жизни и, на Родине Христа Спасителя, во храме Русской миссии в Иерусалиме, у Престола Всевышнего, молится о спасении России.»

Юбилейная справка полковника Г. А. Бако была издана в 1934 году, но и теперь в 1976 году отец Серафим, престарелый уже и больной в сане Архимандрита, проживает еще на Святой Земле. Отец Серафим не забывал и своих прежних однополчан, посылая им свое благословение и интересуясь условиями жизни своих старых соратников.

Корнет Марков в 1920 году эмигрировал и поселился в Вене. В 1928 году он издал книгу «Покинутая Царская Семья», в которой описывает свои поездки в Тобольск и Екатеринбург с целью пытаться спасти Царскую Семью. В 1944 году Сергей Владимирович Марков скоропостижно скончался.

Оба они были Георгиевские кавалеры: шт. - ротм. Николай Яковлевич Седов — Георгиевского оружия, а корн. С. В. Марков — Георгиевского креста 4-й степени, полученного им в 1914 году, будучи добровольцем в Крымском Конном Ее Величества полку, за отличие в бою у Александровска, когда был также и ранен.

23-го дек. 1976 г.
Вайнлэнд, Н. Дж., С.Ш.А.

ПРИЛОЖЕНИЕ №5

О пребывании Крымцев в эмиграции.

Новая памятка заканчивается 1922-м годом, когда после службы в пограничной страже и финансовом контроле королевства Югославии «Последние Крымцы», как и все боевые части Русской армии, перешли на личное обеспечение своего существования, но не теряли связи между собой.

К этому времени большинство Крымцев собралось в Париже, много осталось в Югославии, а не мало отдельных чинов полка оказались разбросанными по разным странам. Все продолжали себя считать на службе России, готовые при первой возможности снова начать прерванную вооруженную борьбу с поработителями Родины.

В Париже образовалось полковое объединение под председательством бывшего командира полка Свиты Его Величества ген. - майора Н. А. Княжевича. Объединение в Югославии и отдельные Крымцы в других странах также присоединились к общему полковому объединению с центром в Париже.

В октябре 1928 года ген. Княжевич, считаясь с общей политической обстановкой, для лучшей готовности чинов полка к борьбе за Россию решил придать объединению Крымцев полковую организацию. Для осуществления этого решения был издан приказ по Крымскому Конному Ее Величества полку № 1 «. . . .» октября 1928 года.

В приказе, «по строевой части п. 1», вспоминается, что уже 10 лет прошло с тех пор, как Крымский Конный Ее Величества полк, не признав власти большевиков, одним из первых вступил в открытую борьбу с врагами Родины и затем кратко перечисляется все то, что уже потом более подробно помещено было в «Юбилейной справке» полковника Бако, а также и в 4-й части настоящей памятки. Пропуская все эти знакомые строки приказа, необходимо остановиться на словах приказа, с которыми ген. Княжевич обращается к чинам полка:

«Крымцы, все худшее и мрачное осталось позади, впереди у нас святая цель — освобождение Родины, воссоздание Ее было славы, Величия и Могущества. К этой цели мы стремимся, за нее мы претерпели невзгоды, лишения и унижения. Только по выполнении ее завершится наш крестный путь и окончится наша Голгофа... Не надо забывать, что борьба с поработителями нашей Родины продолжается и поныне, но иными путями и не далек, может быть, желанный час торжества нашего правого дела; политическая

обстановка, по-видимому приближает нас к этому времени. Горячо веря в помощь Всевышнего в святом деле освобождения России от власти темных сил и, не ведая времени, когда мы будем призваны на новые подвиги, мы должны быть готовы по первому зову стать в ряды родного полка вполне подготовленными и вполне сьорганизованными.

Ввиду этого я признал своевременным преобразовать наше объединение в 5-ти эскадронный полк, а по сему приказываю: П. 2.

1. — Все кадры Крымцев свести в полк 5-ти эскадрон. состава. —
2. — Из кадров, проживающих во Франции образовать 1-й и 2-й эскадроны (1-й дивизион). Из проживающих в Сербии 3-й и 4-й эскадроны (2-й дивизион) и в Турции 5-й эскадрон.
3. — Штабу полка находиться в Париже.

Уверен, что все чины полка, проникнувшись важностью переживаемого времени, будут стремиться к сохранению и поддержанию воинской дисциплины на должной высоте, будут чтить славные традиции родного полка и приложат всю свою энергию и опыт для внушения долга к службе и любви к полку новым молодым Крымцам, могущим вступить в наши ряды.

Нижепоименованные г.г. штаб и обер офицеры назначаются мною на должности:

1. — Полковник Бако, моим помощником по строевой части и заместителем.
2. — Полковник Петропольский — моим помощником по хозяйственной части и вр. командующим 2-м дивизионом в Сербии.
3. — Полковник Зотов — младшим шт. офицером и наблюдающим за 5-м эскадроном в Турции.
4. — Полковник Лесеневич 1-й — полковым адъютантом.
5. — Штабс - ротмистр Муфти - Заде — помощником полкового адъютанта.
6. — Поручик Христофоров — полковым казначеем.
7. — Поручик Лесеневич 3-й — начальником обоза.
8. — Полковник Мартынов — командиром 1-го эскадрона и вр. командующим 1-м дивизионом.
9. — Штабс - ротмистр Балатуков — помощником командира 1-го эскадрона.
10. — Младшими офицерами 1-го эскадрона: штабс-ротмистры Лихвенцов и Фе, поручики: Ватель и Казаченко и корн. Келлер.
11. — Полковник Баженов — командиром 2-го эскадрона.

12. — Ротмистр Шумилин — помощн. командира 2-го эскадрона.

13. — Младшими офицерами 2-го эскадрона: штабс-ротмистры: Лесеневич 2-й, Коджак и Апанасенко, поручик Баяджиев и корнет Соколовский.

14. — Ротмистр Петерс — командиром 5-го эскадрона, причем я предлагаю ему выяснить и донести мне, кто из чинов полка проживает в Турции.

О вступлении в командование эскадронами и дивизионами мне донести.

3.

Старейшие Крымцы Генерал-майор Николаев, бывш. командир полка Генерал-майор Туган-Барановский и Генерального штаба Полковник Аметистов зачисляются в списки 1-го эскадрона.

4.

Вр. исполняющему должность командира 2-го дивизиона Полковнику Петропольскому (Сербия) подготовить мне в кратчайший срок свои соображения о распределении кадра полка, проживающего в Сербии, в 3-й и 4-й эскадроны.

5.

Считаю приятным долгом выразить от лица службы Полковнику Мартынову мою искреннюю благодарность за прекрасное исполнение им, в течении четырех лет, должности полкового адъютанта и уверен, что на новой ответственной должности командира 1-го эскадрона и командующего 1-м дивизионом он использует все свои знания и опыт на пользу родному полку.

6.

Вольноопределяющиеся: ст. ун. оф. Абрикосов и Босняков, мл. ун. оф. Игнасюк 1-й и Игнасюк 2-й и всадник Алибек Босняков зачисляются в 1-й эскадрон.

7.

Подпрапорщик Богушевич, ст. ун. оф. Кунин, мл. ун. оф. Максимов и всадник Рустем Тайганский во 2-й эскадрон.

8.

Для выборов в Суд Чести, а также председателя и двух членов в комитет по заведыванию офицерским заемным капиталом, в распорядительный комитет офицерского собрания (председ. и 2 члена) и хозяина собрания, 21-го октября в 12 ч. 30 мин. дня, в помещении Галлиполийского собрания,

назначается Общее Собрание Г. г. Штаб и обер офицеров полка под председательством Полковника Бако.

Председателю Общего Собрания о результатах выборов мне донести.

9.

В воскресенье 8-21 октября в 1 ч. 30 дня в помещении «3 Ул. Тхери, Париж 16» состоится панихида по в Бозе почившему Августейшему Шефу полка, а затем общий завтрак. Предлагаю прибыть всем чинам полка.

По части хозяйственной.

1.

Образованную при полковом Объединении кассу взаимопомощи приказываю переименовать в офицерский заемный капитал.

Подлинный подписал

Командир полка Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
Генерал - майор Княжевич.

С подлинным верно. Полковой адъютант Полковник (подпись).

Вскоре был получен рапорт от полковника Петропольского из Югославии с приложением списка чинов 2-го дивизиона, распределенных по эскадронам: 3-му ротмистра Эммануель и 4-му ротмистра Дмитриева.

Полковн. Двойченко, находившемуся в Румынии, было послано командиром полка приказание выяснить кто из чинов полка находится в Румынии и Болгарии для образования 6-го эскадрона, командиром которого полковник Двойченко будет назначен.

Такая полковая организация безусловно содействовала более тесному сближению всех однополчан, лучшему поддержанию духа и дисциплины, а также и оказанию материальной помощи, если таковая кому-либо понадобилась бы.

Просуществовала эта организация до начала 2-й Мировой войны. В 1934 году в день полкового праздника в Париже торжественно был отпразднован 150-тилетний юбилей и была издана известная памятка (юбилейная справка) полковника Г. А. Бако.

Полковнику Двойченко образовать 6-й эскадрон не пришлось за отсутствием нужных кадров. Во время Испанской гражданской войны он прибыл сперва в Париж, а оттуда уехал в Испанию, где принял участие в войне на стороне войск генерала Франко. В Испанской национальной армии полковник Двойченко сразу же заслужил отличную боевую репутацию и быстро продвигался в чинах; был тяжело ранен и удостоился получению нескольких

боевых наград. После 2-й Мировой войны стало известным, что полковник Двойченко еще до начала этой войны скончался, но не от ран, как сперва предполагалось, а от ужасной болезни рака. Его могила была найдена в Сантадере.

2-я Мировая война резко отразилась на жизни Русской эмиграции, которая в политическом отношении разделилась главным образом на две группы. В то время, как на западе Европы и в Америке Большинство Российских эмигрантов было на стороне красных, в восточной Европе в эмиграции преобладало стремление идти с кем угодно, но против красных, что привело в 1941 году к созданию Русского корпуса, о котором уже много писалось.

Все Крымцы, имевшие по своему местожительству возможность поступить в Русский Корпус, немедленно же поспешили стать в ряды корпуса, не считаясь с теми должностями, которые им могли быть предоставлены.

Следующие чины Крымского Конного Ее Величества полка поступили в Русский Корпус: ротмистры Лихвенцов, Эммануель, Думбадзе и Глинястый, шт.-ротмистр Раков, корнеты Станишевский, Томашевский, Янушевский и Третьяков, ст. ун. офицеры Боголюбов и Малашихин. Поступили в Р. К. также окончившие кадет. корпус и принятые в кадр полка сыновья ротмистра Г. И. Думбадзе Александр и Игорь. Поступили в Р. К. и совсем еще юные сыновья корнетов Станишевского и Янушевского.

Добровольцы Александр и Игорь Думбадзе получили звание юнкеров и, находясь в юнкерском батальоне, прошли курс военных училищ и были произведены в чин корнета.

В тяжелых боях в 1944 году при отступлении из пределов Югославии был убит ротмистр Думбадзе, занимавший должность командира роты, а через несколько дней убит был его младший сын корнет Игорь Думбадзе.

Ранеными в боях были корнеты Томашевский и Третьяков.

По окончании войны, очутившись на территории, занятой западными союзниками, выяснилось, что без вести пропали ротм. Глинястый, шт. - ротм. Раков, корн. Станишевский и находившийся в тылу в госпитале корнет Томашевский

Как доказательство правоты взгляда эмиграции восточной Европы является то, что все чины Русского корпуса получили право «Д. П.» (перемещенных лиц) и всем была предоставлена возможность поселиться в разных странах западной Европы и Америки.

Полковое объединение в Париже продолжало существовать и после войны, но полковая организация расстроилась и ряды ее успели сильно поредеть.

23 дек. 1976 г.
Вайнлэнд Н. Дж., С.Ш.А.

ПРИЛОЖЕНИЕ №6

Из личных воспоминаний Василия Тимофеевича ротмистра Юрицына.

Много тяжелых испытаний пришлось пережить после катастрофы, постигшей нашу Родину от злощастной революции 1917 года. Много горя пережили и очень мало радостей. Многое уже забылось, но так ясно еще вспоминаются некоторые радостные эпизоды из дореволюционного периода жизни. Особенно ярко представляется сейчас пребывание Царской Семьи в Ливадии в 1913 году. К тому, что помещено в памятке, хочется прибавить еще и мои личные переживания, которые переживались также и всеми другими моими однополчанами, но суждено было мне встретить со стороны Царской Семьи особое милостивое внимание и доброжелательство, воспоминаниями о которых хотелось бы поделиться со всеми теми, кто пожелал бы прочесть эти мои записки.

В то время я находился в составе дивизиона нашего полка, несшего службу охраны Царской Семьи в Ливадии. Дома у меня произошло большое семейное событие — рождение сына. Об этом очень скоро стало известно в дворцовых кругах, т. к. мой однополчанин к-р 3-го эскадрона ротм. Москвенко при встрече с одной из знакомых ему фрейлин Государыни сообщил ей эту новость и, конечно, об этом было доложено и нашему Шефу Государыне Императрице. Через дежурную фрейлину Государыня вызвала меня к Себе и спросила: «Когда хотите крестить?» и затем добавила, что желает быть крестной, а кумом должен быть командир полка полковник Дробязгин, но т. к. он находился в командировке, то крестины были отложены на незначительное время до возвращения полковника Дробязгина. Со всех сторон меня стали расспрашивать о новорожденном; особенно интересовались Великие Княжны, которые, как оказалось, видели меня едущим в экипаже и со мной был младенец. Через фрейлину Государыни узнали мы, как во время крестин должны быть одетыми жена, а также и няня.

Договорился я с представителем фирмы «Рено» о «карете» (лимузине). Представитель фирмы так обрадовался этому заказу, что пожелал совершенно бесплатно предоставить автомобиль и самому сидеть за рулем. Начались спешные хлопоты по приобретению в магазинах всего специального необходимого для крестин. Ко дню, назначенному для крестин, все было готово и точно в определенный час мы прибыли во дворец, где нас встретил наш командир полка в полной парадной форме и вместе с дежурным флигель-адъютантом провели они нас в одну из гостиных, в которой пылал огонь в

камине. Через несколько минут в гостиную, где мы остались ждать, прибежали все четыре чудесные наши Великие Княжны, а вскоре за ними вошла Государыня Императрица, поцеловала мою жену и сына, который начал громко кричать; нужно было его пеленать, но Ее Величество не дала пеленать младенца и сказала: «Я мать и знаю, как надо это сделать». Сама спеленала младенца. В это время вошел диакон и спросил меня какая температура должна быть в купели. Я не знал что ответить, но Государыня сама сразу же обратилась к диакону и приказала, чтобы температура была бы нормальной.

После этого Ее Величество заявила жене и мне, что по церковному уставу мы не имеем права присутствовать при крещении и предложила нам перейти в молельню, а увидя наше недоумение, сказала Великим Княжнам Ольге и Татиане Николаевнам, чтобы провели бы нас, что обе Великие Княжны сразу же исполнили. Молельня отделялась аркой от алтаря; стояло в молельне кресло и была подушка для колен. Виден был престол и много икон. Слышен был громкий голос диакона, раздавалось пение Царской капеллы, а главный виновник торжества, младенец, горько плакал. Внутреннего устройства церкви мы не видели.

После совершения таинства крещения все присутствовавшие снова вернулись в гостиную. Ее Величество также пришла в гостиную, но через минуту вышла в соседнюю комнату и сейчас же вернулась обратно, что-то дала жене, поздравила ее и поцеловала, затем Государыня обратилась к няне и тоже что-то ей дала, а няня с глубоким поклоном приняла подарок. После этого Ее Величество предложила всем последовать за Ней и мы очутились в большой гостиной, где уже находилось много гостей: фрейлины, генералы и другие высшие чины. Все начали нас поздравлять, а лакеи разносили шампанское, а потом разные сладости.

Когда кончились все поздравления и выпито было шампанское, Ее Величество снова поцеловала жену и нашего младенца - сына и вышла во внутренние покои дворца. Мы же все присутствовавшие стали расходиться по пути, показываемому нам скороходами. Все было обставлено весьма торжественно и вместе с тем уютно и без всякого натянутого этикета. Наконец вышли к главному выходу, где швейцары помогли нам сесть в автомобиль, и мы уехали с чувством особенного нравственного подъема и радости, которые трудно описать; няня, переживавшая все торжество, может быть, еще сильнее нас, даже перекрестилась и глубоко вздохнула.

От Ее Величества Дарья Львовна, моя жена, получила своеобразный род шифра, роскошный белый эмалевый щит, посередине которого был орел из бриллиантов, а вокруг него были вставлены семь больших жемчужин.

Через несколько дней был получен запрос от Их Величеств о том, как все обстоит после крестин, а затем в собрание прибыл фельдъегерь с

пакетом, на котором был адрес: «Лично, секретно, поручику Юрицыну». Все офицеры, мои однополчане, пристали: «Скорей открывай»! Оказалось удостоверение походной канцелярии Его Величества, в котором было указано, что Ее Величество лично была восприемной матерью. Оказалось, что такое удостоверение дает право крестнику учиться в любом учебном заведении за счет Ее Величества.

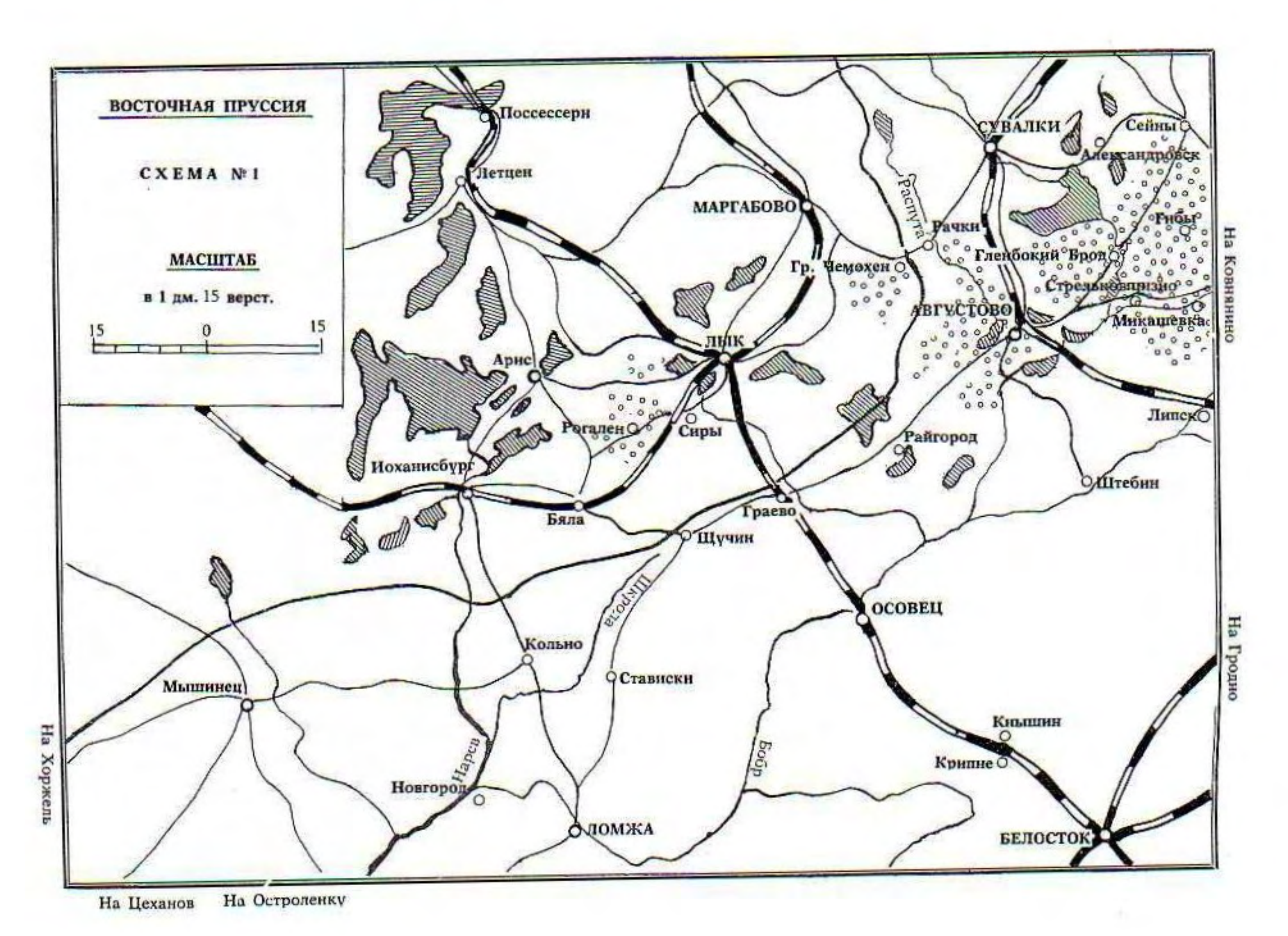
Маленький Вася был первым в полку крестником Ее Величества. Впоследствии Государыня не раз спрашивала о здоровьи крестника, а также не нужно ли что-нибудь ему. Даже был запрос на фронте во время войны.

23 декабря 1976 г. — В. Ю.

Лэйквуд, Нью Джерзи, С.Ш.А.

СХЕМЫ И КАРТЫ

ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ
СХЕМА №1
МАСШТАБ
в 1 дм. 15 верст.
15
0
15
Поссессерн
Летцен
МАРГАБОВО
СУВАЛКИ
Сейны
Александровск
Гибы
Распута
Рачки
Гр. Чемохен
Глембокий Брод
Стрельковизна
АВГУСТОВО
Микашевка
ЛЫК
Арис
Рогален
Сиры
Липск
Райгород
Иоханисбург
Штебин
Граево
Бяла
Щучин
Шкрода
ОСОВЕЦ
Кольно
Стависки
Мышинец
Кнышин
Крипне
Нарев
Бобр
Новгород
ЛОМЖА
БЕЛОСТОК
На Ковнянино
На Гродно
На Хоржель
На Цеханов
На Остроленку

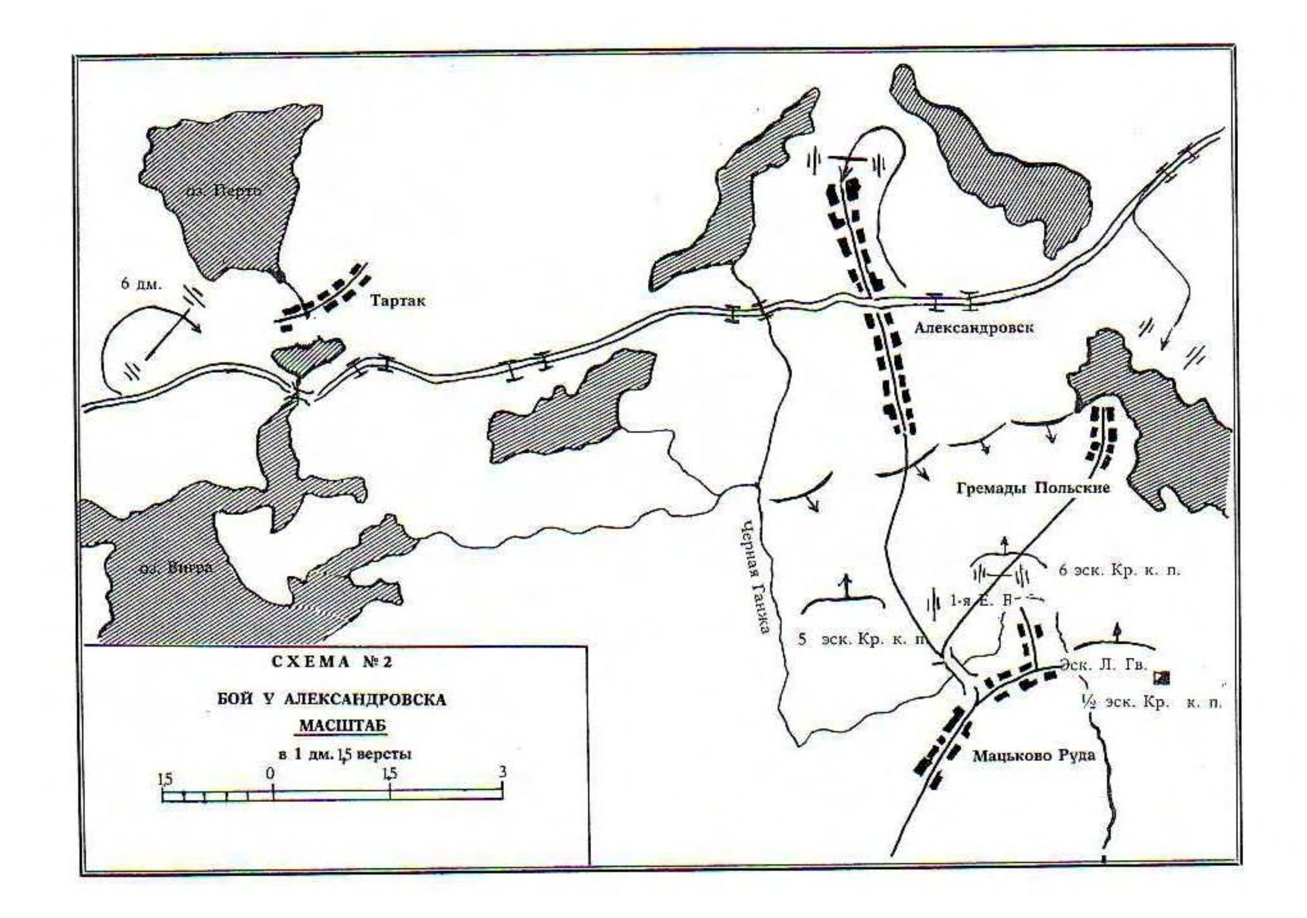
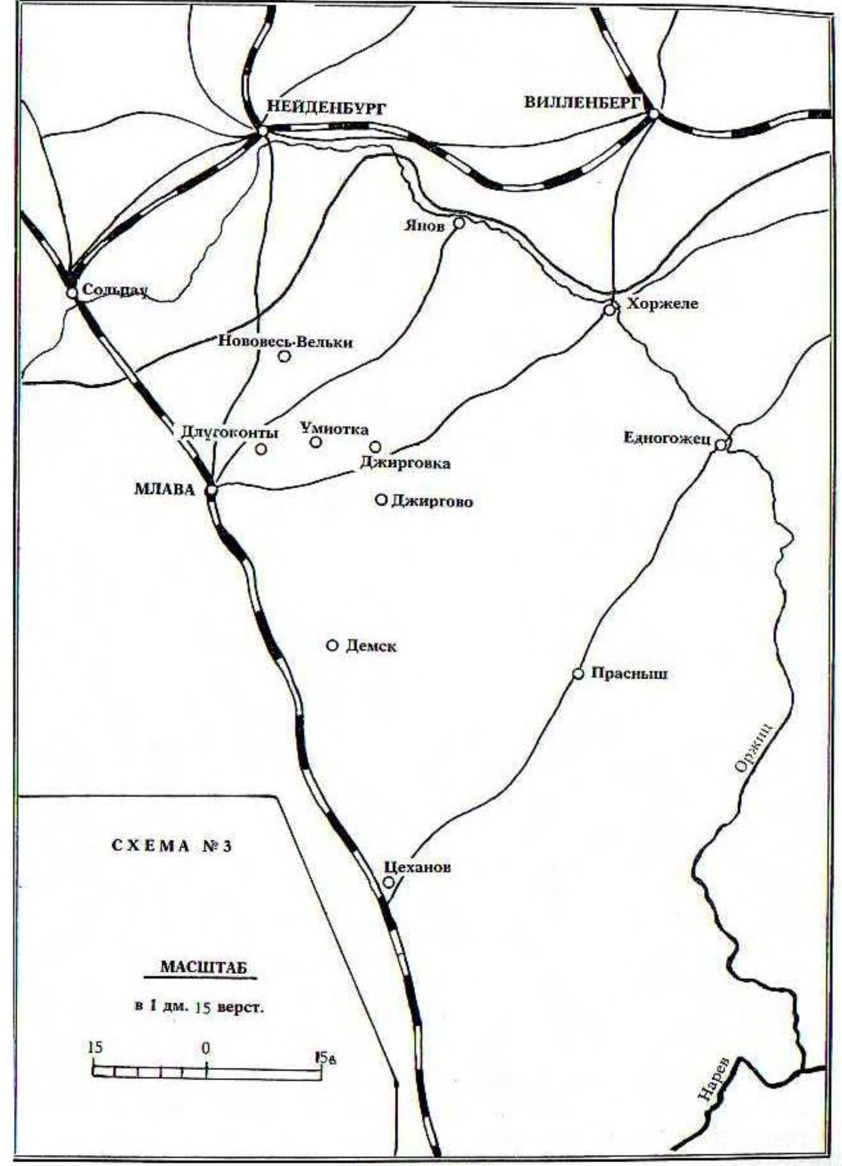

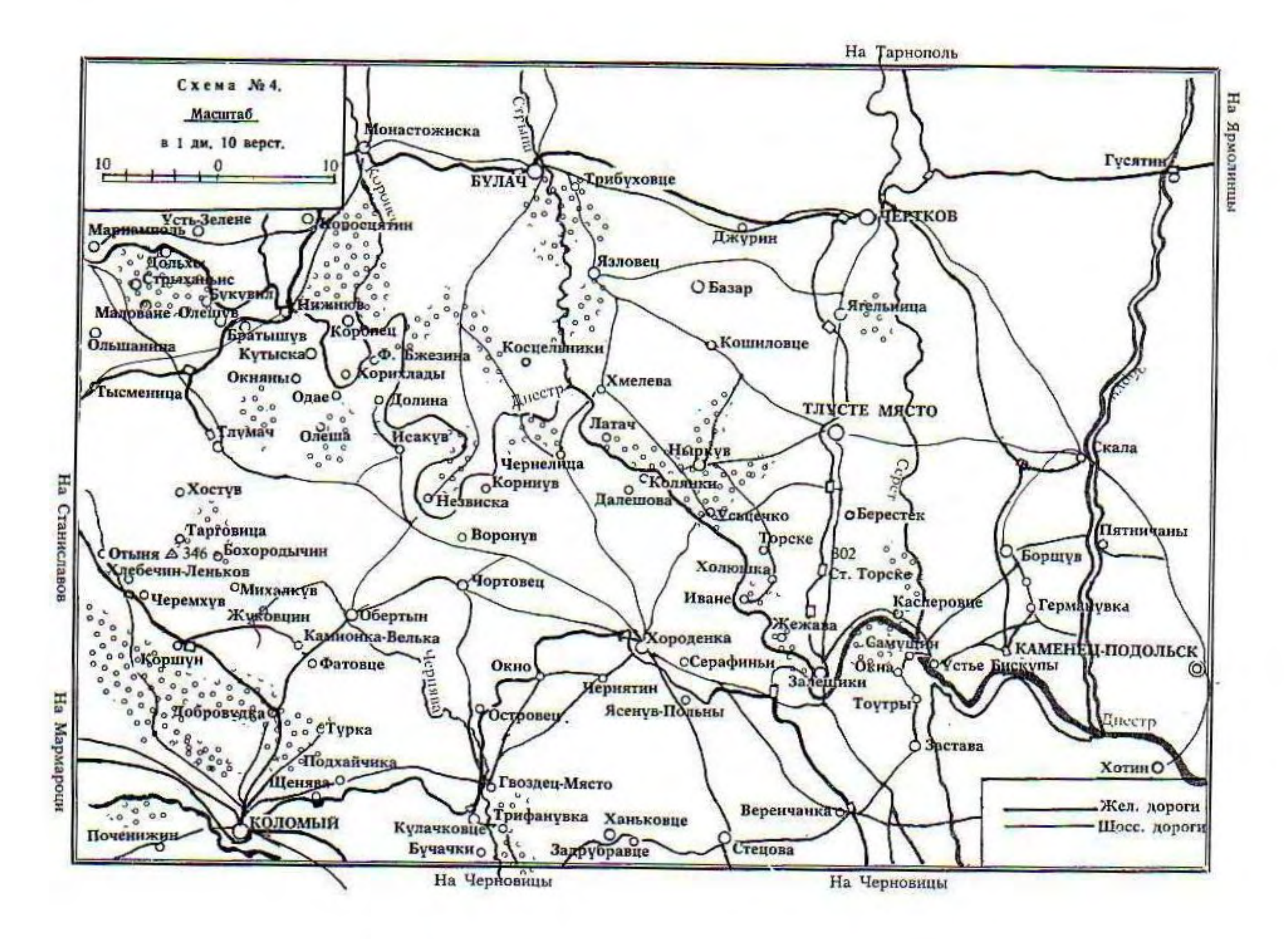
СХЕМА № 2

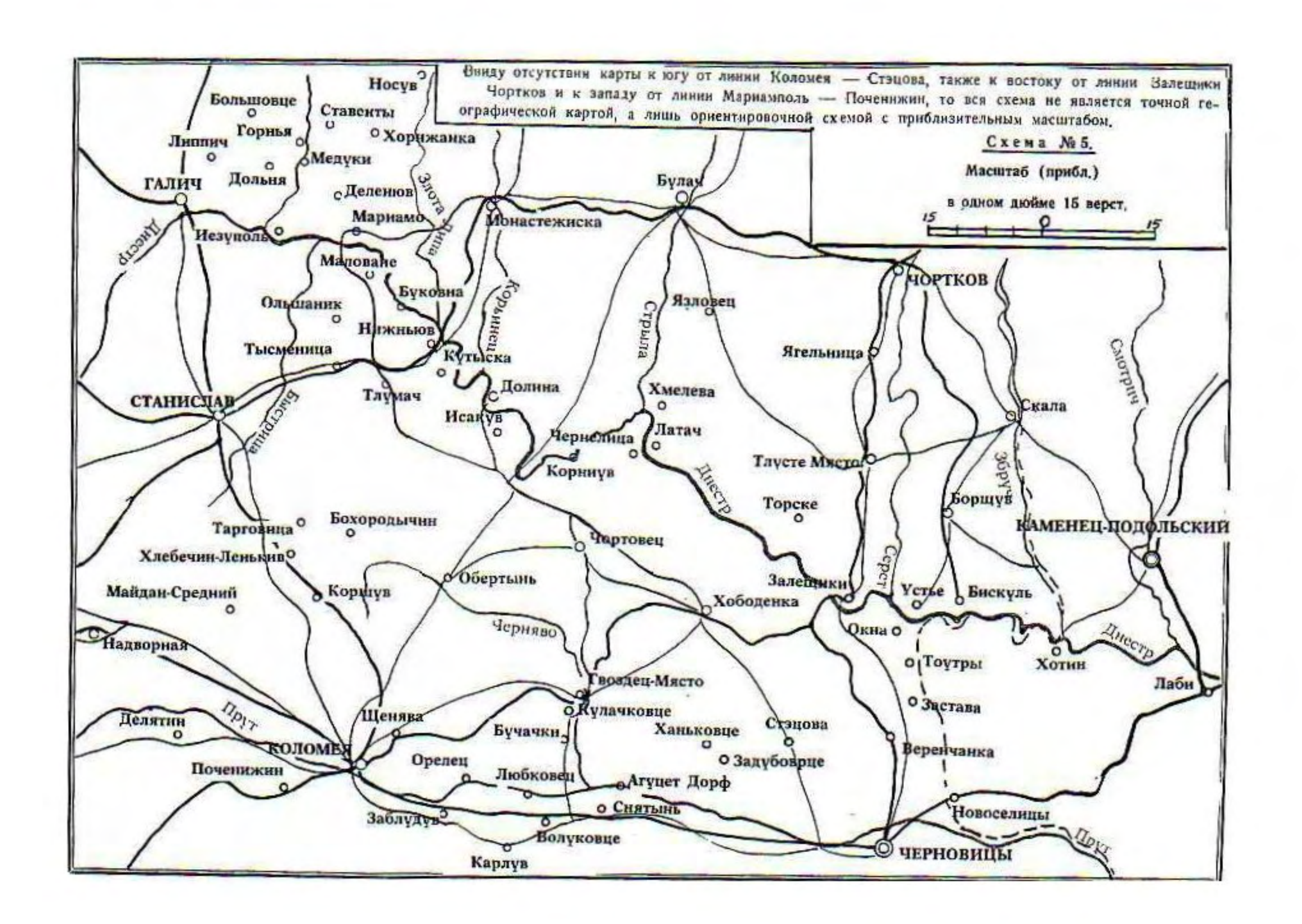
БОЙ У АЛЕКСАНДРОВСКА

МАСШТАБ

в 1 дм. 1,5 версты

НЕЙДЕНБУРГ
ВИЛЛЕНБЕРГ
На Мышинец
Янов
Сольдау
Хоржеле
Нововесь-Вельки
Длугоконты
Умиотка
Джирговка
Едногожец
МЛАВА
Джиргово
Демск
Прасныш
Оржиц
СХЕМА № 3
Цеханов
МАСШТАБ
в 1 дм. 15 верст.
15
0
15в
Нарев
На Новогеоргиевск

Схема №4.
Масштаб
в 1 дм. 10 верст.
10 0 10
На Тарнополь
На Ярмолинцы
На Станиславов
На Мармароци
На Черновицы
На Черновицы
Монастожиска
БУЛАЧ
Трибуховце
ЧЕРТКОВ
Гусятин
Джурин
Язловец
Базар
Ягельница
Кошиловце
Косцелники
Хмелева
ТЛУСТЕ МЯСТО
Скала
Днестр
Серет
Латач
Ныркув
Чернелица
Корниув
Незвиска
Коляnки
Далешова
Берестек
Пятничаны
Торске
302
Ст. Торске
Борщув
Холюшка
Иване
Касперовце
Германувка
Жежава
Самушин
КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСК
Хороденка
Серафинцы
Окна
Устье Бискупы
Залещики
Тоутры
Чернятин
Ясенув-Польны
Окно
Островец
Застава
Хотин
Гвоздец-Място
Веренчанка
Трифанувка
Ханьковце
Кулачковце
Бучачки
Задрубравце
Стецова
Жел. дороги
Шосс. дороги
КОЛОМЫЙ
Почениэжин
Щенява
Подхайчика
Турка
Добровудка
Коршун
Фатовце
Камионка-Велька
Обертын
Чортовец
Жуковцин
Михалкув
Черемхув
Хлебечин-Леньков
Отыня
346
Бохородычин
Тарговица
Хостув
Вороnув
Исакув
Олеша
Глумач
Тысменица
Одае
Долина
Окняны
Кутыска
Корихлады
Ф. Бжезина
Коропец
Братышув
Ольшаница
Маловане
Олешув
Нижнюв
Букувна
Стрыхарьце
Дольхе
Мариамполь
Усть-Зелене
Коросцятин
Коропец
Стрыпа
Черпава

Ввиду отсутствия карты к югу от линии Коломея — Стэцова, также к востоку от линии Залещики Чортков и к западу от линии Мариамполь — Поченижин, то вся схема не является точной географической картой, а лишь ориентировочной схемой с приблизительным масштабом.
Схема № 5.
Масштаб (прибл.)
в одном дюйме 15 верст.
15
0
15
Носув
Большовце
Ставенты
Горнья
Липпич
Хорнжанка
Медуки
ГАЛИЧ
Дольня
Деленюв
Мариамо
Иезуполь
Днестр
Злота Липа
Монастежиска
Булач
Маловане
Буковна
Корьинец
Ольшаник
Нижньюв
Тысменица
Кутыска
Стрыла
Язловец
ЧОРТКОВ
Ягельница
Смотрич
Долина
Тлумач
СТАНИСЛАВ
Быстрица
Хмелева
Исакув
Латач
Скала
Черненица
Корниув
Тлусте Място
Днестр
Збручъ
Борщув
Торске
Бохородычин
Тарговница
Хлебечин-Леньків
Чортовец
КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКИЙ
Серст
Обертынь
Залещики
Устье
Бискуль
Майдан-Средний
Коршув
Хободенка
Черняво
Окна
Надворная
Днестр
Хотин
Тоутры
Гвоздец-Място
Лаби
Кулачковце
Застава
Прут
Делятин
Щенява
Стэцова
Ханьковце
Бучачки
КОЛОМЕЯ
Веренчанка
Задубоврце
Орелец
Поченижин
Любковец
Агуцет Дорф
Снятынь
Новоселицы
Заблудув
Волуковце
Прут
ЧЕРНОВИЦЫ
Карлув

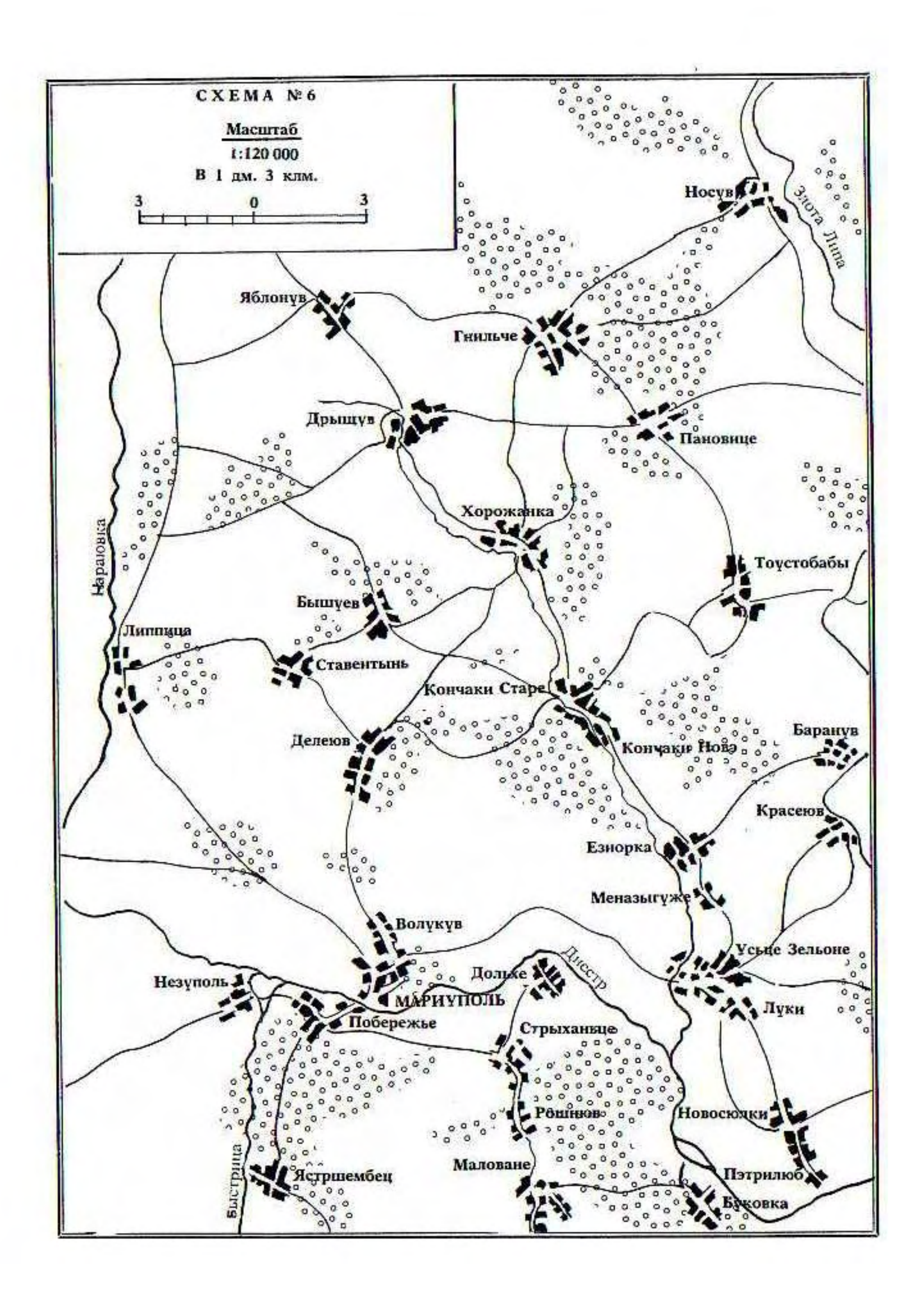

СХЕМА №6
Масштаб
1:120 000
В 1 дм. 3 клм.
3
0
3
Носув
Злота Липа
Яблонув
Гнильче
Дрыщув
Пановице
Хорожанка
Тоустобабы
Нараювка
Бышуев
Липпица
Ставентынь
Кончаки Старе
Делеюв
Кончаки Нове
Баранув
Красеюв
Езнорка
Меназыгуже
Волукув
Усьце Зельоне
Диестр
Незуполь
Дольке
МАРИУПОЛЬ
Луки
Побережье
Стрыханьце
Рошнюв
Новосюлки
Маловане
Пэтрилюб
Быстрица
Ястршембец
Буковка

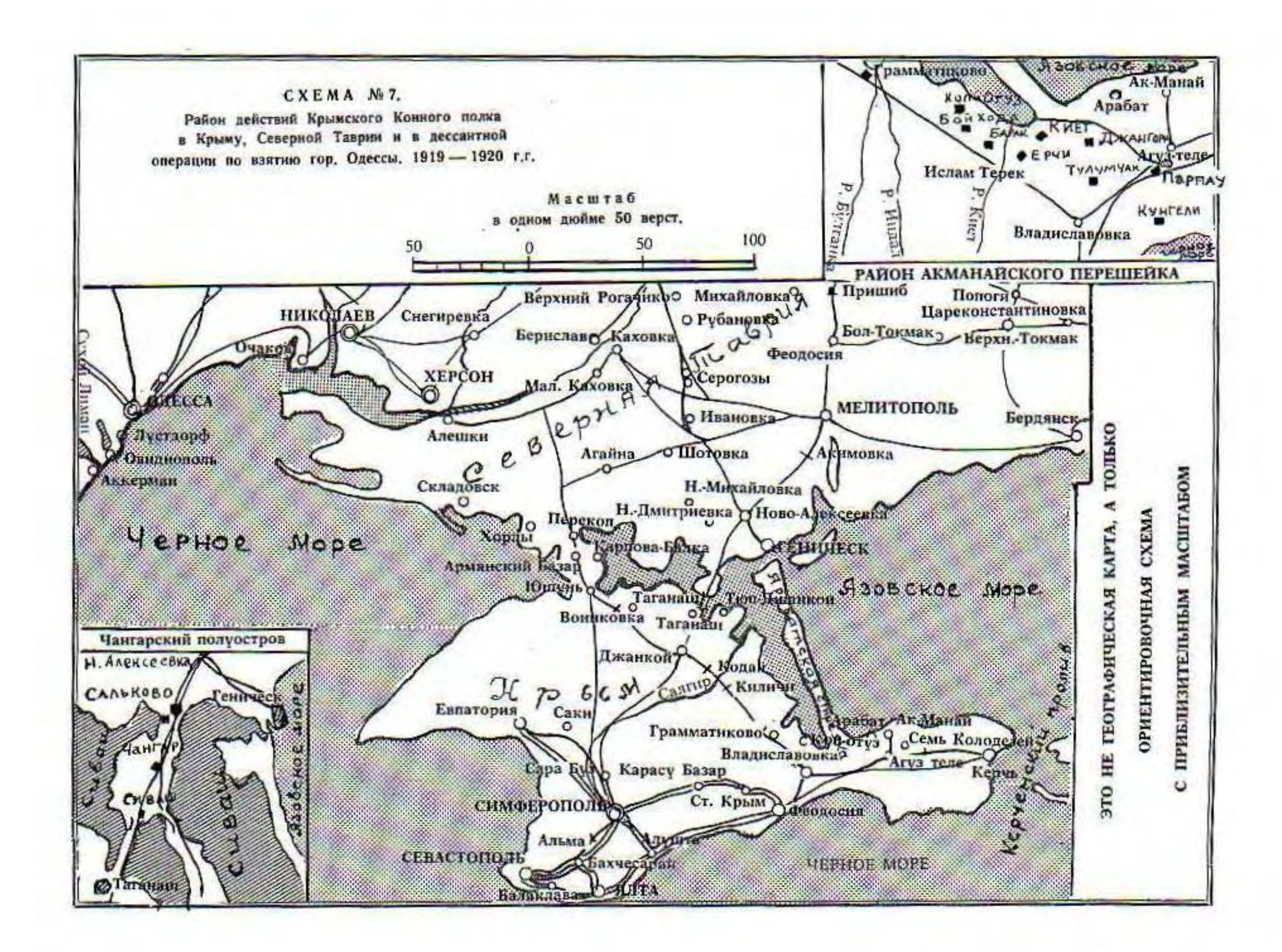

СХЕМА № 7.
Район действий Крымского Конного полка в Крыму, Северной Таврии и в десантной операции по взятию гор. Одессы. 1919 — 1920 г.г.
Масштаб
в одном дюйме 50 верст.
50 0 50 100
ЭТО НЕ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА, А ТОЛЬКО
ОРИЕНТИРОВОЧНАЯ СХЕМА
С ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫМ МАСШТАБОМ
РАЙОН АКМАНАЙСКОГО ПЕРЕШЕЙКА
Чангарский полуостров
Черное Море
Азовское Море
Северная Таврия
Крым
ЧЕРНОЕ МОРЕ
НИКОЛАЕВ
ХЕРСОН
Очаков
Снегиревка
Верхний Рогачик
Михайловка
Рубановка
Берислав
Каховка
Мал. Каховка
Серогозы
Алешки
Ивановка
МЕЛИТОПОЛЬ
Бердянск
Агайна
Шотовка
Акимовка
Складовск
Н.-Михайловка
Н.-Дмитриевка
Ново-Алексеевка
Перекоп
Хорлы
Карпова-Балка
Армянский Базар
Юшунь
Таганаш
Воинковка
Джанкой
Кодак
Килинчи
Салгир
Евпатория
Саки
Грамматиково
Владиславовка
Арабат
Ак-Манай
Семь Колодезей
Агуз теле
Керчь
Сара Буз
Карасу Базар
Ст. Крым
СИМФЕРОПОЛЬ
Феодосия
Альма
Алушта
СЕВАСТОПОЛЬ
Бахчисарай
Балаклава
Ялта
Пришиб
Пологи
Царевоконстантиновка
Бол-Токмак
Верхн.-Токмак
Люстдорф
Аккерман
Сухой Лиман
Грамматиково
Арабат
Ислам Терек
Тулумчак
Парпау
Кунгели
Владиславовка
Р. Киет
Р. Индал
Р. Булганак
Н. Алексеевка
Сальково
Геническ
Чонгар
Сиваш

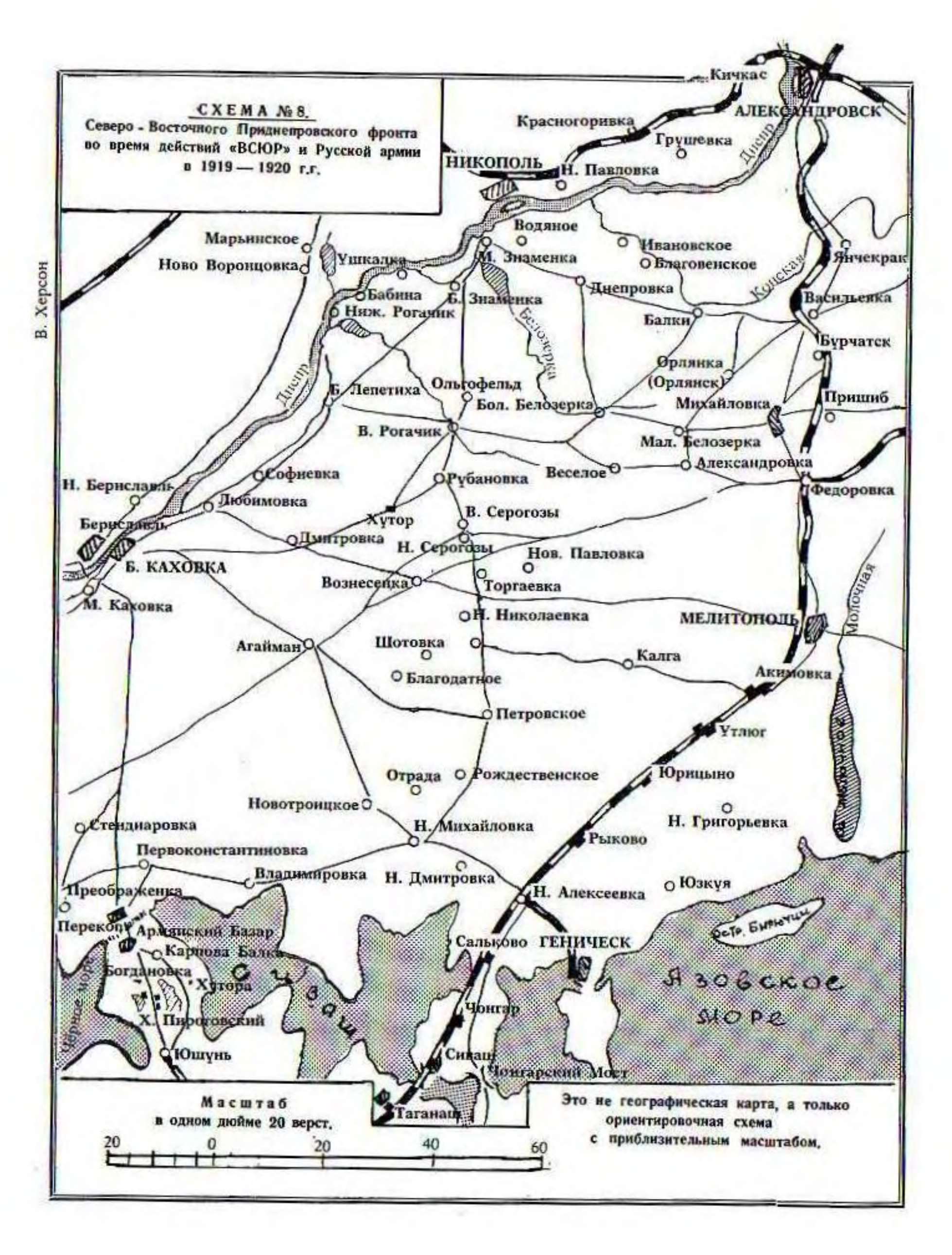
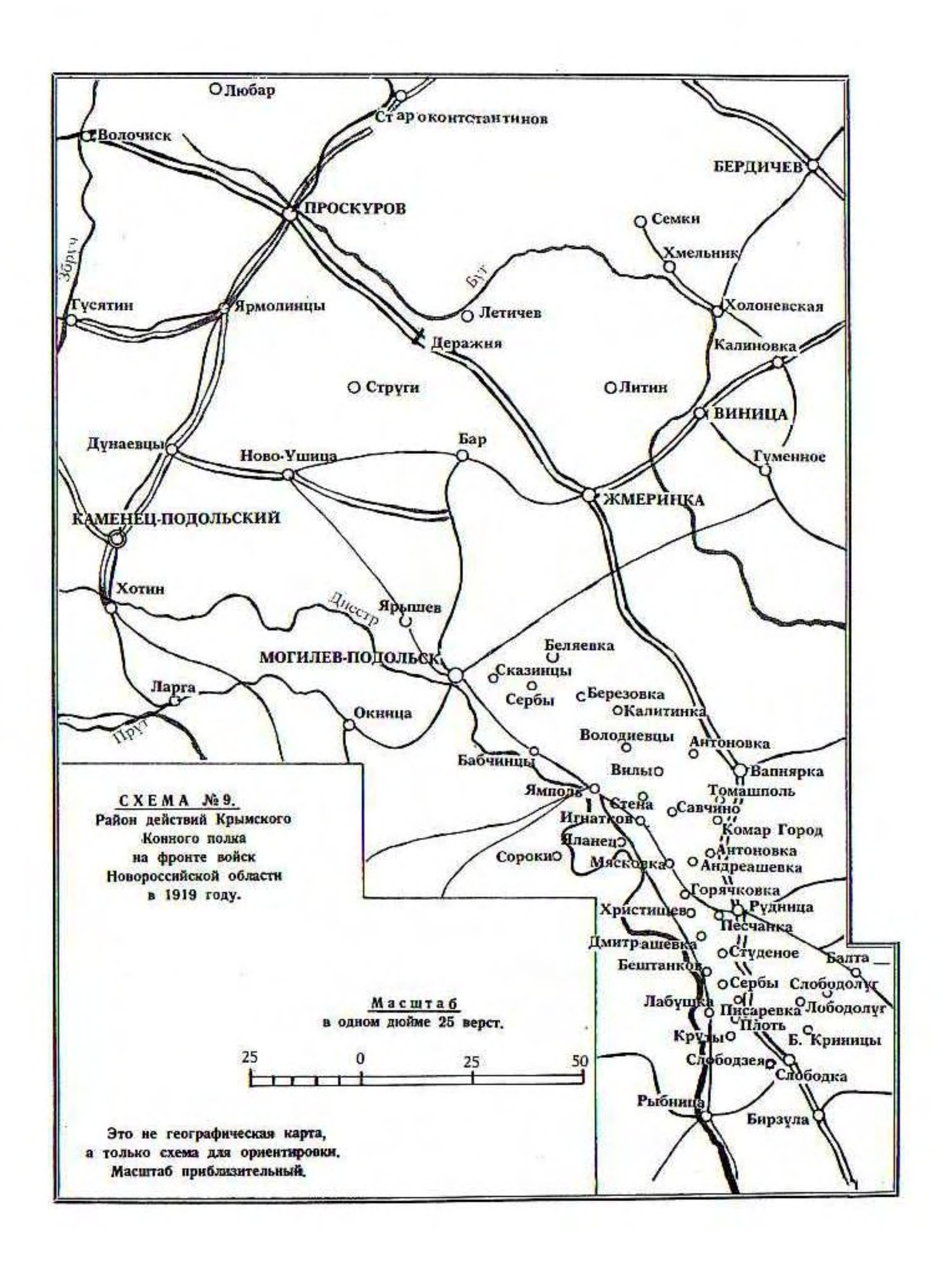

СХЕМА № 8.
Северо - Восточного Приднепровского фронта во время действий «ВСЮР» и Русской армии в 1919 — 1920 г.г.
В. Херсон
Кичкас
АЛЕКСАНДРОВСК
Красногоривка
Грушевка
НИКОПОЛЬ
Н. Павловка
Днепр
Марьинское
Ново Воронцовка
Ушкалка
Водяное
Ивановское
Благовенское
М. Знаменка
Янчекрак
Бабина
Б. Знаменка
Днепровка
Васильевка
Ниж. Рогачик
Балки
Бурчатск
Белозерка
Конская
Орлянка
(Орлянск)
Б. Лепетиха
Ольгофельд
Бол. Белозерка
Михайловка
Пришиб
В. Рогачик
Мал. Белозерка
Веселое
Александровка
Софиевка
Рубановка
Н. Бериславль
Любимовка
Федоровка
Хутор
В. Серогозы
Берислав
Дмитровка
Н. Серогозы
Нов. Павловка
Б. КАХОВКА
Вознесенка
Торгаевка
М. Каховка
Н. Николаевка
МЕЛИТОПОЛЬ
Молочная
Агайман
Шотовка
Калга
Благодатное
Акимовка
Петровское
Утлюг
Отрада
Рождественское
Юрицыно
Новотроицкое
Н. Григорьевка
Стендиаровка
Н. Михайловка
Рыково
Первоконстантиновка
Владимировка
Н. Дмитровка
Преображенка
Н. Алексеевка
Юзкуя
Перекоп
Армянский Базар
Сальково
ГЕНИЧЕСК
Карпова Балка
о-в Бирючий
Богдановка
Хутора
Сиваш
Азовское море
Черное море
Чонгар
Х. Пироговский
Юшунь
Сиваш
Чонгарский Мост
Таганаш
Масштаб
в одном дюйме 20 верст.
20
0
20
40
60
Это не географическая карта, а только ориентировочная схема с приблизительным масштабом.

Любар
Староконтстантинов
Волочиск
БЕРДИЧЕВ
ПРОСКУРОВ
Семки
Хмельник
Збруч
Буг
Гусятин
Ярмолинцы
Летичев
Холоневская
Деражня
Калиновка
Струги
Литин
ВИНИЦА
Дунаевцы
Ново-Ушица
Бар
Гуменное
ЖМЕРИНКА
КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКИЙ
Хотин
Днестр
Ярышев
Беляевка
МОГИЛЕВ-ПОДОЛЬСК
Сказинцы
Сербы
Березовка
Ларга
Калитинка
Прут
Окница
Володиевцы
Антоновка
Бабчинцы
Вилы
Вапнярка
Томашполь
Ямполь
Стена
Савчино
Игнатков
Комар Город
Яланец
Антоновка
Сороки
Мясковка
Андреашевка
Горячковка
Христищев
Рудница
Песчанка
Дмитрашевка
Студеное
Балта
Бештанков
Сербы
Слободолуг
Лабушка
Писаревка
Лободолуг
Плоть
Круты
Б. Криницы
Слободзея
Слободка
Рыбница
Бирзула
СХЕМА №9.
Район действий Крымского
Конного полка
на фронте войск
Новороссийской области
в 1919 году.
Масштаб
в одном дюйме 25 верст.
25
0
25
50
Это не географическая карта,
а только схема для ориентировки.
Масштаб приблизительный.